ПЕРЕѢЗДЫ ПО РОССІИ ВЪ 1852 ГОДУ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

ПО ВОЛГѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отплытіе изъ Нижняго. — Капитанъ волжскаго парохода. — Маленькій Хлестаковъ, не слишкомъ сильный въ географіи. — Лоцманъ Звѣздинъ и его разсказъ. — Жигулевскія горы. — Дѣвкинъ мысъ. — Бугоръ Таньки-разбойницы. — Курганъ Стеньки Разина. — Волжское судоходство въ настоящемъ и въ будущемъ. — Встрѣча съ коноводкою. — Что значитъ слово: «*стремленіе*».

— Что́, лоцманъ, знаешь Волгу?

— Нелегко ее узнать! отвѣчалъ Звѣздинъ, сердито махнувъ рукою.

— А вѣдь важная рѣка!

— Важная-то важная, да поди, узнай ее! То ударитъ въ луговую, то бросится въ горы.

Такъ бесѣдовали мы съ лоцманомъ Звѣздинымъ, извѣстнымъ знаніемъ своего дѣла и тугою, отрывистою рѣчью.

Пароходъ «Мининъ», капитанъ бывшій морякъ Б*, летѣлъ уже внизъ по стремнинамъ матушки-Волги, оставляя за собой величественный Кремль съ зубцами и башнями, зеленѣющій *Скосъ* съ его чуднымъ видомъ на Волгу и гуляющею публикой и пароходъ «Рафаилъ», дымящійся у пристани, готовый къ принятію нижегородцевъ для прогулки по Волгѣ, съ пѣснями и музыкой.

Громкій звонъ колоколовъ уже стихалъ въ отдаленіи, и Нижній постепенно утопалъ въ водахъ Оки и Волги, сливающихся въ ши-

рокое море у ногъ его. Казалось, и мы плывемъ не по рѣкѣ, а по какому нибудь морскому заливу.

Но пароходъ плылъ не по срединѣ рѣки. Звѣздинъ безпрестанно поворачивалъ его *то въ горы, то въ луговую* (къ правому—высокому, и лѣвому — низменному берегу). И тамъ, гдѣ требовалась быстрота при поворотѣ, лоцманъ сбрасывалъ съ себя шубу изъ черныхъ мерлушекъ и, оставшись въ красной рубашкѣ, съ силою поворачивалъ колесо штурвала, браня рулевого за медленность и неповоротливость.

Общество пассажировъ было довольно пестрое. Прежде всѣхъ обращалъ на себя вниманіе высокій, стройный мужчина, съ прекрасными, правильными чертами лица и черною окладистою бородою, пзрѣдка дававшій пинка псамъ и моськамъ, привязаннымъ къ колесамъ или запиханнымъ внутрь его тарантаса, стоявшаго на шкапцахъ. Второе лицо — les extrêmes se touchent — былъ крошечный господинъ, съ дѣтскою, морщинистою физіономіей и порядочной лысиной, успѣвшій объявить всему пароходу, что онъ изъ Санктпетербурга и ѣдетъ по одному очень-очень важному порученію.

— Билетикъ-съ? сказалъ рыжебородый прикащикъ, обращаясь къ красивому господину.

— Biletiks?... Che cosa è?

— Да-съ, билетикъ пожалуйте-съ! повторялъ настойчиво прикащикъ.

— Per Bacco! Che volete dire?

И итальянецъ сдѣлалъ знакъ своему слугѣ подойти для объясненія: слуга зналъ по русски.

— Vi chiedano il viglietto per la traversata sul vapore, сказалъ капитанъ итальянцу, объясняя, въ чемъ дѣло.

Итальянецъ посмотрѣлъ во всѣ глаза на капитана.

— Se non mi sbaglio, lei deve esser il Signor capittano?

— Oui, Monsieur, à votre service.... Et vous, monsieur?

— Moi? Je suis Artiste.... Diamine! продолжалъ удивляться итальянецъ: — son ben contento di aver trovato un capitano, cosi istrutto! (Какъ я радъ, что встрѣчаю столь образованнаго капитана!) и прибавилъ по французски: — я два лѣта пѣлъ въ Казани и ѣздилъ туда на пароходахъ, но ни разу не встрѣчалъ капитана, знающаго итальянскій языкъ.

Общество сгруппировалось около капитана и итальянца. Всѣ разсказывали цѣль своей поѣздки. Пѣвецъ Форини ѣхалъ въ Иркутскъ восхищать сибирскихъ жителей напѣвами Геснера. Кто

ѣхалъ, на кумысъ, въ Оренбургскую губернію, кто на Сергіевскія, кто на Кавказскія воды, а оттуда въ Крымъ.

— А я въ Астрахань, повторилъ маленькій Хлестаковъ: — по особому, очень важному порученію, — и онъ гордо посмотрѣлъ на окружающихъ,— да подорогѣ думаю заѣхать тоже въ Крымъ.... И, приподнявъ голову, какъ бы что-то соображая, продолжалъ: — да, это, кажется, по дорогѣ. Я нѣсколько забылъ географію, но это такъ.... не правда ли, капитанъ?

— Вы ошиблись. Завезти васъ въ Крымъ на пароходѣ не приходится. Это будетъ порядочный крюкъ.

— Жалко! Для человѣка моего званія.... не совсѣмъ-то, знаете, ловко пріѣхать въ Крымъ не въ своемъ экипажѣ, а на перекладныхъ.... На пароходѣ — другое дѣло.

— А гдѣ же вашъ экипажъ? почтительно спросилъ мой спутникъ.

— На дорогѣ сломался; я не хотѣлъ ждать... экстренное дѣло...

И маленькій Хлестаковъ еще выше поднялъ подбородокъ, не переставая разсказывать собравшимся вокругъ него пассажирамъ, кто онъ, и съ кѣмъ знакомъ въ Петербургѣ, и какое его порученіе. Прикащики слушали его растопыривъ руки.

— Я въ отчаяніи: отъ Звѣздина ничего не добьешься.

— Дѣйствительно, съ нимъ надо имѣть терпѣніе и снаровку, отвѣчалъ мнѣ капитанъ. — Чрезъ нѣсколько минутъ подойди снова къ нему и заведи рѣчь о чемъ нибудь совершенно постороннемъ, потомъ незамѣтно перейди хоть къ городамъ по Волгѣ, а тамъ ужь онъ и самъ разойдется.

Капитанъ зналъ своего лоцмана. Мало по малу языкъ его сталъ поворачиваться съ бо́льшею быстротою, маленькіе сѣрые глаза одушевились, и, скомандовавъ рулевому: *по стремленію!* онъ присѣлъ возлѣ меня на трапѣ кожуховъ и сказалъ:

— Эхъ, баринъ! если хочешь, всѣ деревни и посады на Волгѣ,— всѣ разскажу, гдѣ и какъ и сколько какого народу живетъ и какой промыселъ ведетъ. Какъ на вашихъ картахъ, все распишу—каждую тычинку на Волгѣ знаю, не токмо что́ другое. Вы все за карту стоите: дескать, можно написать карту Волги, какъ морскую вашу. Нѣтъ господа, отложите попеченіе!

Здѣсь лоцманъ пустился въ подробное, но безтолковое изложеніе причинъ, почему нельзя «*написать морскую карту Волги*». Главнѣйшая невозможность заключалась, по мнѣнію лоцмана — и онъ правъ — почти въ ежегодныхъ измѣненіяхъ волжскаго *стремленія* (фа́рватера), происходящихъ отъ образованія новыхъ и пере-

движенія старыхъ мелей. Это измѣненіе фарватера мы постараемся объяснить впослѣдствіи, а теперь послушаемъ, что̀ еще скажетъ лоцманъ.

— При Государынѣ Екатеринѣ II, продолжалъ Звѣздинъ: — не упомню въ какомъ году, въ городѣ Рыбинскѣ спущена была на воду *посуда*, по тогдашнему — *ковчезецъ*, а по вашему, по морскому — *баркасъ*. У насъ же, на Волгѣ, посуда такая зовется *дощаникомъ*. Его и теперь берегутъ въ Казани.

— Ты самъ видѣлъ его?

— Нѣтъ, не видалъ, а народъ говоритъ. Мнѣ же видѣть не пришлось. Пароходъ пристаетъ далеко отъ Казани, а такъ побывать тамъ не удалось. Лѣтомъ нѣкогда; зимой уйдешь на родину.

— Куда?

— Въ Рязанскую... Ну-съ! такъ слухъ идетъ, что ковчезецъ этотъ и теперь въ городѣ Казани; ему отдаютъ такой почетъ, какъ ботику Петра Великаго въ Питерѣ. Сказываютъ еще, что сама царица на ковчезцѣ этомъ поплыла внизъ по теченью и наказала смотрѣть на часы. Проплыли часъ, два времени. Стой, станови столбъ: это первая *перемѣна*. Еще проплыли часъ другой — опять столбъ: другая перемѣна. Такъ размежевали всю Волгу по часамъ на перемѣны, спуская внизъ на дощаникѣ.

— А что̀ значатъ перемѣны? и для чего онѣ?

— А это значитъ, сударь мой, что здѣсь перемѣняются бурлаки, когда тянутъ посуду вверхъ «лямкой», въ бичеву̀ю. Отъ этого и называется перемѣна. Хозяинъ дѣлаетъ уговоръ съ бурлаками на столько-то перемѣнъ, а бурлаки промежь собой смѣняются по очереди у перемѣны, чтобъ поровну въ работѣ и въ отдыхѣ быть.

— Какже поровну? развѣ ты не знаешь, что теченіе Волги различное, притомъ дощаникъ плылъ гдѣ съ попутнымъ, гдѣ съ противнымъ вѣтромъ, гдѣ вовсе безъ вѣтра, слѣдовательно въ одно и то же время онъ проплывалъ гдѣ пять, гдѣ десять верстъ, и оттого длина перемѣны должна быть различная.

— Мы это смекнули и безъ тебя, сударь; да невелика въ томъ бѣда. Бурлаки на это не жалуются. Говорятъ, кому какое счастье выйдетъ, а нето бросаютъ жеребій, кому съ какой перемѣны въ лямку стать. Иному одна перемѣна придется верстъ въ десять, другому — въ двадцать, а потомъ наоборотъ.

— А вообще, какъ велика перемѣна?

— Разно бываетъ, смотря по мѣсту. Отъ Твери до Рыбинска въ пятнадцать верстъ, отъ Рыбинска до Нижняго въ двадцать-пять и въ тридцать, а дальше и въ тридцать-пять и въ сорокъ, хватитъ по-

рой и въ шестьдесятъ. А хозяева за всѣ перемѣны платятъ поровну.

— Показывай мнѣ, гдѣ столбы перемѣнъ.

— Э! столбовъ тѣхъ уже Богъ вѣсть съ коихъ поръ и на памяти нѣтъ.

— Какъ же вы замѣчаете перемѣны?

— По примѣтамъ на берегу, по урочищамъ и селамъ.

— Сколько всѣхъ перемѣнъ отъ Рыбинска до Астрахани?

— Отъ Рыбинска до Нижняго 19, а съ Нижняго до Астрахани 62. Всего 81.

— А какъ называются онѣ?

— Выше Нижняго мнѣ рѣдко случалось подыматься, особенно въ *межень*, и потому именъ всѣхъ перемѣнъ въ порядкѣ не упомню. А вотъ отъ Нижняго до Астрахани знаю какъ по книгѣ — хотите, такъ слушайте: перемѣна 20-я: село Великій Оврагъ; 21 — село Работки; 22 — городъ Макарьевъ; 23 — Шолковъ *затонъ* (по вашему, т. е., заливъ, али гавань); 24 — деревня Сомовка; 25 — село Хмѣлевка; 26 — село Сумки; 27 — городъ Козмодемьянскъ; 28 — Ильинская Пустынь; 29 — городъ Чебоксары; 30 — село Сундырь; 31 — деревня Чекуры; 32 — Бѣловолжская Слободка; 33 — Свіяжскій перевозъ (рѣка Свіяга); 34 — урочище Казань; 35 — село Теньки; 36 — Свѣтлая *коса;* 37 — городъ Тетюши; 38 — Зольны горы; 39 — село Ундары (или Ундры); 40 — городъ Симбирскъ; 41 — городъ Сенгилей; 42 — село Новодѣвичье; 43 — гора Жигулиха; 44 — Козья тропка; 45 — городъ Самара; 46 — рѣчка Ахтушка; 47 — Переволока (село Переваловка?); 48 — Лопатинъ *приверхъ* (Смытый островокъ) въ Сызранскомъ байракѣ (оврагѣ); 49 — село Черный затонъ; 50 — Черемшанскія мельницы. (Здѣсь очень сильное теченіе.) 51 — Пичугины ухвостья; 52 — село Терса (выше Волжска); 53 — село Воскресенскъ; 54 — Чардымъ; 55 — городъ Саратовъ; 56 — Несвятовка; 57 — Ахматскій приверхъ; 58 — село Золотое, или Осиново Лбище; 59 — Дапиловка (здѣсь бугоръ Стеньки Разина); 60 — нѣмецкая колонія Добринька; 61 — городъ Камышинъ; 63 — Балыклей; 64 — Стрѣльный бугоръ (разбойничій); 65 — казацкая станица Писковатка; 66 — станица Пичуга; 67 — городъ Царицынъ; 68 — Татьянка (около колоніи Сарепта); 69 — Солодники; 70 — станица Сухая Вязовка; 71 — Мазана коса; 72 — Черный яръ; 73 — станица Герасимовка; 74 — Вѣтлянка, станица; 75 — Копановка; 76 — городъ Инатава; 77 — Косика; 78 — Митина коса; 79 — Замьянъ; 80 — Толокопны горы; 81 — городъ Астрахань.

Показанія лоцмана по повѣркѣ съ дорожникомъ Волги оказались точными.

Между тѣмъ передъ нами пробѣгали села, деревни, города, расположенные довольно живописно на склонѣ нагорнаго берега. Луговая, или лѣвая сторона почти не населена, по причинѣ весенних разливовъ, простирающихся на огромное пространство. Вотъ прежде знаменитый, по своей ярмаркѣ, Макарьевъ (*), съ

(*) «Волжская торговля издревле имѣла характеръ ярмарочный. Задолго до утвержденія власти русскихъ за Волгою, этимъ путемъ изъ сѣверной Европы въ Азію, существовали въ Приволжьѣ ярмарки: въ Ателѣ, столицѣ хазаровъ; въ Булгарѣ, столицѣ булгаровъ. Нашествіе монголовъ нанесло ударъ волжской торговлѣ, но вскорѣ она ожила, и въ XIV столѣтіи на Волгѣ отъ устья Мологи до Сарая явился рядъ ярмарокъ. Изъ лѣтописей видимъ, что въ 1366 году была ярмарка на Нижнемъ Новгородѣ. Главнѣйшая изъ приволжскихъ ярмарокъ въ XV столѣтіи была въ Казани: сюда, 24 іюня, съѣзжались на Арское поле купцы, русскіе и восточные. Самъ казанскій царь выѣзжалъ со всѣмъ дворомъ своимъ на ярмарку, жилъ и пировалъ въ нарочно раскинутыхъ палаткахъ. Во время борьбы московскихъ государей съ Казанью, великій князь Василій Іоанновичъ, въ 1523 году, запретилъ русскимъ ѣздить на эту ярмарку, приказавъ собираться для торговли на вновь построенномъ тогда восточномъ оплотѣ Россіи—Василѣ. Но восточные купцы не ѣздили въ Василь, и Васильковская ярмарка не состоялась. Въ XVI столѣтіи и въ началѣ XVII война съ татарами, бунты черемиссъ, смутное время самозванцевъ и монополія англичанъ не дозволяли развиться торговлѣ волжской и образоваться ярмаркамъ. Со вступленія на престолъ благословеннаго Дома Романовыхъ умирилась русская земля, ожила торговля, и на Волгѣ явилась ярмарка. Въ 1620 году муромскій инокъ Авраамій возобновилъ монастырь, основанный св. Макаріемъ и разоренный, въ 1439 году, казанскимъ царемъ Улу-Махметомъ. Около этого монастыря образовался сельскій торгъ, который, развиваясь болѣе и болѣе, вскорѣ превратился въ значительную ярмарку. Начало Макарьевской ярмарки относится къ 1641 году. Въ этомъ году въ первый разъ упоминается о ней въ грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича, которою онъ пожаловалъ монастырю право собирать пошлины съ торговцевъ, пріѣзжавшихъ на эту ярмарку, продолжавшуюся только одинъ день, 25 іюля. Въ 1667 году на ярмарку эту съѣзжались уже торговцы со всей Россіи и изъ заграницы, и она продолжалась двѣ недѣли. Царь Алексѣй Михайловичъ въ этомъ году повелѣлъ ярмарочныя пошлины собирать въ казну. Этотъ доходъ простирался въ 1678 году до 3,500 рублей. Любимецъ царя Ѳеодора Алексѣевича, постриженникъ Макарьева монастыря, суздальскій архіепископъ Иларіонъ, упросилъ царя отдать ярмарку снова Монастырю, что̀ указомъ 25 августа 1681 г. и исполнено. Въ апрѣлѣ 1700 г., Петръ Великій повелѣлъ взять ярмарку въ казну, но вскорѣ послѣ этого было повелѣно одни статьи ярмарочнаго сбора взимать въ казну, а другія предоставить монастырю. Въ 1751 году ярмарка окончательно сдѣлалась собственностью государства, а въ 1755 году былъ построенъ на счетъ казны гостиный дворъ, деревянный, съ котораго доходу получалось до 1,000 руб. Императрица Екатерина II, въ 1766 году, отдала ярмарку на откупъ ярославскому купцу Барсову, но это было стѣснительно для торговли, и въ 1779 г., при открытіи Нижегородскаго намѣстничества, Макарьевская ярмарка поступила въ вѣдѣніе Нижегородской Казенной Палаты. Обветшавшія зданія ярмарочныя надобно было поправить. Императоръ Павелъ I повелѣлъ отдать ярмарочные доходы на откупъ казанскому купцу Евреинову, который обязался построить гостиный дворъ и платить ежегодно въ казну по 28,000 р.

древнимъ монастыремъ, бѣлыя стѣны и башни котораго отражаются и дрожатъ въ струяхъ Волги; вотъ городъ Василь-Сурскъ (на рѣкѣ Сурѣ), раскинутый на склонѣ высокаго берега и производящій значительную отправку желѣза; вотъ Козмодемьянскъ съ лѣсною пристанью; вотъ Чебоксары, сдѣлавшіеся въ послѣднее время одною изъ важнѣйшихъ пристаней Волги, грузя хлѣба отъ 205 до 210 судовъ въ теченіе навигаціи; вотъ промелькнула вдали Казань; вотъ Симбирскъ, Сингилей, а вотъ, наконецъ, и Жигулевскія (или Шигулевскія) горы. Нагорный берегъ, непредставляющій до сихъ поръ особенной живописности, здѣсь привлекаетъ вниманіе путника. Постепенно поднимаясь изъ воды волнующимися, лѣсистыми холмами, онъ наконецъ выростаетъ въ настоящія горы. Всѣ спѣшатъ на палубу, вооружаются трубами и биноклями; лоцманъ и капитанъ усиливаютъ вниманіе къ ходу парохода, потому что здѣсь теченіе, сжатое горами, очень быстро.

Жигулевскія горы, увѣнчанныя густымъ лѣсомъ различныхъ формъ и оттѣнковъ (дубомъ, кленомъ, лиственницей, сосною), очень живописны. Народное преданіе гласитъ, что въ старину были здѣсь лѣса дремучіе, непроходимые, населенные разбойниками; только въ недавнее время, когда вырубили столѣтніе лѣса, горы сдѣлались доступны сосѣднимъ жителямъ. Вотъ такъ называемый бугоръ *Таньки-разбойницы*, а вотъ и *Дѣвкинъ мысъ*, съ котораго русская Сафо вмѣсто себя сбросила парня-Фаона, оскорбившаго ее; а еще далѣе и всѣмъ извѣстный курганъ Стеньки Разина.

За горами опять берега уходили въ воду, понижаясь болѣе и болѣе. Опять замелькали села, деревни, города, защищенные отъ нападеній Волги цѣлымъ лѣсомъ величественныхъ осокоровъ и ракитовъ. По рѣкѣ тянутся стерледеобразныя *росшивы*, тупыя *бл*–

Императоръ Александръ I, видя, что при откупной системѣ торговля падаетъ, повелѣлъ, въ 1804 г., откупъ Евреинова прекратить и построить на казенный счетъ гостиный дворъ, который и оконченъ въ 1809 г. Въ 1815 г. издержки казны были уже покрыты ярмарочнымъ сборомъ. Августа 18-го 1816 г. гостиный дворъ сгорѣлъ. Тотчасъ же послѣдовало Высочайшее повелѣніе ассигновать деньги на возобновленіе сгорѣвшаго гостинаго двора. Въ октябрѣ 1816 г. канцлеръ графъ Румянцовъ представилъ Императору Александру I мнѣніе о переводѣ ярмарки въ Нижній. Октября 31 послѣдовало Высочайшее утвержденіе этого мнѣнія. Въ 1790 году ярмарка приносила дохода казнѣ 75,615 р. с.; въ 1840 — 143,515 р. с.; въ настоящее время — 155,000 р. сер. и болѣе. («Нижегородскія Губернскія Вѣдомости» 1851.)

Нынѣ бо́льшая часть города Макарьева при разлитіи Волги потопляется, а потому нагрузка и отправленіе судовъ бываетъ въ меженное время; число грузящихся судовъ достигаетъ до десяти. Грузъ состоитъ въ сундукахъ, отправляемыхъ, преимущественно, въ Астрахань, на сумму до 60,000 руб. сер.

ляны, тяжелые *мокшаны*, *гусянки*, *бархоты* и различныя лодки съ первобытными формами и оригинальными названіями.

При видѣ этого патріархальнаго судоходства, представляющаго чрезвычайно странную картину, невольно создаешь въ умѣ другое судоходство, вполнѣ соотвѣтствующее мѣстнымъ условіямъ, вѣку, величію Волги и Россіи. Вотъ плыветъ пароходъ, подобный дому въ нѣсколько этажей. Онъ извѣщаетъ о себѣ страшнымъ шумомъ, который далеко разносится по прибрежью, словно гулъ корабельной канонады. Онъ тянетъ у бортовъ своихъ двѣ огромныя подчалки да за кормой нѣсколько баржей, нагруженныхъ товарами Азіи и хлѣбомъ низовыхъ губерній Россіи. Внутренность парохода отдѣлана съ рѣдкимъ великолѣпіемъ: шолкъ, бархатъ, дорогое дерево, перламутръ, золото, живопись, скульптура, — всѣ прихоти архитектуры, вся роскошь меблировки и комфорта. Въ нижней палубѣ вокругъ всего парохода идетъ галлерея; въ средней— каютъ-кампанія. Тутъ все есть: комнаты съ великолѣпными украшеніями, зеркала въ богатыхъ рамахъ, ковры, кресла, козетки. Въ верхней палубѣ — верхняя каютъ-кампанія, гдѣ пассажиры находятъ книги, журналы и пр. При всемъ удобствѣ и комфортѣ, переѣздъ дешевъ.

Волга — младшая сестра Миссисипи. Волга соединяетъ югъ съ сѣверомъ, Азію съ Европой. Берега Волги окаймлены селеніями и городами, въ которыхъ кипитъ дѣятельность, видно довольство. Въ водахъ Волги плаваютъ стада рыбъ; окрестныя поля богаты хлѣбомъ и другими сельскими произведеніями умѣреннаго климата, и должно надѣяться, что недалеко время, когда покроется она огромными пароходами, изукрасится пристанями, подобно старшей сестрѣ своей.

Теперь же пока все еще попадается плавателю на встрѣчу коноводная машина, огромная, неуклюжая, со вздернутымъ кверху носомъ и кормой, съ навѣсомъ, подъ которымъ кружатся лошади. На кормѣ— подобіе каюты, съ пестрыми размалевками и оригинальными рѣзными украшеніями. За кормою буксируются въ два ряда до пятнадцати подчалокъ, тяжело нагруженныхъ. Длинная *завозня* (шлюпка), съ четырьмя гребцами и рулевымъ, едва выгребаетъ противъ теченія, чтобъ завести якорь саженъ за сто впередъ. Тогда опять замаются лошади и медленно потянется коноводка впередъ. А тамъ опять новая остановка, опять завози якорь, вытаскивай старый.... Еще далеко завидѣли мы коноводную машину, остановившуюся у *переката* (мели), лежащаго поперекъ фарватера. Тяжело нагруженныя подчалки не пройдутъ черезъ этотъ *баръ*, и потому имъ пришлось *паузиться* (перегружаться, сбавлять грузъ на пустыя барки).

— Вотъ машина, сказалъ сердито Звѣздинъ, указывая на коноводку: — заняла всю рѣку, и проходу нѣтъ.

— Какъ нѣтъ проходу! а справа?

— Справа *песокъ*.

— Ну, такъ что́жь? Вездѣ песокъ.

— Нѣтъ, не вездѣ; тутъ песокъ нанесло теченьемъ къ правому боку этой машины — какъ разъ зацѣпишь.

Уменьшили ходъ. Лоцманъ взялъ *накидку* (футштокъ), исправляющую должность *лота*, и сталъ промѣривать съ носу; благодаря этой предосторожности, мы миновали благополучно коноводку, не задѣвъ за *песокъ*.

Мы упомянули *о перекатахъ*, или меляхъ, лежащихъ поперекъ фарватера Волги. Впослѣдствіи скажемъ о нихъ подробнѣе, а теперь ограничимся только замѣчаніемъ, что перекаты эти въ полноводье неопасны, но лѣтомъ и осенью (въ межень, т. е. низкую воду) они причиняютъ много затрудненій и несчастій судамъ, заставляя ихъ *паузиться*, чтобъ менѣе сидѣть въ водѣ. Эти опасныя мѣста измѣняютъ свое положеніе только относительно направленія фарватера, по всегда почти остаются у тѣхъ же урочищь. Эти измѣненія лоцмана замѣчаютъ обыкновенно въ межень, по особымъ струямъ (стремленію) воды, и весною повѣряютъ свои наблюденія. Для этого лоцмана при встрѣчѣ спрашиваютъ другъ друга:

— Нѣтъ ли чего новаго?

— Есть. Смотри у Саратова.

Получивъ такой отвѣтъ, лоцманъ, идущій къ Саратову, принимаетъ предосторожность и, зная, что здѣсь *новость*, *накидываетъ* футштокомъ глубину и замѣчаетъ, въ чемъ произошла перемѣна переката.

Все это, какъ мы сказали, происходитъ въ межень. Весною же и въ первой половинѣ лѣта плаванье привольное, и лоцмана отдыхаютъ, готовясь къ осенней работѣ.

Въ заключеніе постараюсь объяснить, что́ значитъ *править по стремленію*. Надъ самыми глубокими мѣстами рѣчного фарватера, по поверхности воды, образуются особенныя продолговатыя струи, отличить которыя отъ прочихъ струй теченія возможно только опытному глазу: это дѣло практики. Эти особенныя струйки и называются стремленіемъ. Теперь понятно, что править по стремленію, которое показываетъ направленіе рѣчного русла, значитъ тоже, что́ править по срединѣ фарватера.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПОЭЗІЯ ВОЛГИ.

Праздникъ. Безоблачное небо ; знойный воздухъ , освѣжаемый легкимъ вѣткомъ; на душѣ сонъ, въ тѣлѣ лѣнь и нѣга. Казалось, и пароходъ утомился. Съ визгомъ вырвались пары изъ котловъ, и мы пристали къ берегу : здѣсь депо дровъ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ песчаный берегъ, покрытый кустарниками , запестрѣлъ яркими сарафанами цѣлой сотни молодыхъ бабъ и дѣвушекъ. Припѣвая и любезно перекликаясь съ прикащиками , весело брались онѣ своими полными , загорѣлыми руками за носилки и , положивъ въ нихъ дрова , легко несли ихъ на подчалку и на пароходъ, слегка переваливаясь съ ноги на ногу. Веселыя , цвѣтущія лица этихъ при-волжскихъ *амазонокъ* , полныхъ дородности и силы , ихъ праздничный нарядъ, — все отнимало отъ труда его тяжесть и заставляло весело смотрѣть на трудящихся.

Когда поютъ русскую пѣсню простыя женщины , то рѣзкій писк ихъ , непріятная манера искажать естественный тонъ голоса и дискантить не могутъ нравиться слуху. Другое дѣло, если, приложивъ руку къ щекѣ, грянетъ эту пѣсню «брадатый пѣвецъ».

Вотъ по Волгѣ тянется «лямкой» рослива. Передній бурлакъ, называмый «шишкою», или «дядькой», натягиваетъ «бичеву» (веревку), наблюдаетъ за дѣятельностью прочихъ и служитъ запѣвалой. Другіе «кляпками» захлестываютъ за бичеву и идутъ въ ногу, подтягивая запѣвалѣ то грустно, то весело. Долѣе всѣхъ раздается припѣвъ «коснаго» (послѣдняго), который «ссариваетъ», т. е. сбрасываетъ бичеву, если она зацѣпится за кустъ, или за «кобелъ».

БУРЛАЦКАЯ ПѢСНЯ.

Морталипка — хватъ не русскій —
Построилъ корабль русскій,
Въ Петербургѣ планы снялъ.
Очень дорогъ корабль сталъ.
Чисто, крѣпко пролуздилъ,
Корабль на воду спустилъ;
Борта, мачты раскрасилъ,
Каталажъ (*) весь наложилъ;
Корму, шканцы расписалъ,

(*) Такелажъ. Такъ обыкновенно выговариваютъ это слово и матросы наши.

Насъ въ *малуры* (*) нанималъ.
Сейчасъ хваты собралися,
На корабликъ нанялися.
Мы задаточки побрали,
Чисто корабль убирали;
Мы хозяину сказали....

Здѣсь слѣдуетъ нѣсколько стиховъ, которыхъ я не запомнилъ. Вотъ конецъ:

Вотъ и берегъ видѣнъ сталъ —
Корабль къ бережку присталъ.

Напѣвъ этой пѣсни плавный, совпадающій съ равномѣрнымъ шагомъ бурлаковъ, дружно покачивающихся то вправо, то влѣво.

Когда судно идетъ вверхъ (**) не при помощи бичевы, а «завозомъ», т. е. когда бурлаки маршируютъ на палубѣ, на *лямкахъ*, прицѣпленныхъ за «подачу», вытягиваютъ запущенный въ дно якорь и, держась на немъ, придвигаютъ судно отъ одного завезеннаго впередъ якоря до другого, то самое занимательное зрѣлище представляетъ случай, если судно сядетъ на мель и бурлаки силятся на якоряхъ перетащить большую росшиву черезъ огрудокъ. Лоцманъ, обыкновенно въ красной рубахѣ и разряженный въ-пухъ, подогрѣваетъ усердіе бурлаковъ къ болѣе усиленному труду, а тѣ при этомъ весело распѣваютъ хоромъ свои бурлацкія пѣсни. Не отходя отъ своихъ «креселъ» и не выпуская изъ рукъ «правила», лоцманъ самъ притопываетъ и подпѣваетъ народу, громко командуетъ: «веселѣе, братцы!», надсѣдается отъ крику и время отъ времени утѣшаетъ утомленныхъ рабочихъ нечаяннымъ провозглашеніемъ, что судно двинулось: «пошелъ, батюшки! пошелъ, голубчики! пошелъ ходомъ! Пой, ребята, пой веселѣй!» И ребята, доселѣ полу-угрюмо распѣвавшіе, протяжными въ тактъ голосами, припѣвы въ родѣ слѣдующихъ:

Нейдетъ! пойдетъ!
Ау да ухъ!
Пошли да повели!
Правой-лѣвой заступи!

сбираются съ новыми силами и, перемѣнивъ старую погудку на новый ладъ, затягиваютъ:

(*) *Мазуръ*, или *музуръ*. Слово это означаетъ вообще судорабочаго на Каспійскомъ морѣ и есть искаженное персидское «*муздуръ* — наемникъ», отъ *мудъ*, или *мездъ*, по русски «мзда—плата.» (См. Замѣтки о Волжскихъ Бурлакахъ П. И. Небольсина.) Очевидно, что пѣсня эта имѣетъ морское происхожденіе, и именно каспійское. Но что значитъ *Мортаминка?*

(**) Небольсинъ. (Ibidem.)

Вотъ пошелъ, таки пошелъ!
Онъ пошелъ да и пошелъ!
Онъ и ходомъ, ходомъ, ходомъ,
Ходомъ на ходу пошелъ!

Если бурлаки, натягивая снасть, вытащатъ якорь нисколько не отдалившись отъ мели, то они снова приходятъ въ уныніе, снова принимаются за старую пѣсню:

Ой разъ, ой разъ!
Еще разикъ, еще разъ!
Взглянись, другъ.
Возьмись вдругъ,
Да и ухъ!!

А если и тутъ неудача, то, для приданія себѣ куражу, подпѣваютъ хоромъ:

Сорвали, сорвали,
Сорвали да сорвали;
Ты опять говори,
Что сорвали, сорвали!

Такъ или иначе, «подачей» или «неволей», «свайкой» или «чиченемъ», судно наконецъ снимается съ мели.

Не разъ приводилось видѣть мнѣ и то, что бурлаки, въ погоду, выбившись на берегу изъ силъ, не могли сдѣлать впередъ ни шагу подъ бичевою. Судно «парусило» въ тяжелую, сплоченную изъ нѣсколькихъ деревъ мачту и несло внизъ, бичева тащила за собою бурлаковъ; но они не уступали. Перекинувъ лямки вмѣсто груди на спину, бурлаки обращались лицомъ къ уносимому напоромъ воды судну и длинною шеренгою усаживались по береговымъ пескамъ. Тутъ, навалясь всѣмъ корпусомъ на лямки и крѣпко вцѣпившись руками за бичеву, они жалобно распѣвали:

Охъ, матушка Волга,
Широка и долга!
Укачала, уваляла —
У насъ силушки не стало!

Но бурлацкое горе скоро проходитъ, и они опять весело затягивали:

Брала дѣвка ленъ, ленъ,
Брала, набирала,
Землю не сбивала.
Боялася дѣвка,
Боялася красная
Да сѣраго волка.

Не того волка боялась,
Кой по лѣсу бродитъ,
Самъ голосомъ воетъ;
А того волка боялась,
Кой по лѣсу рыщетъ,
Соловушкой свищетъ,
Красныхъ дѣвицъ ищетъ!

или:

Танюшка, Татьянушка!
Таня по торгу ходила,
Чоботы себѣ купила,
Чоботы себѣ купила,
Два съ полтиной заплатила,
На босу ногу носила,
Во чисто поле ходила,
Ярову пшенку полола,
Черный куколъ выбирала,
Чоботами выбивала,
Сама въ полосу запала,
Перепелочкой кричала.... и т. д.

Но пароходъ уже нагрузился дровами, заложивъ ими всю подчалку, свой трюмъ и палубу, и капитанъ скомандовалъ:

— Пошелъ на якорь!

— Молись Богу!

— Катай якорь!

— Поставь на шейму!

Экипажъ парохода бросился на бакъ, взялся за канатъ и, помолясь Богу, сталъ вывертывать якорь.

Капитанъ далѣе продолжалъ команду на томъ же волжскомъ техническомъ языкѣ, который, вмѣстѣ съ словами бѣломорскихъ и астраханскихъ мореходовъ, могъ бы составить порядочный словарь корабельнаго языка. Извѣстный ученый нашъ морякъ А. П. Соколовъ первый предложилъ, по возможности, вводить въ общее употребленіе эти слова, взамѣнъ англійскихъ и голландскихъ, смыслъ которыхъ непонятенъ для русскаго человѣка. Петръ Великій не могъ разработывать русскую морскую номенклатуру въ то время, когда ему нуженъ былъ флотъ, готовый поднять оружіе. Но теперь наука можетъ облегчить замѣненіе непонятныхъ терминовъ языкомъ своимъ, русскимъ, не *придуманнымъ*, а взятымъ прямо изъ устъ народа.

Вечерѣло. Пароходъ быстро катился по рѣкѣ, и тихій, ясный вечеръ проливалъ въ душу какое-то смутное чувство блаженства, —

то чувство, которое возбуждается посреди природы, и которое вылетаетъ изъ груди въ неопредѣленныхъ гармоническихъ звукахъ. Уже и безпощадные комары и мошки ослабѣли въ своихъ нападеніяхъ на руки и лица наши, уже тихо бесѣдовали на палубѣ пассажиры, раздѣлясь на отдѣльныя группы. Тамъ раздавалась порой бурлацкая пѣсня, здѣсь кой-кто насвистывалъ кадриль или польку.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

БУРЛАКИ И ПАРОХОДСТВО.

«Въ нѣкоторой части нашей публики — говоритъ г. Небольсинъ, въ статьѣ о «Волжскихъ Бурлакахъ» — укоренилась мысль, что бурлацкій промыселъ изнурителенъ и ведетъ за собою совершенное истощеніе силъ этого рабочаго класса. Признавая въ этомъ нѣкоторую долю правды, я не могу, однакожь, упустить случая, чтобъ не передать собственнаго мнѣнія объ этомъ предметѣ.»

Мнѣніе это заключается въ томъ, что хотя «промыселъ бурлака точно очень труденъ, но все-таки есть очень много другихъ занятій, гораздо болѣе обременительныхъ, чѣмъ бурлацкая тяга.» Это сравненіе еще не опровергаетъ мнѣнія о дѣйствительной тягости бурлацкаго труда безъ отношенія его къ другимъ тяжелымъ работамъ.

Далѣе г. Небольсинъ говоритъ: «вообще же полагаю, что всякій трудъ, какъ бы онъ утомителенъ ни былъ, при свойственномъ ему удѣлѣ тягостей и горя, имѣетъ также и свою долю отрады и радостей.»

«Бурлакъ — продолжаетъ г. Небольсинъ, въ томъ же утѣшительномъ тонѣ — до того свыкается съ своей «лямкой», что тяга судовъ и безпрестанная подвижность съ одного мѣста на другое обращаются для него въ привычку. Между тѣмъ онъ кормится отъ своего промысла, *сколачиваетъ копейку, обезпечиваетъ ею существованіе семьи* и оплачиваетъ подушныя. Кромѣ обезпеченнаго на извѣстный періодъ положенія, при помощи заработанной платы, бурлакъ, съ усердіемъ къ дѣлу, можетъ скоро достигнуть званія «водолива», т. е. занятія такой хозяйственной на суднѣ должности, съ которою сопряжено большее жалованье и, сравнительно, меньшіе труды. Потомъ онъ начинаетъ грезить о лоцманствѣ, которое равномѣрно можетъ быть для него доступно, если онъ *сумѣетъ* выказать свои познанія и способности въ дѣлѣ управленія и командованія судномъ; входитъ въ мелкій торгъ, пускается въ обороты, и,

упрочивъ, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, свое состояніе, записывается въ гильдію или дѣлается чѣмъ-то въ родѣ фермера, кортомя пустопорожнія земли и обработывая поля, при посредствѣ наемныхъ рабочихъ.»

Такая будущность бурлака только воображаемая или крайне исключительная. Самъ г. Небольсинъ опровергаетъ этотъ выводъ слѣдующими данными:

«Бурлачествомъ — говоритъ онъ — живетъ у насъ нѣсколько десятковъ тысячь семей. Правда, что развивающееся на Волгѣ пароходство, именно буксирное, съ года на годъ все болѣе и болѣе стѣсняетъ бурлацкій промыселъ; но все же и нынѣ можно съ увѣренностію предположить, что число бурлаковъ по всей Волгѣ, отъ Астрахани до Рыбинска, доходитъ до 100,000 человѣкъ.»

Вполнѣ признавая возможную точность этого числа, мы спрашиваемъ: многіе ли изо ста тысячь бурлаковъ попадутъ въ водоливы и лоцмана, число которыхъ несравненно ничтожнѣе? Весьма немного. Замѣтимъ еще, что по крайней мѣрѣ около половины бурлаковъ принадлежатъ помѣщикамъ, что въ водоливы и лоцмана поступаютъ не одни бурлаки, но и другіе промышленники, бо́льшею частію приволжскіе урожденцы, никогда небывавшіе въ лямкѣ. Слѣдовательно, только *нѣкоторымъ* бурлакамъ, ито съ большимъ трудомъ, остается возможность попасть въ водоливы, ито какъ исключеніе, а не большинству, которое остается въ бичевѣ до старости, пока силы хватитъ. Лоцманство и купечество остаются для нихъ мечтою. Фермеромъ тоже бурлаку сдѣлаться трудно уже потому, что онъ отвыкъ отъ занятій хлѣбопашца, отвыкъ отъ преслѣдованія постояннаго труда, отъ семейства и свыкся съ кочующей жизнью.

Въ заключеніе, г. Небольсинъ говоритъ, что бурлацкій промыселъ даетъ оборотъ огромнымъ капиталамъ, предполагая, что на одно содержаніе бурлаковъ выходитъ до 2,000,000 р. сер. въ годъ, кромѣ тѣхъ суммъ, которыя выходятъ на другіе предметы, связанные съ бурлацкимъ промысломъ, какъ-то: на закупку лѣса, снастей, полотна, якорей, смолы, вару, пеньки и другихъ принадлежностей рѣчного судоходства.

Но очевидно, что и въ этомъ отношеніи пароходство имѣетъ преимущество предъ парусными и бичевыми судами, приводя въ движеніе несравненно значительнѣйшіе капиталы и давая *тѣмъ же бурлакамъ занятіе* болѣе легкое и выгодное.

При всемъ уваженіи къ изслѣдованіямъ г. Небольсина, мы не можемъ согласиться съ его выводами и приходимъ къ противному заключенію.

Плоская поверхность бо́льшей части Россіи покрыта сѣтью судоходныхъ рѣкъ, которыя представляютъ самое счастливое гидрографическое расположеніе, можетъ быть, въ цѣломъ мірѣ. До сихъ поръ этими натуральными путями пользовались только для перевозки большихъ тяжестей; но, при несовершенствѣ употребляемыхъ средствъ и по обширности самыхъ рѣкъ, движеніе по нимъ производится съ такою медленностію, которая затрудняетъ не только переѣздъ людей, но даже и перевозку цѣнныхъ вещей. Рѣчное судоходство наше, въ томъ состояніи, въ которомъ оно находилось до заведенія пароходовъ, требовало огромнаго числа рукъ, отвлекаемыхъ отъ самаго полезнаго занятія, а именно отъ занятій сельскимъ хозяйствомъ, сопряжено было съ истребленіемъ лѣсовъ на построеніе судовъ, служащихъ весьма часто на одинъ лишь переѣздъ. По медленности водяного пути, огромные капиталы, употребляемые на внутреннюю торговлю, оставались въ недѣятельномъ обращеніи, и наконецъ отъ этой же медленности Россія теряетъ часто возможность пользоваться удобнымъ временемъ для выгоднаго сбыта своихъ произведеній за границу.

Распространеніемъ усовершенствованнаго рѣчного пароходства въ Россіи этотъ порядокъ вещей совершенно измѣнится: движеніе ускорится въ два раза и болѣе, и перевозка сдѣлается дешевле, а отъ совокупнаго вліянія этихъ причинъ произведенія Россіи будутъ достигать портовъ въ срокъ для выгоднаго сбыта и менѣе будутъ увеличивать свою цѣнность перевозкою, отчего легче могутъ выдерживать соперничество подобныхъ же произведеній другихъ государствъ. Руки возвратятся къ полезнѣйшимъ занятіямъ, земли возвысятъ свою цѣнность, распространятся новыя отрасли мануфактурной промышленности и, наконецъ, огромная система рѣкъ обратится въ систему быструю, дешевую и въ удобный путь сообщенія для путешественниковъ, въ особенности для путешественниковъ бѣднаго класса. Чтобы удостовѣриться въ возможности подобныхъ результатовъ, стоитъ только взглянуть на то преобразованіе, которое послѣдовало въ западныхъ штатахъ Сѣв. Америки въ послѣднія 35—40 лѣтъ, т. е. со времени учрежденія пароходовъ на Миссисипи и ея притокахъ.

Учрежденіе пароходовъ на Волгѣ для многихъ казалось дѣломъ несбыточнымъ. Въ особенности возставала противъ этого та часть купечества, которая владѣла большими парусными и конно-машинными судами, и даже тѣ люди, которые работали на этихъ судахъ. Между прочими препятствіями къ распространенію пароходства на Волгѣ полагали и то, что съ учрежденіемъ пароходовъ останется внѣ употребленія почти весь народъ, промышляющій работою на

судахъ. Чтобъ отвѣчать на это возраженіе (весьма, впрочемъ, обыкновенное при всякомъ усовершенствованіи), разсмотримъ промыселъ и бытъ судорабочихъ. Люди эти (бо́льшею частію изъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ) нанимаются судохозяевами до открытія навигаціи, на разныхъ пристаняхъ Волги. Цѣна найма зависитъ отъ количества требованій: обыкновенно она измѣняется отъ 20 до 22 руб. серебромъ па путину отъ нижнихъ пристаней Волги до Рыбинска.

На собственномъ рабочихъ продовольствіи переходъ занимаетъ бо́льшую часть лѣта, и надобно весьма много благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы рабочій, нанявшійся, напримѣръ, на конномашинное судно, грузившееся въ низовыхъ пристаняхъ и назначенное къ Рыбинску, могъ успѣть сдѣлать въ теченіе одной навигаціи еще одну, хотя короткую, путину на парусномъ суднѣ. При самомъ наймѣ рабочіе берутъ нѣсколько задатковъ, которыми уплачиваютъ казенныя или помѣщичьи повинности, отъ которыхъ остается какихъ нибудь 15 руб. сер., и даже менѣе, и этимъ они должны кормиться въ теченіе всего переѣзда. При самомъ продовольствіи людей пищею случается иногда, что артельщикъ, по соглашенію съ прикащикомъ судна, преувеличиваетъ цѣны, по которымъ доставляется провіантъ, и барышемъ дѣлится съ прикащикомъ.

Такимъ образомъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ судоходства, рабочій едва очищаетъ рублей пять, чтобъ возвратиться съ ними домой; иногда же онъ приходитъ къ мѣсту назначенія судна безъ сякой заработки и попадаетъ, что называется, въ *кабалу* судохозяина, то есть забираетъ на пищу во время пути болѣе того, что́ слѣдовало ему жалованья, и обязуется заработать эти деньги на слѣдующій годъ.

Бываютъ примѣры также, что рабочіе, видя, что они проѣли все свое жалованье, далеко не достигнувъ мѣста назначенія судна, забираютъ свои паспорты и, оставляя судохозяина или прикащика въ самомъ затруднительномъ положеніи, возвращаются домой. Изъ этого видно, до какой степени промыселъ судорабочаго скуденъ: цѣною работы въ лучшее время года сильный, здоровый человѣкъ едва пріобрѣтаетъ столько, чтобъ заплатить свои повинности, и, несмотря на то, судоотправители несутъ иногда большіе убытки; многіе изъ нихъ считаютъ на рабочихъ десятки тысячъ долгу, который не всегда выплачивается.

Между тѣмъ промыселъ этотъ весьма *тяжелъ*, и въ особенности, когда, за противными вѣтрами, бо́льшая часть пути совершается тягою на бичевѣ.

Другая невыгода промысла судорабочихъ состоитъ въ томъ, что онъ содѣйствуетъ нравственной порчѣ людей, проводящихъ бо́льшую часть года въ многолюдныхъ артеляхъ, далеко отъ семействъ, безъ опредѣленныхъ занятій. Въ этой беззаботной, кочующей жизни люди теряютъ расположеніе къ осѣдлости селянина и приносятъ въ дома свои дурныя привычки и неспособность къ занятію земледѣльца. Это вредное для нравственности вліяніе до такой степени признано, что многіе помѣщики, хорошо понимающіе свои выгоды, строго запрещаютъ своимъ крестьянамъ ходить по Волгѣ на судахъ.

Итакъ, промыселъ судорабочаго на Волгѣ есть промыселъ маловыгодный и съ тѣмъ вмѣстѣ тяжелый и неблагопріятный для нравственности народа; а потому если распространеніе пароходовъ на Волгѣ отвлечетъ бо́льшую часть людей отъ этого занятія, то на это можно смотрѣть скорѣе какъ на весьма выгодное дѣйствіе, нежели какъ на аргументъ противъ волжскаго пароходства. Люди, оставшіеся внѣ употребленія, обратятся къ другимъ, болѣе прибыльнымъ и легкимъ занятіямъ. Само пароходство доставитъ имъ къ тому средства, во первыхъ, облегчая способы переѣзда и чрезъ то открывая имъ бо́льшій кругъ дѣйствія, во вторыхъ, развивая промышленность и производительность, которыя потребуютъ бо́льшаго числа рукъ.

Введеніемъ конно-машинныхъ судовъ на Волгѣ значительно уменьшено число судорабочихъ, а между тѣмъ не слышно, чтобъ это нововведеніе оставило людей безъ промысла. То же самое можно сказать и о послѣдствіяхъ развитія пароходства на Волгѣ въ отношеніи къ бурлакамъ.

Чтобъ изслѣдовать до нѣкоторой степени возраженіе насчетъ ускоренія вырубки лѣсовъ, чрезъ развитіе пароходства на Волгѣ и ея притокахъ, замѣтимъ, что если бы все торговое движеніе Волги было исполняемо пароходами, то и въ этомъ случаѣ ежегодный расходъ дровъ, по вычисленію спеціальныхъ людей, не будетъ превышать 105,000 кубическихъ саженъ, такъ что обыкновенный расходъ лѣса въ прибрежныхъ губерніяхъ Волги не увеличится и двумя процентами. По смѣтамъ академика Кеппена, оказывается:

1) Что въ однѣхъ губерніяхъ: Тверской, Ярославской, Костромской, Владимірской, Нижегородской и Московской, расходуется на топливо до 4½ милліоновъ кубическихъ саженъ дровъ.

2) Что на возобновленіе крестьянскихъ жилищъ ежегодно потребляется, въ тѣхъ же губерніяхъ, болѣе 2½ милліоновъ деревъ

строевого лѣса (*), не принимая въ разсужденіе истребляемость лѣсовъ отъ пожара.

3) Что до милліона большемѣрныхъ деревъ расходуется ежегодно, въ тѣхъ же губерніяхъ, на постройку судовъ.

4) Что на выдѣлку рогожъ и циновокъ истребляется въ бассейнѣ Волги до 800,000 рослыхъ деревъ.

Такимъ образомъ одни эти предметы составляютъ до $6^1/_2$ милліоновъ кубическихъ саженъ ежегоднаго расхода дровяного и строевого лѣса въ означенныхъ губерніяхъ, но сюда не включается огромное истребленіе лѣсовъ отъ пожаровъ (**), расходъ лѣса на выдѣлку дегтя, поташа и подобныхъ произведеній на потребности крестьянскаго домашняго обихода, и наконецъ на топливо низовыхъ губерній, которыя пользуются лѣсомъ верхней части Волжской области. Принявъ въ разсужденіе всѣ статьи расхода лѣса, мы увидимъ, что распространеніе волжскаго пароходства на все торговое движеніе этой рѣки, увеличитъ потребленіе лѣса приволжскихъ губерній только на одинъ, или полтора процента.

Такое приращеніе расхода дровъ не можетъ быть очень ощутительно, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ лѣсъ имѣетъ мало цѣнности въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ его много. Г. Кеппенъ приводитъ извѣстный ему примѣръ, что нѣсколько лѣтъ назадъ 40,000 десятинъ лѣса строевого и дровяного проданы были, въ Костромской губерніи, за 40,000 рубл. ассигн., т. е. по рублю ассигнаціями за десятину, и что продавецъ съ трудомъ нашелъ покупщиковъ. Если же дрова имѣютъ въ городахъ довольно значительную цѣну, то это происходитъ преимущественно оттого, что начальная цѣнность ихъ весьма увеличивается расходомъ доставки.

И въ этомъ отношеніи пароходству на Волгѣ предстоитъ только то затрудненіе, что современемъ цѣна на дрова неизбѣжно увеличится, такъ какъ берега отъ лѣсу очистятся вырубкою его на дрова и придется ихъ подвозить на значительномъ разстояніи. Но это приращеніе расхода съ лихвою вознаградится обширнѣйшимъ дѣйствіемъ буксировки судовъ и перевозкою пассажировъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивается.

Прибрежныя губерніи верхней части Волги богаты лѣсомъ. Онъ занимаетъ до 40% всей площади этихъ губерній. Учрежденіемъ правильной рубки на столь огромномъ пространствѣ, не говоря уже

(*) Считая средній срокъ существованія избы тридцать лѣтъ и полагая 50 деревъ на обстройку вновь избы съ принадлежностями.

(**) По показанію г. Кеппена, въ 1839 году, въ одной Костромской губерніи погибло до 200,000 десятинъ казеннаго и частнаго лѣса отъ пожаровъ.

о засѣваніи лѣсомъ вырубленныхъ мѣстъ, можно бы, кажется, навсегда обезпечить существованіе этихъ лѣсовъ.

Впрочемъ, самымъ усовершенствованіемъ и увеличеніемъ пароходства расходъ на строевой лѣсъ нѣсколько сократится, когда суда будутъ строиться прочнѣе и будутъ выслуживать бо́льшій срокъ, когда число ихъ, отъ быстроты сообщенія, уменьшится, и когда многія изъ нихъ, строимыя теперь изъ дерева, замѣнятся желѣзными судами, чему уже данъ примѣръ нѣкоторыми компаніями волжскаго пароходства.

Современемъ дрова могутъ быть, по мѣрѣ надобности, замѣнены донскимъ антрацитомъ, доставка котораго съ Дона на Волгу, по предполагаемой паровой желѣзной дорогѣ между Дубовкой и Качалинской станицей, значительно облегчится. Въ какой степени замѣненіе это будетъ выгодно, не беремся рѣшить,—скажемъ только, что наши каменно-угольныя копи должны сдѣлаться столь же важными въ торговомъ отношеніи, какъ и наши хлѣбородныя поля, хотя бы даже вновь открытыя *духовыя машины Эриксона* (calorific machine) и вытѣснили пароходство. Нашъ антрацитъ превосходнѣе англійскаго и американскаго, вообще, какъ антрацитъ превосходитъ каменный уголь, и можно надѣяться, что, при бо́льшей опытности въ разработкѣ антрацита и въ перевозкѣ его, цѣны на антрацитъ донской (нынѣ довольно высокія) уменьшатся на половину.

Какъ мало еще значеніе волжскаго пароходства, напримѣръ, для хлѣбной торговли, доказываетъ то обстоятельство, что перевозныя цѣны хлѣба устанавливаются парусными и конно-машинными судами.

Съ развитіемъ же пароходовъ на Волгѣ не только должны понизиться перевозныя цѣны, сократиться время доставки, но и отстранится возможность монополіи въ хлѣбной торговлѣ: тогда всякій и съ малымъ капиталомъ будетъ въ состояніи участвовать въ этой торговлѣ, да сверхъ того весь торговый оборотъ волжскаго бассейна можетъ производиться съ бо́льшею *гласностью*. Теперь покупка товаровъ на низовыхъ пристаняхъ и отправка ихъ производится больше безъ надлежащаго свѣдѣнія на тѣхъ пристаняхъ, куда они назначаются, о покупной и перевозной цѣнѣ, о средствахъ и времени отправленія, о количествѣ клади и проч. Въ Рыбинскѣ знаютъ о приходѣ товара, когда онъ уже на пристани. При такой неизвѣстности въ торговыхъ операціяхъ цѣны на хлѣбъ въ верхнихъ пристаняхъ, до подхода главныхъ каравановъ, могутъ быть до нѣкоторой степени измѣняемы промышленниками, въ рукахъ которыхъ находится главный торгъ хлѣбомъ. Такъ, въ 1841 году до половины іюня въ Рыбинскѣ существовали слѣдующія цѣны:

На ржапую муку отъ 16 до 17 руб. ассиг. за коробъ.
На крупу около 28 руб. ассиг. за коробъ.
На овесъ около 7 руб. ассиг. за коробъ.

А потомъ цѣны вдругъ возвысились: на муку до 21½ руб., на крупу до 28, а на овесъ до 8½ руб., безъ существованія уважительныхъ къ тому причинъ, напримѣръ, неурожая и проч., а единственно отъ невѣрныхъ слуховъ о цѣнахъ хлѣба на низу.

Иногда подобное возвышеніе цѣнъ происходитъ и оттого, что подрячики, опасаясь, что хлѣбъ, заготовленный ими на низовыхъ пристаняхъ, не поспѣетъ къ назначенному сроку, скупаютъ у частныхъ промышленниковъ хлѣбъ въ Рыбинскѣ. Подобное измѣненіе въ цѣнахъ продукта, составляющаго первую жизненную потребность, падаетъ больше на классъ народа бѣдный и самый многочисленный.

В. МЕЛЬНИЦКІЙ.

ЛѢТНІЕ ПОТѢШНЫЕ ОГНИ.

Старинный обычай зажигать костры на канунѣ праздника Іоанна Предтечи до сихъ поръ еще господствуетъ въ Ирландіи. Этотъ же самый обычай мы находимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Англіи, въ Валлисѣ, Шотландіи и даже на континентѣ Европы. Насчетъ происхожденія его существуетъ много различныхъ мнѣній, изъ которыхъ каждое имѣетъ на своей сторонѣ много правдоподобія и авторитетовъ; до сихъ поръ не рѣшено, восточный ли это обычай, или греческій, или римскій, или друидскій; имѣлъ ли онъ первоначально цѣлію воздать честь огню, солнцу, Ваалу, Церерѣ, Аполлону и проч. Римско-католическій епископъ докторъ Мильнеръ, въ своемъ «Изслѣдованіи нѣкоторыхъ народныхъ обычаевъ и древностей католической Ирландіи», утверждаетъ, что это празднество никакъ не должно быть относимо къ языческому времени. Несмотря на то, можно съ вѣроятностію допустить, что обычай установленія этихъ лѣтнихъ костровъ несравненно древнѣе христіанской эры, и какъ самый праздникъ почти совпадаетъ съ лѣтнимъ солнцестояніемъ въ сѣверномъ полюсѣ, то онъ и представляется олицетвореніемъ лишь извѣстнаго астрономическаго факта. Габелень, въ своемъ «Первобытномъ мірѣ» (Monde primitif, упоминаемый въ «Древностяхъ» Бранда), доказываетъ, что этотъ обычай восходитъ къ самой глубокой древности, и продолжаетъ потомъ: «Происхожденіе этого огня хотя и скрывается въ глубинѣ древности, но можетъ быть объяснено очень просто: это былъ

VI.

ПЕРЕѢЗДЫ ПО РОССІИ ВЪ 1852 ГОДУ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Краткое описаніе волжскаго судоходства вообще. — *Кладныя, или ходовыя суда*, и ихъ представительница — *расшива*. — Конструкція и вооруженіе вообще бичевныхъ и парусныхъ судовъ Волги. — Ихъ недостатки. — Коноводныя машины; первоначальное ихъ устройство; нынѣшняя конструкція коноводныхъ машинъ. — Преимущества коноводныхъ судовъ предъ кладными и недостатки ихъ въ сравненіи съ пароходами. — Выгоды устройства паровыхъ кабестановъ на Волгѣ. — Буксирные пароходы Волжской Компаніи, Общества Нижегородской Машинной Фабрики, Общества Меркурій и Самарской Компаніи. — Пароходы отдѣльныхъ лицъ. — Заключеніе.

Чтобы составить себѣ понятіе о дѣятельности перевоза грузовъ и пассажировъ по Волгѣ, надо припомнить, что на берегахъ ея находятся девять губернскихъ городовъ: Астрахань, Саратовъ, Самара, Симбирскъ, Казань, Нижній-Новгородъ, Кострома, Ярославль и Тверь. Изъ уѣздныхъ приволжскихъ городовъ, Рыбинскъ, какъ мѣсто перегрузки всѣхъ товаровъ, идущихъ съ Низовой Волги къ Петербургу, занимаетъ, въ коммерческой дѣятельности Волги, первое, послѣ Нижняго-Новгорода, мѣсто. Кромѣ того рѣка Кама, принадлежащая къ бассейну Волги съ сѣверо-востока Россіи, дѣлаетъ Волгу сибирскимъ трактомъ.

Для перевоза грузовъ по Волгѣ издавна существовали суда, конструкція которыхъ не измѣнялась цѣлыя столѣтія и которыя, не будучи въ состояніи удовлетворять выгодамъ перевоза, дали ходъ коноводнымъ машинамъ, а послѣднимъ, по той же причинѣ, въ настоящее время предпочитаются пароходы.

Недавно въ одной журнальной статьѣ помѣщены были замѣчанія путешественника о Нижнемъ-Новгородѣ. Путешественникъ этотъ, между прочимъ, говоритъ, что съ возвышенныхъ мѣстъ города видны безпрестанно мелькающіе на Волгѣ пароходы, изъ чего читатели могутъ заключить, что на Волгѣ такая же пароходная дѣятельность, какъ на Невѣ, или, еще болѣе, какъ на Рейнѣ, Миссисипи и другихъ рѣкахъ Европы и Америки, и что желающій прокатиться по Волгѣ напр. отъ Нижняго до Астрахани всегда можетъ удовлетворить своему желанію, безъ всякаго замедленія. Желая доставить болѣе ясныя свѣдѣнія читателямъ, которыхъ интересуютъ Волга, ея судоходство и гидрографія, сообщаю объ этомъ предметѣ главнѣйшіе результаты всѣхъ замѣтокъ и наблюденій, сдѣланныхъ мною на мѣстѣ, во время поѣздокъ моихъ на волжскихъ пароходахъ, и съ помощью свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ бывшими морскими офицерами, корабельными инженерами, смотрителями судоходства, лоцманами и другими лицами, находящимися на Волгѣ.

Въ отношеніи къ способамъ перевозки клади, Волга можетъ быть раздѣлена на три различныя части, а именно:

Первая часть—отъ Астрахани до Рыбинска. Здѣсь, на протяженіи около 2,500 верстъ, ходятъ, съ малыми исключеніями, одни и тѣ же суда; измѣняется только количество ими принимаемаго груза, сообразно съ глубиною фарватера. Впрочемъ, въ лѣтнее время вовсе прекращается движеніе нѣкоторыхъ, самыхъ глубокихъ судовъ.

Вторая часть—отъ Рыбинска до Твери. Въ этой части преимущественно употребляются тѣ же самыя суда, которыя ходятъ по тремъ судоходнымъ системамъ, соединяющимъ бассейнъ Волги съ Балтійскимъ моремъ. Въ Рыбинскѣ перегружается бо́льшая часть клади. Большемѣрныя суда Нижней Волги нейдутъ далѣе Рыбинска, за недостаткомъ воды на фарватерѣ Верхней Волги и верхневолжскихъ притоковъ.

Въ этихъ двухъ частяхъ главное движеніе клади — восходящее.

Третья часть—отъ Твери до верхне-волжскихъ пристаней. Здѣсь бо́льшая часть клади идетъ сверху внизъ, весенними водами. Здѣсь сплавляются главнымъ образомъ тѣ же барки, которыя ходятъ вышневолоцкою системою. Барки эти не возвращаются назадъ.

Я преимущественно буду говорить о судоходствѣ въ первой части Волги (отъ Астрахани до Рыбинска).

Суда, ходящія по Волгѣ отъ Астрахани до Рыбинска, приводятся въ движеніе:

1) *Людьми*, которые подвигаютъ судно противъ теченія, посредствомъ бичевы, или идя въ *лямкѣ*, *сакмою* (по берегу), когда бичева привязана къ мачтѣ, или ходя по палубѣ судна, когда оно тянется вверхъ *по завозу*.

2) *Лошадьми*, обращающими устроенный на судахъ *шпиль* (горизонтальный воротъ), на который навертывается канатъ *завознаго* якоря.

3) *Вѣтромъ*, дѣйствующимъ на паруса.

4) *Парами*, приводящими въ движеніе, посредствомъ машины, или гребныя колеса, или шпиль, подобный тому, какой употребляется на коноводныхъ машинахъ.

5) Самымъ *теченіемъ рѣки*, для судовъ, сплавляемыхъ сверху.

Замѣтимъ кстати, что между Рыбинскомъ и Тверью движителемъ судовъ, восходящихъ противъ теченія, употребляются почти исключительно лошади, припрягаемыя къ бичевѣ и слѣдующія по особо устроенному бичевнику. Внизъ суда сплавляются теченіемъ. Впрочемъ, съ весны 1854 г. отъ Твери до Ярославля будутъ ходить по Волгѣ и ея притокамъ собственно *пассажирскіе* пароходы, отставного флота капитана 1 ранга В. А. Глазенапа. Выше Твери, какъ сказано уже, самое большое количество клади идетъ сверху, и потому здѣсь самое теченіе рѣки представляетъ главнаго движителя судовъ.

Устройство, размѣры и формы судовъ, ходящихъ по Волгѣ, представляютъ большое разнообразіе, зависящее отъ различныхъ причинъ, а именно: отъ характера притоковъ Волги, изъ которыхъ суда эти выходятъ; отъ мѣстныхъ средствъ судостроенія; отъ назначенія судовъ въ отношеніи къ грузу; отъ глубины водъ въ то время, когда суда эти употребляются; отъ денежныхъ средствъ судохозяина; наконецъ отъ обыкновенія и привычки, обратившихся въ правило.

Суда, теперь употребляемыя на Волгѣ, носятъ слѣдующія названія. *Лодки*: тихвинскія, соминскія, вышневолоцкія, романовки, унжанки, дощаники, коренныя, бѣлозерскія, или озерныя суда, (нынѣ выходятъ изъ употребленія). *Суда:* коноводки, подчалки, расшивы, мокшаны, гусянки, кладнушки, коломенки, ладьи, или межеумки, бархóты, бѣляны или сплавныя, барки, полубарки, суряки, шитики и проч.; наконецъ паромы, пароходы-кабестаны и пароходы буксирные.

Кромѣ того употребляются, въ маломъ числѣ, такъ называемыя трезубовскія, свирскія, сѣнобѣжныя, ботики, каюки, устюжанки и полу-гусянки и др. суда. (*)

Изъ этихъ судовъ многія малаго размѣра и мало употребительны; главная же перевозка клади по Нижней Волгѣ до Рыбинска и исключительно по Волгѣ производится на коноводкахъ съ ихъ подчалками и на расшивахъ. Да еще значительное количество клади привозится къ главнымъ пристанямъ Волги въ мокшанахъ, которыя входятъ въ Волгу изъ Оки и слѣдуютъ до Рыбинска, и въ коломенкахъ, выплывающихъ изъ Камы. Весьма часто употребляютъ также вмѣсто подчалокъ гусянки, главное назначеніе которыхъ состоитъ, впрочемъ, въ перевозкѣ клади по Окѣ и по Москвѣ-рѣкѣ. Для перевозки соли употребляютъ бо́льшею частью ладьи и бархо́ты, а для сплава лѣсныхъ издѣлій — бѣляны.

Конструкція всѣхъ судовъ представляетъ отсутствіе бо́льшей части тѣхъ условій, которыя необходимы для легкаго движенія судна въ водѣ. За исключеніемъ расшивъ, которыя имѣютъ своего рода весьма оригинальныя формы, прочія большія суда Волги (коноводки, подчалки, мокшаны, коломенки, ладьи, бѣляны, бархо́ты и пр.) имѣютъ видъ плоскаго плота, на которомъ наддѣланы вертикальные борты, покрытые сверху палубою. Такимъ образомъ соединеніе борта со днемъ или съ плотомъ представляетъ прямой, а иногда, какъ въ ладьяхъ и бархо́тахъ, нѣсколько тупой уголъ; самое дно имѣетъ видъ прямоугольника, ограниченнаго въ концахъ двумя сферическими углами, длина которыхъ (измѣряя по умственной линіи киля) составляетъ не болѣе $^1/_4$ или $^1/_5$ длины судна; въ нѣкоторыхъ же судахъ, какъ напримѣръ въ ладьяхъ, корма и носъ представляютъ просто прямолинейные треугольники, такъ что въ соединеніи ихъ съ среднею прямоугольною частію судна образуются тупые углы, чрезвычайно увеличивающіе сопротивленіе воды при движеніи судна. Ширина судовъ измѣняется отъ $^1/_4$ до $^1/_5$ части ихъ длины, а въ нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ въ бѣлянахъ, это отношеніе составляетъ почти $^1/_3$.

Изъ этихъ данныхъ можно видѣть, какъ далеки грубыя, первобытныя формы волжскихъ судовъ отъ легкихъ образованій, употребляемыхъ нынѣ для судовъ, плавающихъ по главнѣйшимъ рѣкамъ Европы и Америки. Тамъ отношеніе ширины къ длинѣ судна измѣняется отъ $^1/_8$ до $^1/_{11}$; съуживаніе носа и кормы начинается отъ самой средины судна и идетъ постепенно; подводная часть образуется,

(*) По наружности, всѣ суда эти (исключая, конечно, пароходы) мало разнятся между собою въ формѣ и устройствѣ. Все различіе иногда заключается въ томъ, что на одномъ суднѣ есть *воротъ* для тяги снасти, а на другомъ нѣтъ.

какъ на мореходныхъ судахъ, изъ кривыхъ линій, между тѣмъ, какъ мы видѣли, въ волжскихъ судахъ, эти линіи составляются изъ ломаныхъ прямыхъ, и поперечныя сѣченія судна, почти всегда, представляютъ прямые или тупые углы при соединеніи бортовъ со дномъ.

Въ расшивахъ, правда, соединеніе бортовъ со дномъ закругляется непрерывною линіею, но зато дается странное образованіе кормѣ и носу. Носъ представляетъ какъ бы острую пирамиду, которая рѣзко отдѣляется отъ главнаго корпуса судна и нижняя грань которой состоитъ изъ поверхности, восходящей отъ самого дна судна въ наклонномъ положеніи, подъ угломъ около 40° съ плоскостью горизонтальной. Корма расшивы, напротивъ, совершенно обрублена вертикальной плоскостью. Впрочемъ, расшивы считались одними изъ самыхъ быстрыхъ парусныхъ судовъ на Волгѣ. Отношеніе ширины расшивъ къ длинѣ ихъ (по палубѣ) составляетъ не менѣе $^1/_3$ или $^1/_{3,5}$. Короткія, высокія, съ остроконечнымъ, вздернутымъ носомъ и обрубленной кормой, суда эти съ перваго взгляда представляются отрубкомъ передней части длиннаго судна.

Вообще устройство волжскихъ судовъ тяжело и топорно. Шпангоуты состоятъ изъ толстыхъ кницъ, или кокоръ (комлевыхъ частей дерева, вырубленныхъ вмѣстѣ съ корнемъ), называемыхъ здѣсь *копонями* (*), которыя ставятъ другъ отъ друга на разстояніи пяти вершковъ, такъ что дно судна болѣе представляетъ дерева, нежели пустого пространства.

Скрѣпленій на судахъ почти вовсе не употребляютъ, а вся связь и прочность судна зависятъ отъ обшивки, которой поэтому даютъ большіе размѣры. Въ большихъ судахъ, назначаемыхъ для службы не менѣе осьми лѣтъ, обшивка по дну обыкновенно состоитъ изъ сосновыхъ досокъ или брусьевъ, до 8 вершковъ ширины и не менѣе 3 вершковъ толщины. На обшивку бортовъ употребляютъ брусья тѣхъ же размѣровъ; но имъ даютъ еще бо́льшую толщину въ трехъ рядахъ бортовой обшивки, а именно: въ верхнемъ ряду, называемомъ *красною доскою*, и въ двухъ или трехъ рядахъ ниже горизонта воды (когда судно въ полномъ грузу), которые называются *барха́тными брусьями*. Брусья эти назначаются для принятія ударовъ во время приваловъ у пристаней или при столкновеніи судовъ на ходу. Красной доскѣ даютъ толщину до $4^1/_2$ вершковъ, а барха́тамъ — не менѣе 6 вершковъ, при семи-вершковой ширинѣ.

(*) Не отъ слова ли *копать*, потому что часть кницы дѣйствительно выкапывается, какъ англійск. кница отъ *knee* — пень или колѣно дерева.

Дно и борты прибиваютъ къ шпангоутамъ желѣзными широкошляпчатыми гвоздями, до 10 вершк. длины. Для бархотныхъ же брусьевъ употребляютъ гвозди почти аршинной длины.

На обшивку коломенокъ, гусянокъ и другихъ не столь прочно отдѣлываемыхъ судовъ употребляютъ доски отъ $2^1/_2$ до 3 дюймовъ толщины, прибиваемыхъ ко дну еловыми нагелями, а къ бортамъ— нагелями и гвоздями.

Выше упомянуто, что въ волжскихъ судахъ даже самой большой длины никакой продольной связи не существуетъ, такъ что они не могутъ представить чувствительнаго сопротивленія внѣшнимъ давленіямъ. Все почти скрѣпленіе состоитъ въ обшивкѣ, которой для этого даютъ большіе размѣры, увеличивающіе осадку судна въ водѣ и издержки построенія; кильсена же и кламсы (*) скрѣпляются съ корпусомъ такъ, что они болѣе увеличиваютъ грузъ, чемъ содѣйствуютъ крѣпости строенія.

Эта система построенія большихъ волжскихъ судовъ оправдывается отчасти нѣкоторыми мѣстными причинами, какъ, напримѣръ: большимъ изобиліемъ хорошаго строевого лѣса въ мѣстахъ, гдѣ суда наиболѣе строятся, большою простотою системы, нетребующей искусственныхъ средствъ для ея исполненія, и слѣдовательно доступной всякому мѣстному крестьянину; но если принять въ разсужденіе, что обиліе строевого лѣса не можетъ быть постояннымъ при столь большомъ и неправильномъ употребленіи его, и что по мелководію Волги въ межень главное достоинство судовъ ея должно состоять въ сколь можно большей легкости, а слѣдовательно мѣньшей осадкѣ въ водѣ, то система эта оказывается совершенно неудовлетворительною и требуетъ существеннаго преобразованія.

Устройство парусныхъ судовъ, если они будутъ имѣть мѣсто при развитіи пароходства, должно быть основано на болѣе современныхъ началахъ судостроенія, примѣненныхъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ плаванія. Подчалки же и всѣ суда, ходящія завознями, удобнѣе строить изъ желѣза. Суда эти мало сидятъ въ водѣ— важное преимущество для Волги, да сверхъ того выслуживаютъ продолжительное время. Если бы употребленіе желѣзныхъ судовъ распространилось современемъ на Волгѣ, то этимъ сохранилось бы много лѣса, расходуемаго теперь на суда, изъ которыхъ самыя прочныя выслуживаютъ восемь лѣтъ, другія ходятъ не болѣе трехъ лѣтъ, а многія, наконецъ, строятся на одну путину (переходъ), не говоря уже о баркахъ, строимыхъ для переховъ отъ Рыбинска въ Пе-

(*) На мѣстномъ нарѣчіи: *подтелины*.

тербургъ (какъ говорятъ на Волгѣ, *на убой*), гдѣ они ломаются на дрова и на такъ называемый барочный лѣсъ.

На всемъ пространствѣ отъ Рыбинска до Астрахани по берегамъ Волги не существуетъ искусственнаго бичевника: мѣстами по луговому, бо́льшею же частью по нагорному берегу протоптана тропа, которою идутъ бурлаки, таща судно бичевою. Тропа эта, называемая *сакмою*, поддерживается, а съ тѣмъ вмѣстѣ и повреждается постояннымъ употребленіемъ въ теченіе всего судоходнаго времени.

Легко себѣ представить, въ какомъ состояніи долженъ находиться подобный бичевникъ на рѣкѣ, которой мягкіе и песчаные берега ежегодно подмываются водою на большомъ протяженіи. Иногда бурлаки съ бичевою должны карабкаться на крутой, песчаный обрывъ, который обрушивается подъ ихъ ногами, иногда слѣдовать по берегу, покрытому слоемъ угловатаго щебня, мѣстами входить въ воду на значительную глубину и даже съ опасностью переходить въ бродъ ручьи и овраги, — но и въ этомъ состояніи бичевной путь не вездѣ возможенъ. Его вовсе не существуетъ тамъ, гдѣ фарватеръ далеко отклоняется отъ береговъ, идя по срединѣ рѣки въ широкомъ мѣстѣ ея, или гдѣ слѣдуетъ у подошвы высокаго отвѣснаго берега; наконецъ, весною бо́льшая часть бичевника вовсе затопляется водою.

Другое средство движенія судовъ по Волгѣ — дѣйствіемъ вѣтра, требуетъ, при нынѣшнихъ размѣрахъ волжскихъ кладныхъ судовъ, большого обилія водъ и значительной ширины рѣки, отчего самое дѣятельное восходящее движеніе парусныхъ судовъ по Волгѣ происходитъ только при весеннемъ разливѣ этой рѣки.

По причинѣ вообще тяжелой конструкціи волжскихъ судовъ и быстраго теченія рѣки весною, парусамъ и мачтамъ надлежало дать весьма большіе размѣры. Сверхъ того оснастка должна дѣлаться наименѣе сложною, чтобы дешевле стоила и управленіе парусами было доступно не весьма искуснымъ лоцманамъ.

Поэтому-то паруса и мачты нѣкоторыхъ большихъ судовъ Волги имѣютъ громадные размѣры. На большихъ расшивахъ мачта (на всѣхъ судахъ Волги — одна мачта съ двумя парусами: кореннымъ (гротомъ) и топсслемъ) сколачивается изъ *шести* и болѣе круглыхъ деревъ, изъ которыхъ четыре, такъ называемыя *коренныя* дерева, имѣютъ длины до 12 саженъ, отъ 10 до 12 вершковъ діаметра въ комлѣ, ставятся толстымъ концомъ внизъ на дно судна, а два остальныя дерева, называемыя *пасынками* и имѣющія еще нѣсколько бо́льшую длину, а въ комлѣ діаметръ до 16 вершковъ, прикладываются къ первымъ въ обращенномъ положеніи, т. е.

вершиною внизъ, и на такой высотѣ, чтобы комли ихъ выступали футовъ на 8 или на 9 надъ вершинами коренныхъ деревьевъ. Между этими выступающими концами укрѣпляется еще надставка сажени въ двѣ высоты, называемая стеньгою и служащая для укрѣпленія въ ней блокъ-топселя вверху, а внизу — блока для подъема коренного паруса, или грота. Все это массивное и грубое соединеніе лѣса сбивается длинными желѣзными гвоздями безъ всякой другой связи, кромѣ одного или двухъ бугелей, нагоняемыхъ иногда на стеньгу въ соединеніи ея съ пасынками. Такимъ образомъ мачта большой расшивы или мокшаны имѣетъ до 14 и 15 саж. высоты (не считая верхней надставки для флюгера) и болѣе двухъ футовъ толщины въ основаніи.

Эти размѣры мачтъ могли бы быть значительно сокращены, когда деревья, ихъ составляющія, были бы порядочно пригнаны и притесаны и когда бы соединяли ихъ иначе и не одними гвоздями.

На большихъ расшивахъ коренной парусъ (гротъ) имѣетъ ширины по верхней кромкѣ до 30 саж., по нижней отъ 15 до 18, и около 12 саж. высоты; топселямъ даютъ около 10 — 15 саж. ширины, и отъ 4 до 8 саж. высоты (!). На расшивахъ употребляютъ всегда паруса изъ полотна или парусины, на мокшанахъ — бо́льшею частью изъ рогожъ. Управленіе подобными парусами весьма затруднительно. Въ прежніе года ихъ поднимали просто въ ручную большимъ числомъ рукъ, теперь употребляютъ для этого вороты, устанавливаемые въ кормовой части судна; но совсѣмъ тѣмъ для облегченія подъема парусовъ даютъ мачтамъ положеніе нѣсколько наклонное къ носу, что́ немало содѣйствуетъ вредному увеличенію погруженія въ воду носовой части судна, хотя, впрочемъ, нѣкоторые и утверждаютъ, что на Волгѣ необходимо, чтобы носъ сидѣлъ въ водѣ болѣе кормы, ибо въ случаѣ приткнутія къ мели легче съ нея сняться, когда корма свободна.

При умѣренномъ и совершенно попутномъ вѣтрѣ, расшивы поднимаютъ оба паруса, и въ этомъ случаѣ, когда воды достаточно глубоки и плесы не представляютъ особыхъ трудностей, то онѣ пробѣгаютъ верстъ 60 и болѣе въ сутки; но это бываетъ только при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ. Боковымъ вѣтромъ судамъ этимъ ходить неудобно, потому что управлять парусами при такой оснасткѣ чрезвычайно трудно. Порожнія или мало нагруженныя суда боковымъ вѣтромъ тоже не ходятъ, ибо самый корпусъ судна сильно паруситъ и лоцманъ не имѣетъ возможности удержаться на фарватерѣ. По теченію суда сплываютъ иногда посредствомъ *водяного паруса*, натягиваемаго на деревянную раму и опускаемаго на

воду съ котораго нибудь борта, для увеличенія площади судна, на которую дѣйствуетъ теченіе.

При очень сильномъ, хотя и попутномъ, вѣтрѣ, волжскія суда или вовсе останавливаются, или идутъ съ большою осторожностью, поднимая только часть коренного паруса. Во всякомъ случаѣ, употребленіе столь большихъ мачтъ и парусовъ, вынужденное топорной конструкціей судна, представляетъ постоянную опасность отъ береговыхъ вѣтровъ, дующихъ изъ нѣкоторыхъ овраговъ; вѣтра эти иногда ударяютъ съ такою силою и внезапностью, что если лоцманъ не принялъ благовременныхъ мѣръ, не спустилъ паруса или даже не прорѣзалъ его, то какъ ни массивна мачта, она ломается на части, и нерѣдко самое судно погибаетъ, наносится на мель или разбивается о подводные деревья и камни.

Третье средство движенія судовъ по Волгѣ, издавна здѣсь употребляемое, состоитъ въ томъ, чтобы итти, какъ говорятъ, *завознями*, или *подачами*.

Опишемъ этотъ способъ въ нѣсколькихъ словахъ: на весельной лодкѣ вывозятъ впередъ якорь съ привязанной къ нему завозенною снастью; бросивъ якорь впередъ судна на растояніи длины этой снасти, лодка возвращается къ судну, постепенно выбрасывая снасть въ воду, и, подъѣхавъ къ судну, подаетъ на него другой конецъ снасти; бурлаки зацѣпляютъ за этотъ конецъ короткія бичевки съ лямкою и, ходя вдоль палубы, подтягиваютъ судно къ якорю. Во время этой работы лодка завозитъ другой якорь съ такою же снастью, и въ то время, когда почти вынимаютъ уже прежній якорь, подаютъ на судно вторую снасть отъ вновь завезеннаго якоря.

Такимъ дѣйствіемъ проходятъ въ день отъ пяти до десяти верстъ; но, при всей медленности этого способа, его предпочитаютъ совершенной неподвижности.

Такимъ образомъ каждое парусное судно, плавающее въ части между Астраханью и Рыбинскомъ, должно имѣть всѣ три средства движенія, смотря по обстоятельствамъ, т. е. итти бичевою, на парусахъ или подачею; но это сопряжено съ весьма значительными невыгодами, а именно:

1) Употребленіе парусовъ, какъ мы видѣли, не всегда безопасно, требуетъ значительныхъ издержекъ на вооруженіе судна, да сверхъ того эти громадные мачты и паруса съ принадлежностями значительно загружаютъ судно, увеличивая его осадку.

2) Движеніе бичевою, а тѣмъ болѣе подачею, требуетъ, чтобы на суднѣ имѣлось въ готовности большое число рукъ, которыя при попутномъ вѣтрѣ остаются въ бездѣйствіи. Основываясь на законѣ

о волжскомъ судоходствѣ, мы видимъ, что на большой мокшанѣ, поднимающей до 50,000 пудовъ клади, должно быть полтораста человѣкъ судорабочихъ, не включая въ это число лоцмановъ, водоливовъ, прикащиковъ и проч.

3) Къ этому еще присоединяется неудобство чрезвычайно медленнаго движенія, особенно посредствомъ подачи. Когда нѣсколько большихъ судовъ, идя такимъ образомъ, сойдутся въ одномъ мѣстѣ, то завезенныя снасти ихъ перепутываются (что иногда дѣлается и съ умысломъ, чтобы обойти ранѣе другое судно), и между бурлаками начинаются ссоры. Подобныя затрудненія особенно часты весною и осенью, при скопленіи судовъ на мелѣхъ или перекатахъ.

Весьма естественно, что всѣ описанныя неудобства употребленія парусныхъ судовъ на Волгѣ заставляли судопромышленниковъ заботиться о пріисканіи такого способа движенія, который могъ бы служить постоянно во всякой мѣстности, и въ особенности который избавлялъ бы отъ необходимости держать на судахъ столь большой запасъ судорабочихъ.

Употреблявшаяся уже система движенія подачами привела къ мысли замѣнить людей лошадьми, обращающими шпиль, или горизонтальный воротъ. Первый опытъ былъ сдѣланъ на ладьяхъ, перевозящихъ соль изъ пермскихъ заводовъ къ Нижнему. Около 1815 года эта система движенія была усовершенствована механикомъ Пуадебардомъ, который и получилъ десяти-лѣтнюю привиллегію на свое изобрѣтеніе. Впослѣдствіи стали устроивать особыя, такъ называемыя конно-машинныя суда, которыя, независимо отъ клади, въ нихъ самихъ нагружаемой, тащатъ еще за собою нѣсколько судовъ съ грузомъ (подчалокъ).

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о первыхъ *коноводкахъ* на Волгѣ; но, сколько извѣстно, первые хозяева этого дѣла сообразили всѣ необходимыя условія для успѣшной перевозки клади этимъ способомъ. Вслѣдствіе такого соображенія, первыя коноводныя суда съ механическимъ приводомъ были небольшихъ размѣровъ. Обстоятельство это, уменьшая осадку коноводныхъ судовъ, позволяло имъ проходить съ мѣньшими затрудненіями мелководныя мѣста Волги, и слѣдовательно ускоряло — сравнительно съ нынѣшнимъ — движеніе этихъ судовъ. Но когда привиллегія первыхъ учредителей коноводокъ кончилась и способъ этотъ сдѣлался общимъ достояніемъ, то приволжскіе торговцы стали строить суда чудовищныхъ размѣровъ; на построеніе ихъ истребляли такіе лѣса, которые могутъ требоваться только для постройки стонушечныхъ кораблей. Такъ, напр., вмѣсто того, чтобы на обшивку судовъ употреблять распаренныя доски, легко могущія дать нужную погибь, портили мачто-

выя деревья, вытесывая изъ нихъ обшивныя потеси съ необходимой погибью.

Новые владѣльцы коноводныхъ машинъ эмпирическимъ путемъ убѣдились въ той выгодѣ этого рода судовъ, что какъ сами суда, такъ и ихъ подчалки могутъ по произволу итти самымъ глубокимъ путемъ — важное преимущество предъ бичевными судами; но они не разсчитали того, что вообще глубина Волги не дозволяетъ выходить при постройкѣ судовъ изъ извѣстныхъ размѣровъ, и, не довольствуясь, по примѣру первыхъ изобрѣтателей этихъ судовъ, 100,000 пудовъ подчаливаемой клади, устроили свои машины на 200,000 — 300,000 пуд. Естественно, что увеличеніе силы дѣйствія потребовало бо́льшихъ размѣровъ, а слѣдовательно и бо́льшей осадки судна. Результатъ этого желанія выиграть въ количествѣ перевозимой клади вышелъ тотъ, что коноводки становятся на мель на многихъ *перекатахъ* (*) Волги, съемка съ которыхъ если и бываетъ возможна, то всегда сопряжена съ потерею времени, съ большими издержками,—а вмѣстѣ съ тѣмъ, столь благодѣтельное изобрѣтеніе не только не достигло своей цѣли, но затруднило плаваніе и для прочихъ судовъ. Явленіе весьма обыкновенное на Волгѣ, что коноводка, выстроенная въ бо́льшихъ противъ положенія размѣрахъ, становится на мель на перекатѣ, завозитъ съ обѣихъ сторонъ якоря со снастями, называемыми *отломными*, и, принявъ эти снасти на судно, начинаетъ раскачиваться усиліемъ рабочихъ людей, какъ бы надѣясь продавить дно рѣки подъ собою. «Разступись, мать сыра земля!» въ шутку говорятъ судоробочіе во время этого маневра. Нужно ли говорить, что усилія ихъ почти всегда безуспѣшны, и коноводка остается на мели, загромоздивъ фарватеръ и способствуя образованію вокругъ себя новыхъ мелей изъ песку, наносимаго теченіемъ, до тѣхъ поръ, пока не достанутъ *паузокъ* (пустыя барки), въ которыя и перекладываютъ столько груза, сколько нужно для облегченія коноводки и ея подчалокъ. А между тѣмъ другія суда ждутъ, пока кончится вся эта работа, ибо канатная паутина, растянутая отъ коноводки къ завезеннымъ якорямъ, и наносы песку занимаютъ весь фарватеръ.

По наружности, коноводки похожи на петербургскіе *садки*, въ бо́льшихъ только размѣрахъ. Въ передней части коноводки обыкновенно устроиваютъ воротъ (шпиль), который верхней своей частью проходитъ сквозь палубу, нѣсколько возвышаясь надъ нею, и служитъ для обнесенія завознаго каната; нижняя половина ворота находится подъ палубой и вооружена вымбовками (рычагами).

(*) Что́ такое *перекатъ*, будетъ объяснено ниже.

Къ каждой вымбовкѣ припрягаются двѣ-три лошади, совершающія монотонный и головокружительный танецъ вокругъ шпиля, отъ какого нибудь Камышина до Рыбинска — не далѣе. Средняя часть палубы богатой коноводки изукрашена башенками китайско-армянской архитектуры; въ нихъ помѣщаются бурлацкая кухня и разныя кладовыя. Подъ палубой, по срединѣ же судна, устроены конюшни на 60 и болѣе стойлъ; въ задней части — *казенка*, то есть каюта прикащика. Непосредственно за кормою, совершенно схожею съ носомъ и безъ руля, привязываются подчалки; грузъ въ нихъ помѣщается подъ палубой, а на палубѣ высятся цѣлые стога сѣна — провіантъ дѣйствующей силы. Иногда на коноводкахъ ставятся мачты такой же грубой работы, какъ и на расшивахъ; но мнѣ не случилось видѣть коноводной машины подъ парусами. На двухъ завозенныхъ лодкахъ постоянно работаютъ двѣнадцать человѣкъ; одна лодка стоитъ у *буя* (*), другая— возлѣ борта коноводки, для принятія снасти со шпиля. Число всѣхъ рабочихъ на коноводкѣ не менѣе 32 человѣкъ, кромѣ мальчишекъ-погоньщиковъ, которые, сидя на вымбовкахъ, свистомъ и чикомъ погоняютъ лошадей (**). Подгулявшій прикащикъ, въ красной рубахѣ, расхаживаетъ по судну и энергическими рѣчами возбуждаетъ усердіе погоньщиковъ и бурлаковъ.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что коноводныя машины неудобны, по многимъ причинамъ, а именно: 1) *по дороговизнѣ постройки* и содержанія; конно-машинное судно большихъ размѣровъ стоитъ съ принадлежностями около 30,000 руб. сер.; ежегодный расходъ: на починку судовъ, возобновленіе снастей, на содержаніе лоцмановъ, водолпвовъ, конюховъ и погоняльщиковъ, на прокормъ лошадей и убытокъ при ихъ продажѣ составитъ не менѣе 11,000 р. с., такъ что прибыль отъ перевозки груза бываетъ весьма незначительна, а въ случаѣ особыхъ затрудненій въ годы мелководія или какихъ либо несчастій на пути, прибыли нѣтъ вовсе. 2) *По затруднительности движенія.* Движеніе коноводки, транспортирующей до 200,000 пуд. груза, какъ сказано выше, весьма затруднительно какъ отъ слишкомъ большого сопротивленія воды въ быстрыхъ мѣстахъ, такъ отъ неудобства прохода съ длинною цѣпью подчалокъ въ крытыхъ заворотахъ рѣки, особенно при нѣсколько сильномъ боковомъ вѣтрѣ. 3) *По недолговѣчности.* Хорошо устро-

(*) Якорнаго поплавка.

(**) Экипажъ большихъ коноводокъ состоитъ изъ 1 лоцмана машины, 4 лоцмановъ на завозенныхъ лодкахъ, 8 *водолпвовъ*, 3 конюховъ, 14 погоняльщиковъ, 45 судорабочихъ и 70—80 лошадей, которыя раздѣлены на двѣ или на три вахты (смѣны), смотря по степени быстроты теченія.

енныя коноводки и ихъ подчалки служатъ менѣе 10 лѣтъ, совершая по одной путинѣ (переходъ) въ годъ; снасти же изнашиваются въ два года. 4) *По медленности движенія.* Конно-машинныя суда идутъ день и ночь. Скорость движенія измѣняется отъ 6 до 16 и не болѣе 18 верстъ въ сутки. Среднимъ числомъ можно считать, что, безъ особыхъ препятствій, коноводка, съ полнымъ комплектомъ лошадей и бурлаковъ и буксирующая до 150,000 пудовъ клади, проходитъ, при небольшой путинѣ, отъ 10 до 12 верстъ въ сутки. Въ годы мелководія эта средняя скорость значительно уменьшается.

Лучшія коноводныя суда на Волгѣ—гг. Сапожникова, Плигина, Ненюкова. Замѣтимъ, впрочемъ, что коноводки постепенно исчезаютъ, и мы слышали отъ нѣкоторыхъ судохозяевъ, что коноводныя машины ихъ будутъ ходить по Волгѣ только до тѣхъ поръ, пока не придутъ въ негодность подчалки, послѣ чего возобновлять этотъ способъ движенія не будутъ.

Всѣ указанные выше недостатки коноводныхъ машинъ, въ особенности же чрезвычайная медленность ихъ хода, заставили изъискивать различныя средства къ усовершенствованію этого рода судовъ: одни увеличивали длину ходовыхъ снастей, другіе употребляли легкіе пароходы для буксированія завозныхъ лодокъ. Послѣднее средство навело на мысль перейти къ другому способу движенія, болѣе постоянному и равномѣрному, т. е. замѣнить лошадей парами. Первый опытъ замѣненія коннаго ворота паровою машиною, сколько намъ извѣстно, былъ сдѣланъ, въ 1841 году, г. Татариновымъ. По отзывамъ нѣкоторыхъ судопромышленниковъ, опытъ г. Татаринова не вполнѣ удался, хотя другіе утверждаютъ противное; во всякомъ случаѣ, надо обратить вниманіе на то, что опытъ этотъ былъ дѣланъ въ такихъ обстоятельствахъ и съ такими средствами, что едва ли возможно было ожидать удовлетворительныхъ результатовъ. Изъ сообщенныхъ намъ свѣдѣній оказывается, что «машина была дурно устроена, не приспособлена къ своему назначенію, приводы нехороши и часто повреждались. Самое судно имѣло дурныя формы. Сверхъ того, какъ это было первое паровое судно на Волгѣ, то не могло быть сдѣлано надлежащаго распоряженія для своевременной и дешовой доставки и заготовки топлива; наконецъ самое время опыта выбрано было неудачно, ибо въ 1841 году воды были такъ низки, что на всякомъ шагу судоходство встрѣчало затрудненія отъ недостатка глубины.»

Какъ мы сказали уже, устройство кабестаннаго парохода сходствуетъ съ устройствомъ коноводной машины: въ обоихъ способъ движенія основанъ на завозѣ якоря и подачѣ на кабестанъ (воротъ, шпиль) снасти, прикрѣпленной къ якорю. Различіе кабестаннаго

судна отъ коноводки только въ движущей силѣ, ибо на первомъ паровая машина замѣняетъ лошадей, и еще въ томъ, что вмѣсто завозенныхъ лодокъ употребляются завозенные пароходики. Естественно, что въ хозяйственномъ отношеніи кабестаны выгоднѣе коноводокъ, потому что могутъ итти кратчайшимъ путемъ и менѣе зависятъ отъ случайностей, какъ-то: падежа лошадей, отказа рабочихъ продолжать службу на суднѣ и проч. Но главное—кабестанъ, вмѣщая въ себѣ только машину съ суточнымъ запасомъ дровъ и малое количество прислуги, не требуетъ подобно коноводкѣ огромныхъ размѣровъ и потому, будучи выстроенъ легче, менѣе сидитъ въ водѣ, а слѣдовательно и менѣе встрѣчаетъ препятствія при проходѣ черезъ мели. Наше мнѣніе, что кабестаны представляютъ самый выгодный механизмъ для транспортировки грузовъ по Волгѣ, потому что съ малыми силами, напримѣръ, въ 24 силы лошади, легко могутъ тащить отъ 100,000 до 120,000 и болѣе пудовъ клади, со скоростію 45 верстъ въ сутки (*), издерживая на топливо и на содержаніе судорабочихъ несравненно менѣе, чѣмъ на буксирныхъ пароходахъ. Жаль очень, что устройство буксирныхъ пароходовъ на Волгѣ отвлекло вниманіе тамошнихъ дѣятелей отъ кабестановъ. Учредители волжскаго пароходства, увлекаясь не всегда необходимою надобностью быстрой доставки клади, сосредоточили всю свою дѣятельность на устройствѣ колесныхъ, буксирныхъ пароходовъ, и кабестаны остались въ тѣни, хотя дешевизна ихъ устройства и содержанія, при возможности транспортировать ими огромные грузы, стоитъ того, чтобы люди свѣдующіе и предпріимчивые изучили всѣ условія наивыгоднѣйшаго устройства кабестановъ и развили этотъ способъ перевозки грузовъ по Волгѣ. Введеніе кабестановъ на Волгѣ важно и потому, что они примирили бы прежнее волжское судоходство съ пароходствомъ, ибо до настоящаго времени обѣ эти отрасли волжской судопромышленности еще не слились между собою. Такъ, буксирные пароходы находятся въ необходимости для перевозки различной клади заводить свои подчалки, тогда какъ кабестаны, безъ всякаго затрудненія, потащатъ за собою кладь во всѣхъ существовавшихъ и существующихъ на Волгѣ судахъ.

Намъ знакомы на Волгѣ кабестаны, принадлежащіе компаніи Нижегородской машинной фабрики и отдѣльнымъ владѣльцамъ: гг. Сорокину, Ненюкову, Трусову и Плигину. Всѣ они выстроены изъ дерева, домашними, волжскими средствами и самымъ гру-

(*) Г. Небольсинъ, въ ст. «Разсказы проѣзжаго», говоритъ: кабестанныя суда идутъ такъ же медленно, какъ и всѣ мачтовыя «посуды», самымъ тихимъ, самымъ черепашнымъ ходомъ.» Это несправедливо.

бымъ образомъ. Это, кажется, произошло оттого, что первые владѣтели кабестановъ какъ бы инстинктивно боялись перехитрить и впасть въ ошибку одной компаніи волжскаго пароходства, которая доводила до всеобщаго свѣдѣнія, что пароходы ея будутъ строиться по новому и совершенно остроумному способу — къ несчастію, неудавшемуся. Волжскіе кабестаны выстроены какъ бы на вызовъ кораблестроительному искусству, чтобъ доказать, что, несмотря ни на что, они будутъ ходить. Исключеніе составляетъ кабестанный пароходъ Плигина, еще только что выстроенный, и паровые кабестаны Нижегородскаго машиннаго заведенія («Астрахань» — 40 силъ, и «Камышинъ» — 24 силы).

Мы полагаемъ, что если бы составилась компанія для транспортировки клади по Волгѣ кабестанными пароходами, построенными изъ желѣза, сидящими въ водѣ не болѣе 16 вершковъ (можно и менѣе) и имѣющими для *подачь*, вмѣсто пеньковыхъ снастей, желѣзныя цѣпи, то такая компанія могла бы получить выгоды несравненно бо́льшія противъ буксирныхъ, колесныхъ пароходовъ. Кромѣ выше изложенныхъ преимуществъ, выгоды этой компаніи, во первыхъ, заключались бы въ томъ, что дѣйствія ея кабестановъ были бы обширнѣе дѣйствія пароходовъ: они транспортировали бы кладь отъ Балакова и Волжска до Рыбинска и даже частію по Шекснѣ до Череповца, притомъ во всевозможныхъ судахъ самого кладчика, если не въ своихъ подчалкахъ; во вторыхъ, компанія подвергалась бы менѣе риску, менѣе зависѣла бы отъ случайныхъ и непредвидимыхъ обстоятельствъ, напр. просрочки въ доставленіи клади, нежеланія судорабочихъ продолжать службу и проч. Необходимая разность въ цѣнѣ за фрахтъ (напр., если буксирный пароходъ беретъ 10 коп. сер. съ пуда, то кабестанный возьметъ 7 коп. сер.) вознаграждается съ лихвою дешевизною устройства и содержанія кабестаннаго въ сравненіи съ буксирнымъ пароходомъ.

Пароходы не новость на Волгѣ. Но хорошихъ рѣчныхъ пароходовъ, приспособленныхъ къ мѣстнымъ, гидрографическимъ условіямъ, на Волгѣ еще немного.

Въ 1841 году одинъ изъ наблюдателей волжскаго пароходства писалъ слѣдующее: «На всемъ пространствѣ между Рыбинскомъ и Астраханью существуютъ, сколько мнѣ извѣстно, только 7 пароходовъ; изъ нихъ два, весьма малой силы, гг. Журавлева и Татаринова, употребляются для буксированія завозенныхъ лодокъ при конно-машинныхъ судахъ; одинъ, тоже г. Татаринова, дѣйствуетъ подобно конно-машинному судну (кабестанъ); одинъ, малой силы и дурного устройства, принадлежитъ саратовскому помѣщику Куткину и предназначался собственно для буксированія клади,

но, по малосилію, стоитъ теперь у Саратова безъ употребленія; наконецъ остальные три парохода принадлежатъ г. Менду и армянамъ Углеву и Аралову и употребляются для перевозки клади и пассажировъ между Астраханью и Нижнимъ-Новгородомъ.»

Итакъ, въ 1841 г. было *три* собственно буксирные парохода на Волгѣ.

«Столь медленное — говоритъ тотъ же наблюдатель — распространеніе этого способа движенія въ 20 слишкомъ лѣтъ, протекшихъ со времени перваго опыта (сдѣланнаго, въ 1820 годахъ, г. Евреиновымъ), объясняется отчасти затрудненіями, пароходству представляемыми свойствами самой рѣки, то слишкомъ мелководной, то весьма быстрой; но въ особенности этотъ неуспѣхъ развитія пароходства на Волгѣ должно приписать дурному устройству самихъ пароходовъ, плохо приспособленныхъ къ ихъ назначенію.»

Какъ устранить первое затрудненіе, т. е. увеличить глубину Волги на перекатахъ и меляхъ, объ этомъ говорятъ много и предлагаютъ различныя мѣры. Что́ касается до устройства такихъ судовъ, которыя проходили бы безъ замѣшательства чрезъ всѣ мелководныя мѣста, то эта задача нашла и находитъ безпрерывныхъ дѣятелей, изъ которыхъ нѣторымъ удается близко подойти къ цѣли, другимъ — нѣтъ. На этомъ основаніи, и пароходы, плавающіе по Волгѣ, мы раздѣлимъ на удавшіеся и неудавшіеся. И тѣ и другіе работаютъ весьма выгодно (исключенію подлежатъ только пароходы Пермской Компаніи); но разница въ нихъ та, что первые будутъ работать хорошо продолжительное время, тогда какъ вторые пожалуй на первое время уйдутъ и впередъ, пользуясь какимъ нибудь вводнымъ обстоятельствомъ, а потомъ и откажутся отъ работы, подъ благовиднымъ предлогомъ. Къ хорошо устроеннымъ пароходамъ на Волгѣ, безспорно, принадлежатъ тѣ, которые сдѣланы всѣ изъ желѣза. Желѣзный корпусъ парохода несравненно легче деревяннаго и потому менѣе сидитъ въ водѣ; линіи подводной части можно сдѣлать совершенно согласными съ чертежемъ, почему пароходъ выигрываетъ въ скорости; перегиби по длинѣ желѣзные пароходы не даютъ, тогда какъ деревянные корпуса пароходовъ рѣчной конструкціи всѣ имѣютъ этотъ недостатокъ, весьма важный. Намъ случалось видѣть, какъ пароходъ въ 200 силъ, имѣя деревянный корпусъ на желѣзныхъ ребрахъ, свободно пройдя носовою частію чрезъ мелководье, врѣзался срединою въ песокъ, при чемъ возмущенная вода засорила трубу холодильника машины. Вообще отъ этой перегиби страдаетъ не столько корпусъ, сколько машина. Желѣзный пароходъ, будучи раздѣленъ на нѣсколько отдѣльныхъ

ящиковъ, представляетъ совершенную безопасность при подводныхъ пробоинахъ и, само собою разумѣется, представляетъ менѣе возможности распространиться пожару, тогда какъ въ деревянныхъ оба эти случая могутъ надѣлать много бѣдъ. Наконецъ, желѣзный корпусъ легко прослужитъ 20 лѣтъ, тогда какъ корпусъ деревянный, при всей прочности постройки и доброкачественности матеріяловъ, болѣе 8 лѣтъ не прослужитъ.

Въ настоящее время на Волгѣ существуютъ четыре пароходныя компаніи, въ которыхъ насчитывается до 50 пароходовъ, включая сюда пароходы отдѣльныхъ лицъ и кабестаны. Кромѣ того учреждаются еще новыя компаніи, изъ которыхъ о пассажирскомъ пароходствѣ В. А. Глазенапа мы упомянули выше.

Пароходное Общество по Волгѣ есть старѣйшая изъ компаній, и пароходы ея вполнѣ принадлежатъ къ удавшимся. Дѣйствія Общества начались съ 1848 года. Оно владѣетъ четырьмя желѣзными пароходами: «Геркулесъ» и «Самсонъ» въ 460 силъ, «Кама» въ 300 силъ, «Волга» въ 250 силъ, и пароходъ «Ока», съ деревянною обшивкою, во 100 силъ. При нихъ 19 подчалокъ и 3 лодки. Всѣ пять пароходовъ заказаны были въ частяхъ на Ротердамскомъ заводѣ, въ Голландіи, по доставленіи ихъ въ Рыбинскъ, тамъ были окончательно собраны и спущены на воду. Пароходы эти, предназначенные собственно для буксированія грузовъ, не имѣютъ отдѣльныхъ каютъ для пассажировъ и потому менѣе прочихъ извѣстны туристамъ, которымъ весьма рѣдко удается на нихъ ѣхать. Машины этихъ пароходовъ высокаго давленія, съ охлажденіемъ (отсѣчкою) пара; послѣднее невыгодно для рѣчныхъ пароходовъ, во первыхъ, потому, что холодильники увеличиваютъ вѣсъ машины, а слѣдовательно и цѣну ея,— во вторыхъ, потому, что трубы, идущія изъ за борта въ холодильникъ, доставляютъ на меляхъ возмущенную воду, которая засариваетъ механизмъ и затрудняетъ дѣйствіе машины въ то время, когда въ особенности и нужна бываетъ ея работа. Впрочемъ, пароходы Волжскаго Общества весьма удачно устранили послѣднее неудобство, устроивъ резервуары, гдѣ вода, принимаемая изъ за борта, отстаивается и уже потомъ идетъ въ холодильникъ.

Изъ помянутыхъ пароходовъ, «Самсонъ» принадлежитъ къ самымъ быстрымъ пароходамъ на Волгѣ. Вообще же всѣ пароходы этого Общества отличаются красотою своей постройки и большою силою; на нихъ замѣчаются всегда отличный порядокъ и чистота, какіе только возможны на рабочемъ суднѣ. Съ перваго взгляда видно, что пароходы находятся въ отличномъ управленіи, и что, при дѣятельной работѣ, ихъ сберегаютъ и командованіе ими поручаютъ

людямъ свѣдующимъ и опытнымъ. Самые бурлаки на этихъ пароходахъ, занимая должности лоцмановъ, матросовъ и кочегаровъ, подчиняются требуемой дисциплинѣ и, постоянно служа на однихъ и тѣхъ же судахъ, въ нѣсколько лѣтъ совершенно свыкаются съ своимъ дѣломъ и добросовѣстно и проворно исполняютъ свои работы. Къ сожалѣнію, на Волгѣ не обращаютъ большого вниманія на экипажъ парохода, полагая, что отъ него требуется не болѣе, чѣмъ отъ судо-рабочихъ на парусной посудѣ; но мы полагаемъ, что тамъ, гдѣ большой капиталъ, затраченный на первоначальное заведеніе, не можетъ быть возвращенъ ранѣе 10 лѣтъ, работы и управленіе судномъ должны находиться въ рукахъ людей благонадежныхъ, а не въ рукахъ людей удалыхъ, каковы по большой части волжскіе лоцмана и прикащики.

Пароходы Волжскаго Общества зимуютъ въ Симбирской губерніи, въ Кривушинскомъ затонѣ (заливѣ), купленномъ Обществомъ, въ 30 верстахъ отъ Симбирска. Съ открытіемъ навигаціи, въ первый рейсъ они подвозятъ грузы до Рыбинска, но со вторымъ рейсомъ выше Нижняго не поднимаются, за недостаткомъ воды въ части Волги между Рыбинскомъ и Нижнимъ-Новгородомъ. Пароходы сидятъ въ водѣ болѣе трехъ футовъ.

Изъ отчета Общества Волжскаго Пароходства за лѣто 1852—53 года видно, что за перевозку клади выручено въ это лѣто 334,805 руб. 90 коп. сер.; получено чистой прибыли — 158,983 руб. 3 коп.; выдано въ девидендъ по 20 руб. сер. на каждую акцію, нормальная цѣнность которой 250 руб. сер.; всѣхъ акцій 5,200, слѣдовательно весь капиталъ акцій 1,300,000 руб. сер.; запасный капиталъ Общества — 104,587 руб. 88 коп.

Изъ этого видно, что дѣла Общества находятся въ весьма удовлетворительномъ состояніи.

Общество Волжскаго Пароходства называется на мѣстѣ иногда *Голландскимъ*, потому что пароходы его, какъ мы сказали уже, заказаны были въ Голландіи (*); также его называютъ Желѣзною Компаніею, ибо пароходы изъ желѣза впервые устроены на Волгѣ этимъ Обществомъ.

Къ разряду удавшихся пароходовъ принадлежатъ также малосильные пароходы Компаніи Нижегородскаго Механическаго Заведенія, или Машинной Фабрики, иначе, на мѣстѣ, называемые колчинскими пароходами по фамиліи главнаго коммиссіонера Общест-

(*) Г. Небольсинъ, въ «Разсказахъ проѣзжаго», ошибочно говоритъ, что «эта Компанія пароходы свои *строила* въ Рыбинскѣ. Здѣсь только *собирались* они. Также невѣрно опредѣляетъ онъ силу пароходовъ Общества: по его словамъ, «Геркулесъ» и «Самсонъ» въ 450, а «Волга» и «Кама» въ 250 силъ.

ва. Общество это называется еще и Со́ромовскимъ, или Сормскимъ, по деревнѣ Со́ромовкѣ, лежащей въ 10 верстахъ выше Нижняго на правомъ берегу Волги, гдѣ, въ 1849 году, устроена верфь, принадлежащая Обществу, для постройки желѣзныхъ пароходовъ.

Общество владѣетъ слѣдующими пароходами: «Опытъ»—въ 40 силъ; «Комета»—во 120 силъ; «Заря», «Стрѣла» и «Звѣзда»—въ 60 силъ; «Орелъ»—въ 80 силъ; «Вѣстникъ»—въ 90 силъ. Изъ нихъ, «Заря», «Стрѣла» (*), «Орелъ» и «Вѣстникъ»—желѣзные, прочіе—деревянные. На всѣхъ пароходахъ машины низкаго давленія, кромѣ «Зари», «Стрѣлы», «Вѣстника» и «Орла». На «Вѣстникѣ» одинъ цилиндръ высокаго, другой—низкаго давленія. Такая система представляетъ то удобство, что сберегаетъ топливо, ибо пары здѣсь дѣйствуютъ съ расширеніемъ, переходя изъ цилиндра высокаго въ цилиндръ низкаго давленія. На «Орлѣ» машина высокаго давленія съ качательными цилиндрами. На пароходъ этотъ стоитъ обратить особенное вниманіе. Онъ построенъ корабельнымъ инженеромъ М. М. Окуневымъ, какъ сказано уже, изъ желѣза, въ Соромовѣ, и представляетъ первый и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшій опытъ между построенными на Волгѣ желѣзными пароходами. М. М. Окуневъ вполнѣ примѣнилъ его въ построеніи къ торговой дѣятельности и мѣстнымъ условіямъ Волги. «Орелъ», сидя въ водѣ до 3 футовъ, буксируетъ въ трехъ баржахъ до 25,000 пудовъ клади со скоростію невѣроятною, а именно 8 и даже $8\frac{1}{2}$ верстъ въ часъ противъ теченія, чему мы сами были свидѣтелями. Кромѣ буксирныхъ, Общество владѣетъ двумя кабестанными пароходами (о которыхъ мы сказали выше) и двумя завозенными. (**)

(*) Первые пароходы Компаніи. Машины ихъ заказаны въ Бельгіи, на заводѣ Кокериля.

(**) Вообще пароходы Общества Нижегородской Машинной Фабрики отличаются прочностію машинъ, колесъ и котловъ, крѣпостію общей связи, что позволяетъ имъ двигаться съ особенною скоростію — отъ 6 до 7 верстъ въ часъ. Выше сказано, что машины этихъ пароходовъ съ качательными цилиндрами, которые нынѣ употребляются преимущественно предъ другими. У насъ, въ Россіи, примѣромъ могутъ служить придворный пароходъ «Александрія» и всѣ частные пароходы Петергофской Компаніи. Машины съ качательными цилиндрами доставляютъ судамъ остойчивость и, дѣйствуя чрезвычайно правильно, нимало не безпокоятъ пассажировъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сберегаютъ корпусъ судна, несмотря на необыкновенную скорость движенія. Котлы этихъ пароходовъ даютъ большую силу и мало требуютъ дровъ, что весьма важно, при быстро возростающей цѣнности дровъ на Волгѣ. Но главное преимущество этихъ пароходовъ заключается въ томъ, что они мало сидятъ въ водѣ. Если разовьется на Волгѣ собственно пассажирское пароходство, то всего выгоднѣе поставить на легкихъ пассажирскихъ пароходахъ машины съ качательными цилиндрами. Мы слышали, что подобные же пароходы, заказанные на заведеніи Кокериля въ Бельгіи и принадлежащіе г. Исакову, перевозятъ съ успѣхомъ грузъ по Днѣпру, отъ Херсона до Кіева, и что въ продолженіе трехлѣтняго дѣйствія они не потребовали никакой поправки.

За тѣмъ слѣдуютъ пароходы Общества Меркурій — «Мининъ», «Пожарскій», «Православный» и «Гермогенъ»—въ 200; «Сильвестръ» и «Адашевъ»—во 120, и «Рафаилъ»—въ 50 силъ; всего семь пароходовъ. Корпуса пароходовъ деревянные, на желѣзныхъ шпангоутахъ, по причинѣ величины своей жидки и измѣняютъ первоначальныя формы. Машины хороши (заказаны въ Швеціи, на заводѣ Motala), средняго давленія, прямого дѣйствія, дешевы и умѣстительны. На «Рафаилѣ» машина англійская, съ стараго невскаго парохода «Саима», одинаковаго устройства съ машиною певскаго же парохода «Веста». Невыгоды этихъ машинъ заключаются въ томъ, что онѣ, по своей тяжести, сообщаютъ деревянному корпусу парохода значительную погибь и увеличиваютъ его осадку въ водѣ. На Волгѣ не въ рѣдкость пароходы, которые, прослуживъ года два, перегнулись такъ, что въ будущемъ мало обѣщаютъ пользы.

Самарское Пароходное Общество имѣетъ пароходъ «Самара» — во 180 силъ; корпусъ его деревянный, выстроенъ по чертежу, присланному изъ Голландіи; машина съ двумя цилиндрами, изъ которыхъ одинъ высокаго, другой средняго давленія (съ цѣлью экономическою, какъ на пароходѣ «Вѣстникъ», о которомъ мы сказали выше). Вѣроятно, при сооруженіи этого парохода на Волгѣ, сдѣлано было отступленіе отъ чертежа, вслѣдствіе чего пароходъ вышелъ тяжеловатъ и обремененъ лѣсомъ; но, во всякомъ случаѣ, онъ представляетъ лучшій образецъ деревянныхъ пароходовъ на Волгѣ.

Несуществующая теперь Пермская Компанія владѣла пароходомъ «Пермью» и другими. Мы были свидѣтелями, какъ пароходъ этотъ, совершенно пустой и безъ подчалокъ, мучительно боролся съ теченіемъ при выходѣ изъ Камы. Всѣ пароходы этой Компаніи были менѣе ста силъ.

Изъ пароходовъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ, упомянемъ о пароходѣ «Елисавета», принадлежащемъ г-жѣ Лавинской; корпусъ парохода деревянный, на желѣзныхъ ребрахъ, по системѣ никуда негодной въ рѣчныхъ пароходахъ. Сжатость и цѣль этой статьи не позволяютъ намъ распространиться и доказать справедливость нашего мнѣнія; но это мнѣніе раздѣляютъ сами владѣтели парохода, которые на дѣлѣ убѣдились въ жидкости и недолговѣчности судна, построеннаго по этой системѣ. За тѣмъ мы встрѣчали пароходы: «Екатеринбургъ» и «Кяхта», принадлежащіе кому-то изъ жителей Перми; пароходы «Два Брата» и «Святой Николай», принадлежащіе армянину Алабову и купцу Козлову; еще пароходъ «Св. Николай»; пароходъ «Соколъ», принадлежащій г. Соколовскому, въ 44

силы, одинъ изъ первобытныхъ; пароходы «Св. Макарій», «Астрахань» и нѣкоторые другіе, менѣе значительные. Всѣ они деревянные.

Въ заключеніе замѣтимъ, что пароходовъ на Волгѣ еще далеко недостаточно для удовлетворенія всей торговой дѣятельности этой рѣки. Доказательствомъ тому служитъ то обстоятельство, что до сихъ поръ еще перевозныя цѣны устанавливаются на Волгѣ не пароходами, а кладными судами. Также слѣдуетъ замѣтить, что винтовой движитель на Волгѣ не можетъ употребляться, по мелководію этой рѣки.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Образованіе и передвиженіе мелей на Волгѣ.—Перекаты.—Неподвижность перекатовъ и значительность ежегоднаго измѣненія въ руслѣ Волги.—Подводные камни и деревья (карчи).—Предположеніе о постоянномъ обмелѣніи Волги.—Замѣчаніе о различныхъ показаніяхъ длины Волги и о перемѣнахъ.

Слово *мель* на Волгѣ неизвѣстно. Здѣсь оно замѣняется своими, мѣстными, характеристическими названіями, какъ-то: *перекатомъ*, *розсыпью*, *пескомъ*, *осередкомъ*, *побочнемъ*, *маншкою* и проч.

Трудно предложить съ увѣренностью теорію образованія мелей на Волгѣ. Объ этомъ есть много различныхъ и противорѣчащихъ другъ другу мнѣній. Во время пребыванія нашего на Волгѣ, мы позволили себѣ сдѣлать собственныя соображенія объ этомъ предметѣ, тоже основанныя, впрочемъ (за неимѣніемъ другихъ, болѣе вѣрныхъ данныхъ), на показаніяхъ лоцмановъ, на объясненіяхъ капитановъ волжскихъ пароходовъ и отчасти на собственныхъ наблюденіяхъ. Но, повторяемъ, соображенія эти мы не можемъ выдать за положительныя заключенія и приводимъ ихъ въ параллель съ прочими мнѣніями объ этомъ предметѣ. Кто ближе къ истинѣ — судить не наше дѣло.

Мели вообще находятся въ тѣхъ частяхъ или поблизости тѣхъ частей рѣки, гдѣ она протекаетъ въ берегахъ мягкаго, преимущественно песчанаго состава. Мели эти составляются изъ частей, отрываемыхъ отъ береговъ дождями, и безчисленными потоками, которые образуются во время таянія снѣга и при весеннемъ водоразлитіи.

Обрываніе береговъ есть необходимое слѣдствіе мягкаго состава ихъ и тѣхъ большихъ и рѣзкихъ измѣненій въ силѣ воды, дѣйствующей на нихъ, какія бываютъ при переходѣ рѣки отъ зимняго къ весеннему состоянію. При этомъ переходѣ необходимо на-

рушается равновѣсіе между разрушительною силою воды и сопротивленіемъ берега.

Наибо́льшее разрушеніе береговъ предшествуетъ самому полному разливу рѣки. Вода, еще невышедшая изъ береговъ, но уже значительно увеличившая свою скорость, врывается въ разрѣзъ берега, и тогда верхняя часть его, подмытая снизу, обваливается въ воду большими глыбами.

Глыбы эти, упавъ въ воду, образуютъ новые берега, въ другихъ мѣстахъ; вода, унося съ собою земляныя частицы, складываетъ ихъ на мѣсто, гдѣ на меньшей глубинѣ теченіе не имѣетъ достаточной силы, чтобъ увлекать эти частицы. Самыя крупныя изъ нихъ осаждаются первыми, мельчайшія несутся далѣе. Эта первая осадка служитъ основаніемъ новаго берега, который ежегодно ростетъ, послѣдовательнымъ прибавленіемъ новыхъ частицъ отъ береговъ, разрушаемыхъ выше. Такимъ образомъ теченіе возстановляетъ въ однихъ мѣстахъ то, что́ истребило въ другихъ, и *вообще измѣняетъ положеніе рѣчного ложа, или направленіе фарватера.*

Хотя бо́льшая часть песку, отрываемаго весною отъ береговъ, складывается, какъ мы сказали, въ видѣ новыхъ береговъ, но, однакожь, часть этого песку падаетъ и на самое дно рѣки и образуетъ такъ называемыя мели. Эти осадки песку на дно, происходя подъ вліяніемъ различныхъ причинъ и въ различное время года, принимаютъ на днѣ различныя положенія относительно берега и направленія фарватера, а потому и носятъ различныя наименованія, какъ-то: *перекаты*, *побочни* и проч.

Образованіе перекатовъ.

Первое объясненіе. Весною, при *недружномъ* вскрытіи Волги, т. е. когда ломаетъ ледъ въ верхней части рѣки прежде, нежели въ нижней, льдины несутся внизъ по теченію съ чрезвычайной быстротою, останавливаются у нетронувшагося еще льда, стѣсняются, забиваются внизъ подъ ледъ и такимъ образомъ составляютъ собою сплошную массу, или плотину изъ льда, отъ поверхности рѣки до самого дна. Ледяная плотина эта, называемая на волжскомъ нарѣчіи *заторомъ*, естественно препятствуетъ теченію, и потому рѣка, бросаясь въ ту или другую сторону, пролагаетъ себѣ новый путь, или фарватеръ, примывая къ оставшемуся затору несущіяся внизъ песчаныя частицы, илъ или *ярь* и другіе предметы, отчего и образуется мель.

Такая мель получаетъ различныя названія, смотря по ея положенію. Если она намывается въ положеніи болѣе или менѣе пер-

пендикулярномъ къ направленію фарватера, то называется *побочнемъ*. Когда съ двухъ противоположныхъ береговъ идутъ другъ къ другу на встрѣчу побочни и вершины ихъ, заносясь пескомъ, соединяются и образуютъ одну сплошную мель черезъ весь фарватеръ, то мель эта называется *перекатомъ*. Названіе это характеризуетъ теченіе воды въ этомъ мѣстѣ, ибо она здѣсь какъ будто перекатывается.

Второе объясненіе. Когда направленіе рѣки прямо и оба берега ея, по мягкости своего состава, легко подвергаются размыву во время весны, то въ этомъ мѣстѣ рѣка разливается шире обыкновеннаго, отчего скорость теченія уменьшается и песокъ, приносимый сверху, располагается здѣсь по всему дну рѣки, образуя мель, называемую на Волгѣ *розсыпью*.

Если рѣка образуетъ довольно крутыя колѣна и входящій берегъ (впалый) достаточно мягокъ, чтобы уступить разрушительному дѣйствію весенней воды, то этотъ берегъ размывается, а напротивъ того, песокъ, приносимый сверху, ложится у выходящаго берега и образуетъ такъ называемый *побочень*, который постепенно увеличивается въ ширину рѣки и оттѣсняетъ фарватеръ ко впалому берегу.

Когда за однимъ колѣномъ рѣки слѣдуетъ другое колѣно, имѣющее обратное направленіе, то нерѣдко песокъ, складываемый у выходящаго берега и образующій, какъ объяснено выше, побочень, несется еще далѣе, къ выходящему берегу другого колѣна, насыпаетъ тамъ новый побочень, разсыпается по пути отъ одного побочня къ другому и такимъ образомъ черезъ всю рѣку составляетъ песчаный порогъ, имѣющій наклонное къ фарватеру направленіе и называемый *перекатомъ*, потому что здѣсь вода какъ бы перекатывается черезъ песчаный наносъ, тогда какъ выше и ниже его вода имѣетъ тихое и ровное теченіе.

Которое же изъ этихъ объясненій ближе къ истинѣ? мы полагаемъ — первое, хотя, впрочемъ, нельзя допустить, что образованіе мелей на Волгѣ происходитъ только отъ однихъ *заторовъ*, какъ можно понимать изъ перваго объясненія.

Теперь постараемся объяснить прочія названія волжскихъ мелей. Уже выше сказали мы, что слово мель на Волгѣ не употребляется и замѣняется частными характеристическими названіями. Если *розсыпь*, или *песокъ*, образованіе котораго описано въ объясненіи переката, постепенно возвышаясь отъ прибавленія къ нему несущагося по фарватеру песку и илу, сравняется на срединѣ рѣки съ горизонтомъ воды, а къ обоимъ берегамъ образуетъ ложби-

ны, по которымъ устремится теченіе, то получатъ названіе *осередка*.

Другіе же, впрочемъ, полагаютъ, что осередокъ образуется не изъ розсыпи, а изъ побочня,—такимъ образомъ:

Иногда песокъ, приносимый рѣкою къ выходящему берегу рѣчного колѣна, складывается болѣе въ ширину рѣки, нежели близъ самого берега, и, достаточно возвысясь на срединѣ, оттѣсняетъ теченіе къ берегу и самъ отъ него отдѣляется ложбиною. Этотъ отдѣлившійся отъ берега побочень называется *осередкомъ*.

Послѣдовательные наносы песку весною возвышаютъ осередокъ надъ меженною водою и образуютъ островъ, который обыкновенно чрезъ нѣсколько времени покрывается ивовыми кустарниками и, въ такомъ случаѣ, получаетъ названіе *тальника*.

Подобное образованіе острововъ, столь обыкновенное на средней Волгѣ (*), происходитъ и на многихъ другихъ рѣкахъ, преимущественно же на Рейнѣ. Кромѣ того въ нижней части Волги осередки, а изъ нихъ острова, образуются и отъ другихъ причинъ, — напр.: потонувшее судно, дерево и другія препятствія, встрѣчаемыя пескомъ, несущимся по теченію, образуютъ песчаный наносъ, а потомъ осередокъ и островъ. Иногда существующій уже островъ способствуетъ складкѣ песку выше или ниже его и образованію новаго острова.

Тѣ же обстоятельства, которыя, какъ мы объяснили, способствуютъ образованію перекатовъ въ Верхней Волгѣ, производятъ иногда другія явленія въ нижней части этой рѣки; напримѣръ: въ верхней части Волги песокъ, складываясь у выходящаго берега одного колѣна, образовалъ бы перекатъ при переходѣ своемъ къ выходящему берегу другого колѣна. Въ Нижней же Волгѣ песокъ не переносится черезъ все русло рѣки, по причинѣ большой ширины ея, и только ложится нѣсколько ниже побочня выходящаго колѣна. Такимъ образомъ составляется *коса*, примыкающая однимъ концомъ къ берегу, а другимъ — внизъ по теченію, въ параллельномъ къ нему положеніи.

Когда послѣдовательнымъ наносомъ песку коса эта поднимется выше воды, то образуетъ *затонъ* (заливъ). Въ нижней части Волги

(*) Въ верхней Волгѣ вообще мало острововъ: отъ Твери до устья рѣки Мологи встрѣчается только 8 небольшихъ островковъ; далѣе, до Нижняго—38. Между Казанью и Царицынымъ считаютъ 126 острововъ. Ниже Царицына лежитъ большой, населенный и обработанный островъ Сарпинскій. Ниже этого острова Волга развѣтвляется на множество рукавовъ и образуетъ безчисленное множество острововъ. Кромѣ Сарпинскаго и Скоревскаго острововъ, всѣ прочіе не населены; большая часть изъ нихъ представляетъ хорошіе сѣнокосы.

такихъ затоновъ очень много. Они служатъ хорошимъ убѣжищемъ для судовъ во время прохода льда, особенно если коса ограничиваетъ затонъ выше горизонта воды, при которомъ обыкновенно проходитъ ледъ. Есть много затоновъ, которые свободно помѣщаютъ до ста большихъ судовъ.

Нерѣдко затоны совершенно заносятся пескомъ и такимъ образомъ составляютъ обширный побочень, иногда обращающійся въ основаніе новаго берега.

Иногда же затоны образуются чрезъ соединеніе, новымъ наносомъ песку, верхней части осередка съ берегомъ.

Всѣ эти измѣненія въ руслѣ и берегахъ Волги происходятъ во время весенняго полноводья. Но и въ меженномъ состояніи вода хотя слабо, зато постоянно, работаетъ надъ измѣненіемъ Волги. Такъ, проѣзжая по рѣкѣ въ лѣтнее время, мы не разъ замѣчали, что побочень, набросанный весною, постепенно отмывается меженною водою, и песокъ его несется далѣе, для образованія гдѣ нибудь новой мели.

Кромѣ этихъ небольшихъ передвиженій песку отъ одного побочня къ другому, происходящихъ въ межень, надобно полагать, что существуетъ еще постоянное движеніе песку по всему дну рѣки, въ особенности же на перекатахъ, гдѣ вода течетъ иногда съ быстротою, можетъ быть, бо́льшею 4—5 футовъ въ 1″, между тѣмъ какъ для увлеченія мелкаго песку достаточно скорости $^3/_4$ фута въ 1″. Дно перекатовъ составляется изъ весьма подвижнаго, или, по выраженію лоцмановъ, *жидкаго* песку. При пропзводствѣ промѣра, чувствительно, какъ песокъ отдѣляется и уносится теченіемъ, лишь только футштокъ или рейка коснулись дна.

Это передвиженіе песку по дну замѣчено на многихъ рѣкахъ и подтверждено опытами и наблюденіями. Подобное передвиженіе происходитъ весьма медленно. По опытамъ Дюбуа, мелкій песокъ проходитъ по дну рѣки отъ 2 до 15 верстъ (смотря по скорости теченія) въ продолженіе года.

Въ зимнее время также происходятъ нѣкоторыя преобразованія въ руслѣ Волги, но, впрочемъ, въ слабой степени и преимущественно на перекатахъ. Волга часто покрывается льдомъ при весьма низкомъ состояніи своего горизонта, и если къ тому зима довольно сурова, то нерѣдко на перекатахъ вода мѣстами промерзаетъ до самого дна. Въ этомъ состояніи вода ищетъ себѣ протока въ мѣстахъ менѣе промерзшихъ, скопляется въ мѣстахъ этихъ въ большомъ количествѣ, ростъ дно и такимъ образомъ измѣняетъ направ-

леніе главной струи. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, фарватеръ на иныхъ перекатахъ принимаетъ другое направленіе и дѣлаетъ иногда крутыя колѣна. Впрочемъ, характеръ самого переката оттого не измѣняется.

Изложивъ различныя мнѣнія объ измѣненіяхъ волжскихъ береговъ и образованіи мелей, мы предложили и собственныя свои заключенія съ тою только степенью достовѣрности, какую можно пріобрѣсть въ кратковременное изученіе этой обширной рѣки, при совершенномъ недостаткѣ предварительныхъ изслѣдованій. Впрочемъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Волга представляетъ слѣды большихъ, ежегодныхъ преобразованій и уноситъ внизъ теченіемъ огромное количество песку. Во многихъ мѣстахъ берега отрываются на значительномъ пространствѣ, въ другихъ насыпаются береговыя отмели (побочни), которыя иногда въ одинъ годъ выходятъ изъ меженной воды; открываются новые осередки; одни рукава рѣки совсѣмъ заносятся, въ другихъ, за годъ непроходимыхъ для челнока, открывается глубокій фарватеръ. Ниже города Самары, у такъ называемой кольцовой Воложки (малой Волги), все теченіе перенеслось съ одной стороны осередка на другую, въ какія нибудь пять лѣтъ. Еще разительнѣе перемѣны, совершившіяся въ болѣе продолжительное время. Юрьевецъ-Поволжскій и другіе города и селенія, находившіеся на самомъ берегу рѣки, теперь отдалены отъ него на значительное разстояніе. Развалины древняго города Булгаръ (столицы булгаровъ) лежатъ теперь на разстояніи около шести верстъ отъ Волги, между тѣмъ какъ прежде суда подходили къ самому городу.

Замѣчательно, однакожь, что въ этомъ огромномъ движеніи песку, производящемъ столь значительныя преобразованія въ берегахъ Волги, *главные перекаты ея почти не измѣняются какъ въ положеніи, такъ и въ глубинѣ своей.* Кромѣ единогласнаго подтвержденія этого всѣми живущими и служащими на Волгѣ лицами различнаго званія, доказательствомъ малой измѣняемости перекатовъ можетъ служить то обстоятельство, что перекаты носятъ одни и тѣ же названія съ незапамятныхъ временъ,—названія по именамъ селъ и урочищъ, близъ которыхъ и теперь находятся. Конечно, есть примѣры, что прежде существовавшіе перекаты исчезали, а съ тѣмъ вмѣстѣ появлялись новые, но число такихъ примѣровъ незначительно въ сравненіи съ числомъ всѣхъ перекатовъ.

Обстоятельство это внушаетъ вопросъ: нѣтъ ли возможности изучить характеръ измѣненія перекатовъ около тѣхъ же уро-

чищь (*), не существуетъ ли какой послѣдовательности, какого либо порядка въ этихъ измѣненіяхъ, нѣтъ ли возможности углубить эти постоянныя мели? (**)

Для рѣшенія этихъ вопросовъ нужны болѣе подробныя и многолѣтнія изслѣдованія волжскаго русла, чтобы открыть всѣ обстоятельства частныхъ измѣненій рѣки, отъ которыхъ зависитъ опредѣленіе характера общаго измѣненія въ волжскомъ руслѣ.

Во всякомъ случаѣ, эта неподвижность перекатовъ несравненно благопріятнѣе для судоходства, чѣмъ передвижныя мели, которыя могутъ причинить большія несчастія, ибо внезапное образованіе ихъ можетъ быть не замѣчено и самымъ внимательнымъ лоцманомъ.

Кромѣ многихъ песчаныхъ мелей и небольшого, сравнительно, числа каменныхъ грядъ, судоходство Нижней, но въ особенности Средней Волги, встрѣчаетъ еще немаловажное затрудненіе въ подводныхъ деревьяхъ, или *карчахъ*. Подводные камни, вѣроятно, частію скатываются съ береговъ, увлекаемые водою тающаго снѣга, частію же приносятся со льдомъ. Впрочемъ, число дѣйствительно опасныхъ для судовъ камней незначительно, и они легко могутъ быть вытащены, нѣкоторые цѣлыми, другіе по частямъ, если разрывать ихъ порохомъ.

Подводныя деревья приносятся или съ береговъ самой Волги, или, еще болѣе, съ притоковъ ея, особенно обильныхъ лѣсомъ, преимущественно же изъ Камы.

Во время весенняго разлива, когда многіе прибрежные лѣса затопляются водою, деревья отмываются отъ береговъ и, упадая въ воду, несутся теченіемъ на мѣсто, достаточно мелкое для того, чтобы комель дерева коснулся дна; тогда дерево останавливается, и въ скоромъ времени подошва его заноситъ иломъ и пескомъ, такъ что оно пріобрѣтаетъ большую устойчивость въ своемъ положеніи.

Въ западныхъ рѣкахъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки подобныя явленія весьма обыкновенны. Миссисипи и ея при-

(*) По увѣренію лоцмановъ, нѣкоторые перекаты отодвигаются весною на нѣсколько саженъ вверхъ или внизъ, растягиваются, сжимаются и проч. Вообще же среднее движеніе мели за нѣсколько лѣтъ = 0.

(**) По мнѣнію нѣкоторыхъ инженеровъ, необходимо, и *даже возможно*, безъ *большихъ* издержекъ углубленіе Волги только на нѣсколькихъ перекатахъ, въ особенности на перекатѣ *Телячій Бродъ*, въ 10 верстахъ ниже Нижняго, причиняющемъ много хлопотъ судамъ, идущимъ къ Нижегородской ярмаркѣ.

токи ежегодно увлекаютъ такимъ образомъ цѣлые лѣса (*), которые иногда вовсе заграждаютъ проходъ судамъ и всегда представляютъ величайшую опасность для пароходства. Тамъ ежегодно употребляютъ большія суммы для срубки на берегахъ деревьевъ, представляющихъ опасность быть снесенными теченіемъ, да кромѣ того во многихъ мѣстахъ постоянно работаютъ особымъ механизмомъ — snag-boat — для вытаскиванія деревъ изъ воды. Подобный же снарядъ употреблялся и у насъ при очисткѣ рѣки Куры отъ карчей, для будущаго пароходства по этой рѣкѣ, и нехудо бы употребить его въ дѣло и на Волгѣ, хотя, впрочемъ, число подводныхъ деревьевъ этой рѣки не только менѣе, чѣмъ на Миссисипи, но даже менѣе, чѣмъ на Курѣ и Ріонѣ (гдѣ также производится выемъ карчей, для пароходства отъ Редутъ-Кале до Кутаиса). Наибо́льшее число карчей на Волгѣ начинается отъ устья Камы до Астрахани.

Не только между прибрежными жителями Волги, но даже во всей Россіи, изустно и печатно высказалось убѣжденіе въ ежегодномъ обмелѣніи Волги, происходящемъ будто бы отъ истребленія лѣсовъ по берегамъ ея. Въ 1837 г. назначена была, по Высочайшему повелѣнію, Коммиссія для изслѣдованія этого важнаго вопроса и для изысканія предохранительныхъ противъ этого мѣръ. Коммиссія признала дѣйствительность обмелѣнія, вслѣдствіе чего были пред-

(*) «Рѣка эта (Миссисипи) — говоритъ Шатобріанъ, въ «Атала»—протекая болѣе тысячи миль, орошаетъ прелестную страну, называемую жителями Соединенныхъ Штатовъ *Новымъ Эдемомъ*, и которой французы дали милое имя *Луизіаны*. Много другихъ рѣкъ впадаетъ въ Миссисипи: Миссури, Иллинойсъ, Аканза, Огіо и другія улобряютъ страну эту своимъ иломъ и оплодотворяютъ своими водами. Когда всѣ эти рѣки наполняются снѣжными потоками, когда бури разрушатъ цѣлые лѣса, тогда весна собираетъ на всѣхъ потокахъ своихъ множество деревъ, вырванныхъ съ корнями. Она соединяетъ ихъ ліанами, скрѣпляетъ ихъ тиною, садитъ на нихъ молодые кусты и пускаетъ на волны. Носимые пѣнящимися волнами, плоты эти спускаются со всѣхъ сторонъ по Миссисипи. Старая рѣка овладѣваетъ ими и гонитъ ихъ къ своему устью, гдѣ образуетъ новый рукавъ. По временамъ она возвышаетъ свой громкій голосъ, проходи подъ горами; она разливаетъ свои свободныя волны вокругъ огромныхъ лѣсовъ и вокругъ пирамидальныхъ индѣйскихъ могилъ. Это—Нилъ пустыни. Но прелесть всегда соединена съ величіемъ въ явленіяхъ природы, и въ то время, какъ средній потокъ увлекаетъ въ море трупы сосенъ и дубовъ, въ двухъ боковыхъ потокахъ опускаются вдоль береговъ плавучіе острова, образуемые листіей (pistia) и кувшинчиками (nenufar), желтыя розы которыхъ возвышаются подобно маленькимъ шатрамъ. Зеленыя змѣи, голубыя цапли, молодые крокодилы садятся мимоходомъ на эти цвѣточные корабли, и они, развернувъ на вѣтрѣ свои золотые паруса, словно очарованные, пристаютъ гдѣ нибудь въ отдаленной бухтѣ рѣки.»

ложены нѣкоторыя мѣры, состоящія бо́льшею частію въ запрещеніи рубить лѣсъ на разстояніи 15 верстъ по берегамъ Верхней Волги, до устья Оки, и 7 верстъ по берегамъ ея притоковъ.

Дѣло это потомъ перешло на разсмотрѣніе Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ. Здѣсь возродилось сомнѣніе въ вѣрности заключенія первой Коммиссіи, и по этому поводу предложено было, отъ г. Министра Государственныхъ Имуществъ, С.-Петербургской Академіи Наукъ рѣшить въ общемъ видѣ вопросъ о томъ, до какой степени истребленіе лѣсовъ можетъ имѣть вліяніе на состояніе водъ въ рѣкахъ. Вопросъ этотъ обсуживала особая Коммиссія, состоявшая изъ шести членовъ Академіи, и между прочимъ сдѣлался предметомъ ученой диссертаціи академика Паррота. Не находя достаточно данныхъ для основательнаго примѣненія общихъ заключеній г. Паррота къ Волгѣ, Коммиссія Академіи предложила дѣлать въ различныхъ пунктахъ Волги вѣрныя наблюденія гигрометрическія и также наблюденія надъ измѣняемостью горизонта воды. Съ этою цѣлію, въ 1840 году, былъ посланъ на Волгу академикъ Кеппенъ, какъ для назначенія пунктовъ наблюденій, такъ и для собранія различныхъ свѣдѣній, преимущественно относящихся до дѣйствительной степени истребляемости лѣсовъ на Волгѣ. Свѣдѣнія, собранныя г. Кеппеномъ и напечатанныя въ 1841 году, очень любопытны.

Говоря вообще, истребленіе лѣсовъ въ бассейнахъ рѣкъ не можетъ имѣть большого вліянія на среднее количество водъ, вытекающихъ изъ нихъ. Вліяніе это можетъ быть сильно только въ климатахъ жаркихъ и дождливыхъ; но въ сѣверныхъ широтахъ, гдѣ протекаетъ бо́льшая часть Верхней Волги, вліяніе это весьма незначительно. Одно неоспоримое вліяніе истребленія лѣсовъ на состояніе водъ въ нашихъ рѣкахъ состоитъ въ томъ, что таяніе снѣговъ по берегамъ дѣлается быстрѣе, отчего весенніе разливы значительно увеличиваются, но съ тѣмъ вмѣстѣ бываютъ кратковременнѣе. Очевидно, это происходитъ оттого, что въ лѣсахъ снѣгъ, нѣсколько закрытый отъ лучей солнца, таетъ медленнѣе, чѣмъ въ открытыхъ мѣстахъ.

На берегахъ Волги и притоковъ ея лѣса истреблены вовсе не въ столь большомъ количествѣ, какъ полагаютъ. Напротивъ того, по изслѣдованіямъ г. Кеппена, оказывается, что весь бассейнъ Верхней Волги до Нижняго, и даже до Казани, можетъ быть разсматриваемъ какъ страна весьма богатая лѣсомъ, а именно 38,02% всей площади покрыты лѣсомъ.

По сравненію съ другими государствами Европы, страна, имѣющая до 25% лѣса на своей площади, можетъ назваться богатою лѣсомъ. (*)

Но, принимая въ разсужденіе болѣе суровый климатъ Россіи и бо́льшую медленность въ растительности лѣса, увеличимъ это число въ полтора раза, мы получимъ еще нѣсколько менѣе того, сколько, по самому уменьшенному разсчету, заключаютъ лѣсу приволжскіе уѣзды до Нижняго Новгорода.

Сколько намъ извѣстно, нѣтъ никакихъ фактовъ, непосредственно доказывающихъ обмелѣніе Волги. Напротивъ того, нѣкоторыя архивныя свѣдѣнія объясняютъ, что, по крайней мѣрѣ въ послѣднія 80—90 лѣтъ, если рѣка и измѣнила свой горизонтъ, то весьма нечувствительно. Такъ, въ 1759 году былъ изданъ указъ, которымъ запрещалось грузить суда болѣе 16—17 вершковъ въ лѣтнее время. Послѣдній предѣлъ и теперь наблюдается для Верхней Волги отъ Твери до Рыбинска, гдѣ рѣка имѣетъ наименьшую глубину.

Весьма многіе прибрежные жители основываютъ заключеніе объ обмелѣніи Волги на томъ только, что даже на ихъ памяти рѣка обмелѣла въ извѣстныхъ мѣстахъ, т. е., что, напримѣръ, порожнія суда уже едва могутъ подходить къ тѣмъ пристанямъ, гдѣ прежде они свободно останавливались съ полнымъ грузомъ. Но они смѣшиваютъ два совершенно различныя явленія, принимая за общее обмелѣніе рѣки то, что̀ только доказываетъ мѣстное измѣненіе въ ея ложѣ. Какой предѣлъ обмелѣнія Волги назначатъ они, принявъ на видъ, что развалины древняго города Булгаръ, у котораго приставали бо́льшія суда, теперь отстоятъ отъ Волги на нѣсколько верстъ?

Кончимъ наши переѣзды по Волгѣ желаніемъ полнаго благоденствія ея пароходству, добросовѣстной и успѣшной работы ея ученымъ изслѣдователямъ.

(*) Слѣдуя Кеппену, основывающемуся на сочиненіи г. Пфейля, слѣдующія части всей площади различныхъ государствъ покрыты лѣсомъ: въ Даніи—0,02; Англіи—0,043; Шотландіи — 0,05; Франціи — 0,09; Магдебургѣ — 0,1; датскихъ островахъ—0,12; Бельгіи—0,135; Сардиніи—0,2; Курмаркѣ—0,22; Зальцбургѣ—0,23; Силезіи—0,24; Пруссіи—0,24; Швеціи—0,25; Богеміи—0,28; Польшѣ—0,29; Баваріи — 0,294; рейнскихъ провинціяхъ Пруссіи — 0,3; Венгріи — 0,33; Галиціи—0,33; Брауншвейгѣ—0,34; Нассау—0,41; великомъ герцогствѣ Баденъ — 0,43.

II.

ПО СТЕПИ.

Царицынъ. — Развитіе Дубовки. — Историческіе памятники и воспоминанія. — Степная пустыня. — Сарепта. — Жизнь степей. — Переселенцы. — Плодородіе степныхъ оазисовъ.—Села и хутора осѣдлыхъ жителей степи. — Соляныя рѣки и озера и недостатокъ въ пресной водѣ. — Встрѣча съ конныхъ трухменомъ и его семействомъ. — Атара (стадо барановъ) и ея пастухи. — Буря. — Ночлегъ въ трухменской кибиткѣ и нѣкоторыя черты изъ жизни трухменъ.

Никогда Царицынъ не процвѣталъ особенно, а теперь особенно служитъ ему помѣхою его тороватая сосѣдка Дубовка, торгующая съ Астраханью и съ Дономъ, по конно-желѣзной дорогѣ (*). Въ настоящее время остались на долю Царицына только *историческіе* воспоминанія и памятники, нѣсколько каменныхъ церквей и домовъ, славныхъ своею древностью, да валъ Іоаннаго Грознаго.

Нанявъ поселеннаго царицынскаго казака везти насъ на тройкѣ черезъ калмыцкія и трухменскія степи до Пятигорска, мы отправились въ путь.

Бѣловатая известковая почва, рѣдкая трава, опаленная солнцемъ, —все гладко и мертво; словомъ, совершенная пустыня. Только изрѣд-

(*) «Между Камышинымъ и Царицынымъ Волга приближается на весьма близкое разстояніе къ Дону. Обѣ рѣки образуютъ самый замѣчательный волокъ Южной Россіи, и не разъ рождалась мысль о соединеніи каналами двухъ великихъ рѣчныхъ системъ. Остатки предпринятыхъ каналовъ видны до сихъ поръ еще около Камышина. Немедленно послѣ взятія Азова, въ 1696 г., Петръ Великій начертилъ планъ къ соединенію Волги съ Дономъ. Войны и другіе болѣе важные проэкты помѣшали ему исполнить задуманную мысль; но она не оставляла ни его, ни его преемниковъ. Колебались только, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ волокъ представляетъ наиболѣе удобства къ соединенію. Екатерина II поручила это изслѣдовать и начать каналъ; но война опять помѣшала исполненію.... Работы возобновились впослѣдствіи, но не привели ни къ какимъ результатамъ и были оставлены. Еще недавно перевозка товаровъ (отправляемыхъ черезъ волокъ на пять милліоновъ ассигнаціями) производилась, быть можетъ, единственнымъ въ свѣтѣ способомъ. Цѣлыя суда, поднимавшія отъ двухъ до пяти тысячъ пудовъ клади, становились на толстыя дубовыя кадки, замѣнявшія колеса... Ко дну судна и къ осямъ прикрѣплялся канатъ, а къ нему припрягали отъ десяти до двадцати паръ воловъ, которые привозили судно съ Волги къ Качалинской пристани на Дону въ шесть дней. Неудобства и дороговизна такого рода перевозки и безуспѣшныя попытки къ водному соединенію Дона съ Волгой были причиною образованія компаніи для устройства между Качалинской станціей на Дону и Дубовкой на Волгѣ конно-желѣзной дороги, которая открыта въ 1846 году.»

(Бабстъ—«Рѣч. об. Волги».)

ка мелькаютъ вдали калмыцкія кибитки или проѣдетъ плосколицый калмыкъ. Казакъ нашъ при каждой такой встрѣчѣ не утерпитъ и скажетъ:

— Ишь, конокрадъ.

Уже стемнѣло.

«Тихо ночью по степи,—
Небо ей сказало: спи!
И долина спитъ!»

Только тысячи насѣкомыхъ жужжатъ въ сухой травѣ.... Темна и таинственна ночь.... Изрѣдка проглянетъ луна, освѣтитъ море степи и снова спрячется.... Медленно тащится тройка; ямщикъ дремлетъ... Мы утомлены однообразіемъ пути, съ тоскою смотримъ въ даль—и вдругъ въѣзжаемъ въ Сарепту!...

Случалось ли вамъ побывать въ тѣхъ чистенькихъ, чопорныхъ городкахъ сѣверной Европы, гдѣ все такъ тихо, скромно, аккуратно?... Фасады домовъ вычищены, вымыты; порой вьется по нимъ широколиственный плющъ или другая ползучая зелень; въ широкія, низкія окна, съ мелкими стеклами, смотритъ миловидная хозяйка; она выходитъ изъ дому лишь столько разъ, сколько это прилично: иначе замѣтятъ сосѣди и осудятъ. Тамъ все размѣрено: и чувства и дѣйствія; тамъ сердца дочерей всегда бьютъ въ одинъ тактъ съ разсчетами маменекъ; тамъ жены всегда вѣрны мужьямъ своимъ; мужья всегда трудолюбивы, нѣжны по возможности и забываютъ трезвость только по праздникамъ. Золотое мѣсто!

Ивотъ мы въѣхали вътакое же убѣжище... Блѣдный свѣтъ луны отражается отъ бѣлыхъ стѣнъ домовъ и бросаетъ длинныя тѣни отъ высокихъ ракитъ и тополей, которые, въ строгомъ порядкѣ, разсажены по улицѣ и площади и подъ самыми окнами домовъ. Всѣ дома съ загнутыми спереди крышами. Впечатлѣніе ихъ мирно и отрадно. Южная ли ночь съ своимъ теплымъ воздухомъ, степь ли, только что оставленная съ своею пустынностью и вдругъ смѣненная оазисомъ, романтическія ли ворота, съ высокою рѣшоткою, узенькою калиткою и промелькнувшею въ нихъ пухленькою служанкою, или все это вмѣстѣ такъ сладко заговорило душѣ при въѣздѣ въ Сарепту?...

Наконецъ отворились и высокія ворота гостинницы. Нашъ возница-казакъ пустился въ пріятельскую полемику съ нѣмцемъ, поддразнивая его колбасникомъ. Опрятная комната, кипящій самоваръ, чистая постель, улыбающаяся Минхенъ; подъ окномъ журчаніе ключа, шопотъ серебристаго, стройнаго тополя съ печальною ивою....

Съ ранняго утра поднялась въ колоніи дѣятельность. Кто приготовлялъ табакъ, кто горчицу, кто пекъ баварскіе пряники, гамбургскія пирожныя.... Чего здѣсь нѣтъ? И булочныя, и кондитерскія, и магазины, и фабрики... веселыя, затянутыя и приглаженныя нѣмочки, сморчкообразные нѣмцы, плосколицые калмыки и калмычки въ пестрыхъ одеждахъ, бараньихъ шапкахъ и уродливыхъ башмакахъ съ высокими каблуками....

А тамъ снова потянулась степь печальною пустынею; только изрѣдка мелькнетъ кавалькада верховыхъ калмыковъ да пронесется стадо журавлей, вспорхнутъ чайки и подорожники, встрепенется перепелъ, приподнимутся дрофы, голуби, ястреба. Порой переползетъ черезъ дорогу змѣя, оставляя на пескѣ извилистый слѣдъ свой, пронесется быстрая сайга, да, полинялые и некрасивые лѣтомъ, верблюды поднимутъ вверхъ свои изогнутыя шеи. Иногда протянется длинный обозъ чумаковъ или переселенцевъ, ѣдущихъ на волахъ изъ Курской, Воронежской и Таврической губерній—засѣлять степи, водворятъ въ нихъ земледѣліе, осѣдлость. На возахъ навалена домашняя дребедень: посуда, скамьи, ведра, кадки, и переселенцы тащатся длинной вереницей, усталые, грустные, съ тоскою по родинѣ. Много испытали они горя въ этомъ долгомъ пути и много еще испытаютъ и стужи и нужи, обзаводясь вновь хозяйствомъ, устроивая хату, разводя домашнюю живность, разпахивая полосу. Но мало по малу грусть по родинѣ ослабѣваетъ, выростаетъ бѣлая хатка, цвѣтутъ полосы пшена и пшеницы, огромныхъ бакшей съ огурцами и арбузами, и поселянинъ мирится съ своимъ положеніемъ. Земля калмыцкихъ и трухменскихъ степей съ избыткомъ вознаграждаетъ трудъ земледѣльца; одно худо: воды мало. Но тамъ, гдѣ протекаетъ какая либо рѣчка или просто ручей, плодородные овраги и склоны береговъ, засѣянные пшеномъ, пшеницею, коноплей, представляютъ живой ландшафтъ, дышащій свѣжестью. На этихъ оазисахъ произростаетъ хлѣбъ почти безъ участія, безъ труда земледѣльца: стоитъ бросить зерно на землю, оно возростетъ сторицею и два-три года дастъ обильную жатву.... Одно опять непріятно: сосѣдство съ калмыками, которые очень падки до чужихъ лошадей.

Сѣверная часть астраханскихъ степей (кочевье калмыковъ) плодородна только мѣстами, именно тамъ, гдѣ, какъ мы сказали, протекаетъ какой либо ручей; остальныя пространства пусты и безжизненны; но чѣмъ болѣе подвигаешься къ югу, во внутрь степей, тѣмъ они становятся волнистѣе и плодороднѣе. Но случись засуха, и эти степи ничего не дадутъ.

На разстояніи двадцати-тридцати верстъ встрѣчали мы село или хуторъ новыхъ обитателей степи. Есть селенія великорусскія, малороссійскія и смѣшанныя. Бо́льшая часть русскихъ мужиковъ живетъ на малороссійскій ладъ; но все же есть разница между бытомъ русскаго и малоросса: послѣдній живетъ чище, лучше. Вліяніе великорусса на малороссіянина выражается здѣсь тѣмъ, что послѣдній носитъ бороду, а дивчата поютъ иногда и русскую пѣсню.

Деревни степей выстроены широко, правильно; дворы обнесены бѣлою стѣной, съ ажурными украшеніями; въ полисадникахъ, предъ бѣлыми же хатами—подсолнечники и разные плодовые кустарники. Но многіе поселенцы живутъ еще въ землянкахъ и не успѣли устроиться.

Жарко и нечѣмъ утолить жажду. Но вотъ рѣка... какое благодѣяніе!

— Подъѣзжай ближе, казакъ: мы напьемся.

Казакъ улыбается и качаетъ головою.

Фуй! горько-соленая вода! Вотъ озеро. Какъ прпвлекаетъ оно наши взоры своею свѣтло-голубою поверхностью! Такъ бы и бросился въ его воды, упился бы ими. Но—увы!—и это вязкій солончакъ! И только какая-то лужа, искусственно поддерживаемая чумаками, въ ложѣ пересохшей прѣсной канавки, утолила жажду нашу — послѣ воловъ и лошадей. Изъ этой же мутно-красноватой воды приготовили чай мои спутники. Но я не могъ принять участія въ ихъ наслажденіи.

Уже за нами кочевья калмыковъ; мы въѣзжаемъ въ трухменскія степи, менѣе пустынныя, болѣе волнующіяся. На необъятномъ для взора пространствѣ стоятъ стоги скошенной травы. Порою мелькнутъ малороссійскій хуторъ, русская деревня; вдали отъ дороги раскинется черный рядъ трухменскихъ кибитокъ, а еще далѣе кочуетъ огромное стадо барановъ. Конный трухменъ, въ буркѣ и бараньей шапкѣ, сопровождаетъ арбу на скрыпучихъ колесахъ, покрытую коврами и рогожами. Арбу тащатъ два вола, погоняемые женщиною въ синихъ шальварахъ, красномъ бешметѣ, съ серьгою въ ноздрѣ. Изъ арбы выглядываютъ двѣ молодыя женщины, закутанныя въ чадры. При встрѣчѣ съ нами, трухменъ приказываетъ арбѣ круто поворотить съ дороги, чтобъ избѣжать любопытныхъ взоровъ, и женщины закрываютъ лицо чадрами.

Мы расположились кормить лошадей въ степи, возлѣ огромнаго обоза чумаковъ, остановившихся здѣсь для той же цѣли. Въ сторонѣ паслась атара (стадо) барановъ, пригнанная сюда верстъ за двадцать-пять, двумя конными трухменскими пастухами. Двое другихъ трухменовъ пріѣхали въ арбѣ. Вся степь покрылась людьми, бара-

нами, волами, лошадьми. Чумаки собрались въ кучки, развели огни, заварили саламату. Мы поставили самоваръ.

Возлѣ насъ безъ церемоніи усѣлись, на корточкахъ, два трухмена ; ихъ обнаженныя руки , ноги и грудь были совершенно бронзоваго цвѣта. Голова одного изъ нихъ, совершенно выбритая и непокрытая, украшалась длиннымъ чубомъ , завитымъ за ухо; другой былъ въ бараньей шапкѣ. На спинѣ ихъ бешметовъ нашиты были изъ яркаго цвѣта тряпокъ талисманы — защитники отъ злого духа. Съ удивленіемъ посматривали трухмены на складной самоваръ, сладко облизывались кусая сахаръ и приходили въ дикій восторгъ отъ любезности моего товарища, который, на ломаномъ татарскомъ языкѣ, отпускалъ сообразныя съ ихъ вкусомъ шуточки насчетъ *газелей* (дѣвушекъ). Скоро короткость знакомства дошла до того, что старшій трухменъ сказалъ : «у насъ нѣтъ муки , нѣтъ сыръ , нѣтъ табакъ. Кибитка тамъ , далеко ; дай, бачка, мука, дай сыръ, дай табакъ.» Дѣлать нечего : мы отдали послѣднее.

Вдругъ взвилась пыль по дорогѣ. «Ну, чортова свадьба!» сказалъ казакъ и бросился къ лошадямъ , которыя фыркали и уже готовы были дать тягу. Мигомъ поднялись трухмены, вскочили на лошадей и понеслись къ стаду, которое бросилось въ разныя стороны. Поднялись и волы и наконецъ чумаки , и степь , до того молчаливая и недвижная, огласилась гикомъ, свистомъ и лаемъ. Вѣтеръ поднималъ до небесъ пыль столбомъ, несъ и крутилъ ее по степи. Черное облако остановилось надъ нами , и цѣлое море дождя обрушилось на наши головы.

Ночь застигла насъ далеко отъ селенія, и мы остановились у трухменскихъ юртъ, расположенныхъ полу-кругомъ около дороги. Казакъ отправился отъискивать ночлегъ , и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ къ намъ мулла, въ бараньей шубѣ и такой же шапкѣ и съ четками въ рукахъ. Глаза муллы метали искры. На просьбу нашу дать ночлегъ больному нашему спутнику, мулла отвѣчалъ , что онъ уступаетъ намъ юрту, въ которой были телята и куры. И за то спасибо !

Вскорѣ телята и куры уступили свое мѣсто путешественникамъ, и мулла, сдѣлавшись благосклоннѣе за нѣсколько кусковъ сахару, данныхъ его сыну, пригласилъ насъ въ свою кибитку.

Можете ли вы, читатель, представить себѣ удовольствіе быть перенесеннымъ изъ города въ степь , изъ европейскаго дома въ жалкую юрту дикаря ? Повѣрьте, здѣсь много удовольствія ! Вообразите себѣ круглый шалашъ, обтянутый войлокомъ, вверху маленькое отверстіе , въ которое проходитъ дымъ отъ костра , разложеннаго по срединѣ юрты. Вокругъ костра, на грязной землѣ или рогожѣ, распо-

ложились полу-нагіе калмыки и калмычки, старые и малые, и ваши покорнѣйшіе слуги. Смотришь и не вѣришь себѣ: неужели я въ самомъ дѣлѣ здѣсь, среди дикарей, когда нѣсколько мѣсяцевъ назадъ былъ на Невскомъ, въ Оперѣ?

Дымъ ѣстъ глаза; ноги чувствуютъ сырость земли, увлаженной частыми омовеніями муллы, по закону Магомета; сидѣнье на корточкахъ или скрестивъ ноги не совсѣмъ удобно съ непривычки; любопытство калмыковъ доходитъ уже до крайнихъ предѣловъ. Все это безпокойно, но любопытно и необыкновенно для насъ.

Вскорѣ вся юрта наполнилась народомъ. Съ тупымъ удивленіемъ разсматривали трухмены наше платье, подушки, до всего касались руками, пробовали чай и облизывались. Мы, съ своей стороны, тоже съ любопытствомъ разсматривали ихъ и усердно надѣляли кого чаемъ и сахаромъ, кого кое чѣмъ покрѣпче. Общество было нами довольно.

Мальчики и дѣвочки, почти обнаженные, но въ огромныхъ бараньихъ шапкахъ, протягивали ноги къ огню, ползали вокругъ него безъ всякой осторожности и тоже смотрѣли на насъ своими черными, яркими глазами. Въ особенности былъ хорошъ сынъ муллы — мальчикъ лѣтъ шести или семи, чрезвычайно живой, съ умными, огневыми глазенками. Годовая дѣвочка, въ бараньей шапкѣ, безъ принужденія перешла съ рукъ своей матери на руки нашей спутницы, и мать, калмычка, казалось, очень была этимъ довольна; но вошедшій мужчина, вѣроятно, отецъ дѣвочки, поднялъ страшный шумъ: зачѣмъ отдали гяурамъ его дитя!

Начались угощенія со стороны калмыковъ. Хозяйка заварила на огнѣ, изъ прѣснаго теста, лепешку, сварила жидкую пшенную кашу, и уже мы готовы были сѣсть да и ужинать, какъ начался *намазъ*.

Мулла подослалъ подъ себя рогожу, всталъ, опустилъ руки и забормоталъ, потомъ присѣлъ на корточки и наконецъ растянулся по землѣ. Пролежавъ съ полъ-минуты, онъ всталъ, снова присѣлъ на корточки, развелъ кистями рукъ, отмахнулся и, повторивъ все это нѣсколько разъ, окончилъ молитву.

Во время намаза сынъ муллы теребилъ отца за руки и за платье; но мулла вполнѣ сохранялъ свое достоинство, не обращая никакого вниманія на шалуна. Прежде и послѣ намаза мулла обмывалъ, или, правильнѣе, пачкалъ въ грязной водѣ и безъ того грязныя свои руки и ноги, и струи этой влаги полились по юртѣ и заставили насъ наконецъ изъ нея удалиться. Передъ юртами толпились женщины, въ бѣлыхъ чадрахъ и дѣти въ разодранныхъ красныхъ рубашенкахъ. Смазливая калмычка прыгала по бревну, положенному срединой на другое бревно. Мы подошли ближе и узнали, что дѣвушка толкла

пшено. Другой женщинѣ не понравилось наше любопытство, и она принялась кричать что есть мочи. Мы удалились.

Мальчишки ловили другъ друга въ арканъ. Мой спутникъ присоединился къ нимъ, почти всѣхъ ихъ переловилъ арканомъ и тѣмъ внушилъ большое къ себѣ уваженіе со стороны зрителей и побѣжденныхъ.

Молодыя женщины, въ довольно живописныхъ бешметахъ, украшенныхъ серебряными бляхами и монетами, толпились около нашей спутницы и осматривали ея шолковое платье. Съ нашимъ приближеніемъ онѣ быстро удалялись, бросая назадъ бѣглые взгляды яркихъ глазъ. Но съ наступленіемъ ночи онѣ сдѣлались смѣлѣе, и любезность моего спутника окончательно ихъ успокоила.

Предъ тѣмъ, какъ ложиться спать, мулла опять сотворилъ намазъ, но уже не на цыновкѣ, а на тюфякѣ. Вскорѣ юрту оставили посторонніе посѣтители.

Когда все успокоилось, я взялъ дорожную книгу и сталъ наскоро набрасывать одежду и жилище трухменъ. Мулла слѣдилъ за движеніемъ моей руки и потомъ, указавъ на меня, спросилъ моего спутника:

— Это мулла?

Спутникъ отвѣчалъ утвердительно.

— А гдѣ ваша кибитка?

— Въ Питерѣ.

— Гдѣ падишахъ живетъ?

— Да.

Когда мы вышли изъ кибитки, чтобы лечь на открытомъ воздухѣ, и оставили тамъ больного спутника, мулла долго разспрашивалъ его о городѣ падишаха и потомъ сказалъ:

— А гдѣ твои спать легли?

— Въ повозкѣ.

— Гм....

— А что?

— Отчего же ты не въ повозкѣ?

— Я болѣнъ. А развѣ я тебѣ мѣшаю?

— Гм....

— Если я мѣшаю тебѣ, такъ сейчасъ уйду.

— Гм....

И бѣдный больной всталъ, собралъ свои подушки и уже готовъ былъ уйти изъ кибитки.

— Куда, бачка? стой! говорилъ мулла.

Больной перепугался и сталъ кричать, звать насъ на помощь. А все дѣло было въ томъ, что мулла не понималъ своего соночлежника.

В. МЕЛЬНИЦКІЙ.

ПЕРЕѢЗДЫ ПО РОССІИ ВЪ 1852 ГОДУ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

III.

ЧЕРЕЗЪ ГОРЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Видъ горъ изъ степи. — Рѣка Кума — граница степной и кавказской растительности. — Георгіевскъ; армяне и черкесы; знакомство съ горцами. — Пятигорская долина. — Воспоминаніе о «Героѣ нашего времени». — Красота Пятигорска и улучшенія, сдѣланныя въ немъ въ послѣднее время. — Статуи и надписи. — Гуляньо на бульварѣ. — Репетиція на свободѣ. — Домъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ. — Театръ. — Балъ. — Подъемъ на Машукъ. — Современный, назидательный видъ. — Поѣздка въ Желѣзноводскъ и Кисловодскъ.—Направленіе и безопасность Военно-Грузинской дороги. — Развалины минарета. — Владикавказская долина. — Казбекъ.

На десятый день нашего путешествія по степи, передъ захожденіемъ солнца, мы увидѣли на горизонтѣ темныя громады.

— Кавказъ!

— Эльбрусъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! Казбекъ! съ восторгомъ восклицали и спорили мы, устремляя взгляды на далекія горы.

На другой день, утромъ часовъ въ шесть, увидѣли мы всю цѣпь снѣговыхъ вершинъ, сливающихся съ облаками, —

И между нихъ, прорѣзавъ тучи,
Стоялъ всѣхъ выше головой
Казбекъ, Кавказа царь могучій,
Въ чалмѣ и ризѣ парчевой.

Видимая высота всей цѣпи, открывшейся предъ нами слишкомъ за сто верстъ и стоящей на горизонтѣ гигантскою стѣною, возбуж-

дала сомнѣніе: дѣйствительно ли это горы? не облака ли это? Вчера показавшаяся гора Бештау и принятая нами за Казбекъ — простой холмъ въ сравненіи со всею цѣпью снѣговыхъ горъ, которыя служатъ только подножіемъ Эльбрусу, — и все это такъ ясно, такъ близко кажется!

Черезъ нѣсколько минутъ, бѣлая шапка Эльбруса, а потомъ и вся цѣпь горъ покрылись облакомъ и спрятались въ туманѣ утра. Съ тѣхъ поръ мы не видали болѣе всей цѣпи Кавказа, даже въ Пятигорскѣ, потому что на небосклонѣ постоянно носились облака.

Переѣхавъ рѣку Куму, мы очутились въ другомъ мірѣ. Горная рѣка быстро мчитъ свои возмущенныя воды по улыбающейся, цвѣтущей лощинѣ. Какая рѣзкая противоположность! Сзади насъ — ровное и только къ самому Кавказу нѣсколько взволнованное море степи, безводная, безлѣсная пустыня, а впереди — все богатство южной природы! Кусты черешней обвиты цвѣтущей ліаной, душистымъ плющемъ; серебристые тополи и другія деревья неизвѣстныхъ мнѣ породъ, съ чудно красивыми листьями, увѣшаны гроздіями дикаго винограда. И все это сплелось и перепуталось въ самыя фантастическія и капризныя формы.

Кругомъ «цвѣтутъ роскошныя станицы», утонувшія въ зелени садовъ, спускающихся къ быстрымъ водамъ Кумы. Плакучія ивы грустно склонились надъ рѣкой и какъ бы просятъ ее остановиться, разлить свои волны на жаркую грудь земли. Но гордая рѣка быстро несется въ даль, нигдѣ не встрѣчая преграды своей вольной струѣ. Ни мосты, ни плотины не устоятъ на ней. Только смѣлый казакъ, въ мохнатой шапкѣ, отважно переплываетъ рѣку на своей бодрой лошадкѣ, а наша тройка, фыркая и пятясь, недовѣрчиво ступаетъ въ воду. Быстрое теченіе едва не уноситъ насъ съ собою; но, послѣ упорной борьбы, мы наконецъ выплываемъ на другой берегъ и въѣзжаемъ въ Георгіевскъ.

Это — небольшой городокъ, съ крѣпостью, заложенною въ 1773 году. Подъ широко-лиственными тополями и акаціями прячутся фасады небольшихъ домовъ, выстроенныхъ правильными улицами. У отворенныхъ дверей лавокъ сидятъ красивые купцы-армяне, опустивъ до пятъ разрѣзанные рукава своихъ бешметовъ или закинувъ ихъ на плечи. Черкесы различныхъ племенъ и возрастовъ, въ разноцвѣтныхъ чухахъ, въ черныхъ и бѣлыхъ папахахъ, съ кинжалами за поясомъ и винтовками за спиной, конные и пѣшіе, толкутся на базарѣ или праздно бродятъ по улицамъ. Другіе тащатся на арбахъ, лѣниво покрикивая на своихъ измученныхъ воловъ.

По пріѣздѣ въ городъ, мы отправились гулять. Черкесъ офицеръ, верхомъ на красивомъ конѣ, сопровождаемый другимъ всадникомъ, ловко завязалъ съ нами разговоръ и между прочимъ спросилъ:

— Вы откуда?

— Изъ Петербурга.

— Веселый городъ Петербургъ!... Я жилъ въ немъ два года.... Хорошій городъ!

— Хороши и ваши горы! отвѣчалъ я.

Черкесъ самодовольно улыбнулся.

— Да, сказалъ онъ: — это правда. Есть чѣмъ полюбоваться! Зато у насъ нѣтъ такихъ домовъ, какъ въ Петербургѣ.... Очень пріятно съ вами познакомиться.... Жаль только, что ѣду домой.

— А гдѣ вы живете?

— А вонъ тамъ, отвѣчалъ всадникъ, медленно поднимая руку по направленію къ Эльбрусу.

И въ этомъ движеніи такъ много было гордой граціи.

— Пріѣзжайте къ намъ, продолжалъ онъ: — на праздникъ *байранъ*. Вы увидите и нашихъ жонъ и наши игры.

И онъ раскланялся.

Проходя далѣе, мы встрѣтились съ другимъ горцемъ, который предложилъ намъ свои услуги, какъ людямъ небывалымъ въ здѣшнемъ краю. Сгоряча мы завалили его порученіями: кто просилъ купить кинжалъ, кто сѣдло, кто *чевяки* (*) и *мови* (**). Черкесъ тотчасъ исполнилъ нѣкоторыя изъ нашихъ желаній, а другія вещи обѣщалъ привезти къ намъ въ Пятигорскъ. Любезность и услужливость его наконецъ дошли до того, что онъ отдалъ въ полное наше распоряженіе свою лошадь. Мы были въ восторгѣ отъ горца; но — увы! — скоро восторгъ этотъ смѣнился другимъ чувствомъ: оказалось, что кинжалъ и чевяки стоятъ вдвое дешевле того, что̀ любезный горецъ взялъ съ насъ за эти вещи, и что столь пріятное знакомство повлечетъ за собою безпрерывные подарки съ нашей стороны. Прежде всего черкесу понравился porte-cigares, который и былъ ему уступленъ; потомъ онъ попросилъ денегъ въ долгъ... наконецъ добрался и до часовъ.

И по пріѣздѣ въ Пятигорскъ долго не могли мы отдѣлаться отъ услугъ кунака. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, мы возвратили ему кинжалъ и чевяки и, поблагодаривъ за услуги, просили не безпокоить насъ ими....

Вотъ опять открылась передъ нами цвѣтущая равнина. Здѣсь, по сю сторону Кавказа, вѣчное лѣто, вѣчно свѣжая, яркая зелень.

(*) Башмаки.

(**) Шолковая матерія.

Здѣшняя растительность съ юга защищена отъ палящихъ лучей солнца высокими горами, а съ сѣвера освѣжается вѣтромъ степей, и вотъ почему пятигорская природа постоянно сохраняетъ свои яркіе цвѣта.

По дорогѣ, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, встрѣчаются небольшія башни, построенныя на возвышенныхъ мѣстностяхъ: это — сторожевые пикеты, или посты казаковъ. Закутавшись въ черныя бурки, и день и ночь сторожатъ они окрестность съ высоты этихъ башенъ. Осѣдланный конь стоитъ внизу, грустно потупивъ голову. Слѣва шумитъ рѣка Подкумокъ, высится *Лысая* гора, а прямо все болѣе и болѣе ростутъ Бештау (пятиглавая), Машукъ — «сторожевые великаны» Кавказа. За ними скрывается Пятигорскъ, получившій свое названіе отъ горы Бештау. Вдали выглядываютъ изъ тумана снѣговыя вершины Эльбруса, и вдругъ, неожиданно, почти подъ нашими ногами, открывается Пятигорская станица и самъ Пятигорскъ, расположенный на крутомъ берегу извилистаго Подкумка, у подножія Машука.

Въ воображеніи путника возстаютъ дивныя сцены «Героя нашего времени». И поѣздки по окрестностямъ Пятигорска, и кавалькады, и впечатлительная княжна Мери, и вѣчно любящая, вѣчно преданная Вѣра, и мрачный Печоринъ, и жалкій, пустой Грушницкій.... Да! именно здѣсь, въ этомъ краю, напитанномъ благоуханіемъ цвѣтовъ, согрѣтомъ южнымъ солнцемъ, орошенномъ ключами горячей и студеной, живой и мертвой воды, могли кипѣть тѣ страсти, происходить тѣ сцены, которыя передала намъ творческая фантазія поэта.

Я не знаю въ Россіи ничего лучше, ничего обаятельнѣе Пятигорска лѣтомъ. Это южная красавица, это Италія (въ которой я не былъ), — та Италія, которую я рисую себѣ въ воображеніи. Войдите въ тихій, ясный вечеръ по широкой аллеѣ въ тѣнистый паркъ, раскинутый по склону Машука: какая чудная картина представляется оттуда взорамъ вашимъ! Красивыя зданія минеральныхъ водъ и всего Пятигорска обнимаются двумя отраслями Машука. Веселый городъ страстнымъ ропотомъ отвѣчаетъ объятіямъ горной природы, и чѣмъ темнѣе ночь, тѣмъ ярче горятъ огни его. Легкій вѣтерокъ навѣваетъ прохладу на грудь вашу, полную желанья, и сладкими звуками вылетаетъ изъ *эоловой арфы*, устроенной въ бесѣдкѣ парка.... Тамъ, далеко отъ людей, въ таинственномъ гротѣ, шепчется счастливая чета.... Тамъ замираютъ послѣдніе звуки оркестра.... Здѣсь журчатъ сѣрные ключи.... Хорошъ, хорошъ Пятигорскъ!...

Мы наняли квартиру въ срединѣ города. Изъ оконъ нашего домика, осѣненнаго акаціями, были видны: влѣво — церковь прекрасной архитектуры; прямо поднимался на Машукъ тѣнистый бульваръ изъ липъ и акацій; по обѣ стороны тянулись ряды небольшихъ, но опрятныхъ домиковъ, между которыми, на горѣ, возвышался готическій замокъ князя Чевчавадзи. Далѣе, по склону горы, раскидывались превосходныя зданія Водъ, въ англійскомъ и мавританскомъ стиляхъ, съ галлереями, купальнями, садами, бесѣдками. За ними поднималась гора Машукъ, круто спускавшаяся къ Подкумку. На правомъ склонѣ ея зеленѣетъ паркъ и высятся сторожевыя башни казаковъ.

Пятигорскъ, возведенный въ степень уѣзднаго города въ 1814 году — прежде здѣсь былъ редутъ, заложенный въ 1784 году — въ послѣднее время значительно похорошѣлъ, особенно съ 1846 года. Съ тѣхъ поръ устроены здѣсь удобныя гостинницы, съ хорошимъ буфетомъ, великолѣпныя галлереи, съ мраморными поламп и вазами, приличныя помѣщенія для небогатыхъ офицеровъ, пользующихся водами; проведена широкая дорога на самую вершину Машука, такъ что можно въѣхать туда хоть въ коляскѣ; сооруженъ каменный театръ, въ которомъ даются представленія три раза въ недѣлю въ продолженіе сезона; густой лѣсъ, лежащій у дороги въ Желѣзноводскъ, превращенъ въ паркъ; устроены водопады, учреждены дилижансы для поѣздокъ по окрестнымъ водамъ, и, наконецъ, самое управленіе всѣми минеральными водами Кавказа приведено въ новый, болѣе совершенный порядокъ.

Южная растительность пятигорскихъ парковъ украшена гротами и древними статуями, отысканными въ Кабардѣ и другихъ краяхъ Кавказа. Вотъ грубой работы каменный «*Истуканъ, найденный въ 12-ти верстахъ отъ Пятигорска, близъ Этоцкаго поста, съ греческою подписью и выпуклыми фигурами; перенесенъ и поставленъ въ Пятигорскъ въ 1849 году.*» Вотъ каменный «*Крестъ, найденный близъ Кисловодской станицы, съ подписью греческими искаженными буквами, изъ которой можно уразумѣть, что крестъ сей сооруженъ какимъ-то Георгіемъ-Іаковомъ. Примѣчателенъ какъ памятникъ пребыванія христіанъ-грековъ въ Кабардѣ*». Вотъ и еще крестъ изъ дикаго камня, болѣе замѣчательный по своей величинѣ, по надписямъ и по рельефнымъ изображеніямъ человѣческихъ группъ, всадниковъ, вазъ и крестовъ. Надписи его еще не разобраны; онѣ представляютъ странную смѣсь греческихъ, еврейскихъ и арабскихъ буквъ. *Крестъ этотъ найденъ въ Кабардѣ, близъ Ильтонскаго аула. Перенесенъ и поставленъ въ Пятигорскъ въ 1852 году.*

Кстати о надписяхъ. Въ одной изъ галлерей минеральныхъ источниковъ находится чугунная доска съ слѣдующей надписью:

«Въ царствованіе
Всероссійскаго Императора
Николая I.
Стоялъ здѣсь лагеремъ
съ 8 по 11 іюля 1829 года
Командующій
Кавказской линіей
Генералъ отъ Кавалеріи
Георгій Эмануэль.

При немъ находились:
сынъ его Георгій 14 лѣтъ,
Посланные Россійскимъ правительствомъ
Академики:
Купферъ, Ленцъ, Менетріэ и Мейеръ,
также
Чиновникъ Горнаго корпуса Вансовичъ,
Минеральныхъ водъ Архитекторъ Іосифъ Бернадацци
и
Венгерскій путешественникъ Иванъ Бессе.

Академики и Бернадацци, оставивъ лагерь, расположенный въ 8000 футахъ (т. е. 1143 саж.) выше морской поверхности, всходили 10 числа на Эльбрусъ до 15000 футовъ (2243 саж.). — Вершины же онаго 16330 футъ (2333) саж. достигъ *только* кабардинецъ Хиляръ.

Пусть сей скромный камень передастъ потомству имена тѣхъ, кои первые проложили путь къ достиженію понынѣ почитающагося неприступнымъ —

Эльбруса!»

Но многіе сомнѣваются, что кабардинецъ Хиляръ достигалъ вершины Эльбруса, дѣйствительно и понынѣ считающейся неприступной, да и самая вершина эта возвышается надъ моремъ не на 16,330 футовъ, какъ гласитъ надпись, а болѣе. По вычисленію полковника Ходзько, западный холмъ Эльбруса 18,524 ф., а восточный 18,453. Весьма странно, что Казбекъ считался до настоящаго времени выше Эльбруса. Вообще Эльбрусъ страшно обиженъ поэтами и учеными. Онъ величественнѣе Казбека, выше его по

крайней мѣрѣ на 2,000 футовъ; но поэты и ученые воопѣваютъ и описываютъ только одинъ Казбекъ. О Казбекѣ упоминаетъ Геродотъ, (Каукъ-Азъ — гора лѣсовъ), съ Казбека похитилъ Прометей небесный огонь, какъ говоритъ греческая миѳологія, а Эльбрусъ не доказалъ своего классическаго происхожденія отъ грековъ или римлянъ....

Уже шесть часовъ вечера, и на бульварѣ сбирается публика. Хоръ военной музыки гремитъ вальсы и польки. Кавказскіе герои, загорѣлые, украшенные орденами, одѣтые въ свободные казакины, въ бѣлыхъ фуражкахъ, прежде всѣхъ обращаютъ на себя вниманіе новоприбывшаго. Между ними толпятся пріѣзжіе изъ разныхъ угловъ Россіи, мужчины и женщины. Порой пронесется около бульвара статный черкесъ, на боевомъ конѣ проволтижируетъ стройная амазонка на ученой лошадкѣ, важно протянется кавалькада грузинской княжны, одѣтой въ національный нарядъ свой и сопровождаемой кортежемъ, напоминающимъ средніе вѣка....

Мы подошли къ зданію театра. Всѣ двери его были растворены, и въ нихъ тѣснилась толпа любопытныхъ: мужиковъ, бабъ, черкесовъ, грузинокъ. Изъ театра раздавался раздирающій душу голосъ, напѣвавшій извѣстную пѣсню: «Не входи, родимая, попусту въ изъянъ!»

— Это паша Демерикъ, сказалъ сопровождавшій насъ пятигорецъ и потащилъ меня за собою на сцену.

Нѣсколько актеровъ, едва не въ халатахъ, грозно расхаживали по сценѣ, репетируя свои роли величаво-сиплымъ голосомъ. Другіе, полу-лежа, курили трубки, любезничали съ актрисами и громкимъ смѣхомъ своимъ прерывали неистовую реплику трагическихъ героевъ.

Возвратясь на бульваръ, я обратился къ пятигорцу:

— Покажите, пожалуста, мнѣ домъ, въ которомъ жилъ Лермонтовъ.

— Домъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ? да я и самъ не знаю. Совѣстно сознаться, что мы, пятигорцы, объ этомъ мало заботились, и едва ли найдется здѣсь кто нибудь знающій жилище поэта.

— Не можетъ быть! будемте искать, разспрашивать.

— Пожалуй, только не знаю, отъищемъ ли.

Мы пустились въ разспросы и отъ всѣхъ получали одинъ отвѣтъ: «неизвѣстно».

— Позвольте! сказалъ я: — есть другое средство; пойдемте ко мнѣ, и я укажу вамъ это средство.

Придя домой, я развернулъ вторую часть «Журнала Печорина» и прочелъ слѣдующія строки

«Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынѣче въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ полисадникѣ. Вѣтки цвѣтущихъ черешень смотрятъ мнѣ въ окно, и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный. На западъ пятиглавый Бештау синѣетъ, какъ «послѣдняя туча разсѣянной бури»; на сѣверѣ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона; на востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мною пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа, — а тамъ, дальше, амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ.... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцалуй ребенка; солнце ярко, небо сине — чего бы, кажется, больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?... Однако, пора ...»

— Однако, довольно, прервалъ меня С. — Къ чему ведетъ это? Вѣдь здѣсь идетъ рѣчь о квартирѣ Печорина, а не Лермонтова.

— Все равно, отвѣчалъ я: — я увѣренъ, сердце говоритъ мнѣ, что Лермонтовъ здѣсь описываетъ свою квартиру. Пойдемте же отъискивать ее по этимъ даннымъ.

И точно, мы скоро узнали, что Лермонтовъ жилъ на краю города, ближайшемъ къ Машуку, въ домѣ г. Чиляева.

Домохозяинъ, узнавъ о причинѣ нашего посѣщенія, повелъ насъ въ деревянный флигель, обращенный окнами на небольшой садикъ. Здѣсь была квартира поэта, состоявшая изъ трехъ комнатъ, теперь занятыхъ какою-то конторою.

Разставшись съ г. Чиляевымъ, мы вошли въ театръ, гдѣ собралась уже публика. Спектакль состоялъ изъ драмы: «Кочубей», сочиненія какого-то Ермолова, и переводной оперетты «Дезертеръ», имѣвшей большой успѣхъ на столичныхъ сценахъ нашихъ лѣтъ пятнадцать или двадцать назадъ. Въ антрактахъ пѣла пѣвица, уже слышанная нами во время репетиціи. Дивертисементъ состоялъ изъ балетныхъ па и русскаго казачка. «Кочубей», разъигранный страшно патетическими актерами, былъ утомительно скученъ. Зато пѣвица, quasi-Демерикъ, пищала какъ кошка, вызывая самые оглушительные аплодисманы отчаянія. Bravo, Bravo! Хорошо! но перестань! раздавалось изъ партера, и неумолимая пищала снова, пищала еще

нестерпимѣе. И только «Дезертеръ», прекрасно исполненный и напомнившій мнѣ своими мотивами другую миленькую пьесу (Кетли или возвращеніе въ Швейцарію), заставилъ забыть непріятное впечатлѣніе пятигорской драмы.

Но партеръ былъ хорошъ.

Много креселъ было занято туземцами. Разгорячась отъ удовольствія, особенно во время балета, азіаты снимали свои папахи, и бритыя головы ярко лоснились при свѣтѣ лампъ. Въ заднихъ рядахъ сидѣли женщины съ грудными дѣтьми на рукахъ, и эти зрители-крошки порой принимались пищать въ запуски, не хуже отважной пѣвицы. Необъятные букеты цвѣтовъ падали къ ногамъ любимыхъ актеровъ....

На бульварѣ было лучше, чѣмъ въ театрѣ. Темная ночь, прохладный воздухъ, иллюминація и звуки бальной музыки, долетавшіе сюда изъ залы Благороднаго Собранія, — все это погружало въ мечтательность медленно прогуливающихся или сидящихъ въ уединеніи мужчинъ и женщинъ, которые, при слабомъ свѣтѣ фонарей, казались скорѣе привидѣніями, нежели живыми существами. Въ открытыхъ окнахъ Собранія мелькали трамблирующія пары. Грузины и грузинки толпились на галлереѣ подъ окнами залы и глазѣли на танцующихъ. Мы присоединились къ любопытнымъ. Небольшая зала убрана чудными розами, перевитыми съ дубовыми вѣнками. Стройные кавалеры, въ блестящихъ кавказскихъ мундирахъ, кружатся съ утомленными красавицами, граціозно склоняющими свои головки.... Вотъ подхватили въ окно грузинскаго мальчика, и тотъ закружился по залѣ въ быстрой лезгинкѣ, подъ тактъ ударовъ въ ладоши.

На другой день, въ семь часовъ утра, я отправился на Машукъ. Поднимаясь въ паркъ, я уже встрѣтилъ.... но позвольте здѣсь говорить словами Лермонтова или Печорина: «встрѣтилъ нѣсколько печальныхъ группъ, подымающихся въ гору; то были бо́льшею частію семейства степныхъ помѣщиковъ. Объ этомъ можно было тотчасъ догадаться по истертымъ, старомоднымъ сюртукамъ мужей и по изысканнымъ нарядамъ женъ и дочерей. Видно у нихъ вся *водяная* молодежъ на перечетѣ, потому что они на меня (т. е. на Печорина) посмотрѣли съ нѣжнымъ любопытствомъ.... но скоро узнавъ армейскія эполеты, съ негодованіемъ отвернулись. Нѣсколько раненыхъ офицеровъ сидѣло на лавкѣ, подобравъ костыли,— блѣдные, грустные. Нѣсколько дамъ скорыми шагами ходило взадъ и впередъ по площадкѣ, ожидая дѣйствія водъ.... Подъ виноградными аллеями, покрывающими скатъ Машука, мелькала порою пестрая шляпка любительницы уединенія вдвоемъ, потому что всегда

возлѣ такой шляпки я замѣчалъ или военную фуражку или безобразную, круглую шляпу....»

Нѣкоторые изъ гуляющихъ занимались пальбой въ цѣль изъ нарочно для сего устроенной палатки. Въ числѣ стрѣлковъ былъ и мой знакомецъ. Узнавъ, что я отправляюсь на Машукъ, онъ сказалъ:

«Et vous connaissez l'histoire triste et touchante d'Elbrouss et Béchtau, malheureux amants de M-lle Machouk?»

— Нѣтъ, не знаю; разскажите.

— Извольте. M-lle Машукъ очень хороша собою.... неправда ли? вся въ зелени и цвѣтахъ, стройна, величава.... А прежде, говорятъ, была еще лучше.... Такъ немудрено, что ея прелести свели, наконецъ, съ ума и величественнаго кабардинскаго князя Элбруса и дикаго мурзу Бештау. Но гордая красавица отвергла искательства обоихъ, надѣясь, что авось за нею явится какой нибудь Арарать.... Получивъ отказъ, Бештау треснулъ съ досады, Элбрусъ посѣдѣлъ съ отчаянія, а гордая красавица и до сихъ поръ сидитъ въ дѣвкахъ. Но судьба наказала ее еще бо́льшимъ несчастіемъ (*). Не правда ли, это очень назидательная сказка? Разскажите ее разборчивымъ невѣстамъ.

Я отправился на гору. Вмѣстѣ со мною подымались путешественники и путешественницы верхомъ на лошакахъ, съ гербаріями для сбиранія цвѣтовъ и растеній, съ саками и банками для ловли бабочекъ. Подъемъ на гору легокъ и незамѣтенъ, благодаря прекрасной дорогѣ, вьющейся зигзагами до самой вершины горы на протяженіи двухъ верстъ. Зеленѣющая вершина Машука увѣнчана крестомъ изъ известковаго камня, испещреннымъ именами путешественниковъ. Здѣсь же лежитъ нѣсколько камней, Богъ знаетъ кѣмъ и для чего привезенныхъ. Говорятъ, впрочемъ, что камни эти положены на могилахъ погребенныхъ здѣсь жертвъ чумы или холеры.

Спустя нѣсколько дней, я поѣхалъ въ Желѣзноводскъ, лежащій въ двѣнадцати верстахъ отъ Пятигорска. Дорога вилась между мрачнымъ Бештау и лѣсистымъ Машукомъ. На сѣверъ синѣли горы Лягушья, Змѣиная, Верблюжья и Желѣзная, мѣстами скалистыя, мѣстами поросшія лѣсомъ. Улыбающаяся окрестность Пятигорска смѣнилась дикими пейзажами. Проѣхавъ колонію Карассъ (прежде населенную шотландцами, а нынѣ нѣмцами), мы очутились въ густомъ лѣсу. Букъ, кленъ, дубъ, ясень, карагачъ, кизилъ и чинары провожали насъ до Желѣзноводска и стали густою толпою между

(*) На отлогости Машука находится провалъ, который, по словамъ здѣшнихъ ученыхъ, есть не что иное, какъ угасшій кратеръ. *Лермонтовъ.*

многочисленными извилистыми аллеями Желѣзноводскаго парка, прорѣзаннаго ручьями желѣзной воды, число которыхъ болѣе двадцати. При источникѣ № 8-й находится красивая галлерея, и подъ №№ 5, 6, 8, 16 устроены ванны. Паркъ тѣнистъ и таинственъ, воздухъ свѣжъ и прохладенъ. На живописномъ возвышеніи господствуетъ крѣпость; внизу гостинница и нѣсколько домиковъ. Вотъ и весь Желѣзноводскъ.

Въ Кисловодскъ отправились мы въ шесть часовъ утра, въ дилижансѣ, конвоируемомъ тремя казаками, которые смѣнялись разъ пять или шесть у пикетовъ. Подъѣзжая къ пикету, обыкновенно расположенному на возвышеніи, казаки обгоняли дилижансъ, мигомъ поднимались на гору, спрыгивали съ сѣдла и, привязавъ лошадь къ стѣнѣ пикета, быстро всходили на сторожевую башню; въ то же время смѣненный казакъ уже былъ на своей лошади и мчался на встрѣчу дилижанса. Отъ Пятигорска до Кисловодска сорокъ верстъ. Прекрасная дорога идетъ сперва по лѣвому берегу Подкумка, потомъ по прекрасному каменному мосту перебѣгаетъ на правый берегъ и незамѣтно поднимается все выше и выше, такъ что, пріѣхавъ въ Кисловодскъ, мы будемъ на одной высотѣ съ вершиною Машука. На срединѣ пути лежитъ укрѣпленная *Эсентуцкая станица*, со щелочными водами и при нихъ ваннами и галлереями.

Далѣе, за Эсентуками, потянулись волнообразные холмы, скалы изъ окаменѣлыхъ раковинъ, остатки древнихъ зданій, пещеръ, водопроводовъ, и, наконецъ, чудная тополевая аллея вводитъ насъ въ Кисловодскъ.

«Здѣшніе (т. е. кавказскіе) жители утверждаютъ, что воздухъ Кисловодска располагаетъ къ любви, что здѣсь бываютъ развязки всѣхъ романовъ, которые когда либо начинались у подножія Машука. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь все дышетъ уединеніемъ; здѣсь все таинственно — и пустыя сѣни липовыхъ аллей, склоняющихся надъ потокомъ, который, съ шумомъ и пѣною падая съ плиты на плиту, прорѣзываетъ себѣ путь между горами, и ущелья, полныя мглою и молчаніемъ, которыхъ вѣтви разбѣгаются отсюда во всѣ стороны, и свѣжесть ароматическаго воздуха, отягощеннаго испареніями высокихъ южныхъ травъ и бѣлой акаціи, — и постоянный, сладостно усыпительный шумъ студеныхъ ручьевъ, которые, встрѣтясь въ концѣ долины, бѣгутъ дружно въ запуски и наконецъ кидаются въ Подкумокъ». Такъ Лермонтовъ описываетъ Кисловодскъ.

И точно: въ Кисловодскѣ происходили развязки многихъ романовъ, бывали и смѣшныя и серьёзныя сцены.

Въ Желѣзноводскъ, Эсентуки и Кисловодскъ собирается бо́льшая часть пріѣзжей публики въ концѣ лѣта, по окончаніи курса

сѣрныхъ пятигорскихъ водъ. Здѣсь организмъ больныхъ, разслабленный діетою во время леченія сѣрными водами, укрѣпляется дѣйствіемъ на него желѣзистыхъ или углекислыхъ водъ. Все оживаетъ здѣсь; съ каждою новою ванною возвращаются новыя силы выздоравливающимъ, и они веселятся въ запуски, спѣша насладиться послѣдними днями южнаго лѣта. Балы здѣшніе оживленнѣе пятигорскихъ. Зала кисловодскихъ благородныхъ собраній хотя и больше пятигорской, становится тѣсна. Скоро великолѣпная галлерея, выстроенная надъ Нарзаномъ, въ англійскомъ средневѣковомъ стилѣ, переманитъ подъ свою кровлю танцующихъ. При мнѣ галлерея эта не была еще окончена.

«Не даромъ — говоритъ Лермонтовъ — Нарзанъ называется богатырскимъ ключемъ.»

Ключъ этотъ, поднимаясь изъ земли чрезъ большое отверстіе, даетъ въ минуту болѣе ста ведеръ воды (!), которая сильно и безпрерывно кипитъ, по причинѣ отдѣляющагося изъ нея углекислаго газа. Вкусъ нарзана пріятный, похожій на вкусъ содовой воды.

Кромѣ всѣхъ вышеописанныхъ минеральныхъ ключей, былъ еще желѣзистый источникъ, съ признакомъ желѣзистыхъ рудъ около него, въ сорока верстахъ отъ Пятигорска къ югу. Но черкесы, желая скрыть отъ русскихъ существованіе этого источника, заколотили его, и теперь на мѣстѣ томъ образовалось болото.

Кавказъ — единственный край по богатству своихъ минеральныхъ ключей. По Военно-Грузинской дорогѣ, недалеко отъ станціи Коби, находится углекислый источникъ, цѣлебное дѣйствіе котораго сильнѣе нарзана. Между крѣпостью Грозной и станицей Червленой, населенной старообрядцами и замѣчательной красотою женщинъ, лежитъ источникъ щелочно-сѣрно-нефтяной воды, температура которой отъ 75 до 91°+ R; вода эта перевариваетъ мясо въ семь, яицы въ пять минутъ: слѣдовательно, это единственный изъ всѣхъ извѣстныхъ источниковъ въ свѣтѣ по своей высокой температурѣ, превышающей даже температуру знаменитыхъ ключей Геклы. По близости своей къ центру военныхъ дѣйствій, и источники эти еще мало имѣютъ паціентовъ; но всѣ, которые пользовались этими водами, исцѣлялись, исключая несчастныхъ жертвъ неосторожности, сварившихся въ горячей водѣ. Это, говорятъ, случилось вотъ какъ: надъ ключемъ устроена паровая ванна, въ которой сидятъ до четырехъ минутъ. Нѣсколько далѣе у источника же выстроена палатка для раздѣванья. Армянскій священникъ, пользовавшись ваннами, по обыкновенію, раздѣлся и легъ на простыню, на которой и понесли его четыре служителя къ ваннѣ. На бѣду, у одного изъ носильщиковъ вырвался изъ рукъ уголъ

простыни, и больной опрокинулся въ кипящую воду, изъ которой вынули его уже мертваго. — Одному солдату какъ-то удалось скопить нѣсколько червонцевъ. Однажды, подойдя къ источнику и желая полюбоваться своимъ богатствомъ, онъ вынулъ червонцы и сталъ считать ихъ. Задрожали у бѣдняка руки отъ радости, и нѣсколько червонцевъ покатилось въ источникъ; несчастный бросился за ними и не возвратился.—Въ жаркій лѣтній день въ крѣпость возвращался съ охоты офицеръ; утомленная собака, высунувъ языкъ, бѣжала за охотникомъ и, увидѣвъ воду, бросилась въ нее и сварилась.

Во многихъ другихъ мѣстахъ Кавказа и Закавказья есть различные минеральные ключи. Но воды Пятигорскаго Минеральнаго Округа имѣютъ предъ всѣми преимущество, потому что хотя нѣкоторыя изъ нихъ и уступаютъ отдѣльнымъ кавказскимъ ключамъ въ пропорціи минеральныхъ частей, зато, будучи расположены въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, онѣ не требуютъ большихъ издержекъ на переѣзды отъ однѣхъ водъ къ другимъ; притомъ одинъ и тотъ же медикъ, начавъ лечить больного сѣрными водами, продолжаетъ пользовать его желѣзистыми или углекислыми водами, а слѣдовательно больной во весь курсъ леченія находится постоянно подъ надзоромъ одного и того же врача.

Выѣхавъ изъ Пятигорска, мы снова должны были возвратиться въ Георгіевскъ, чтобы попасть на Военно-Грузинскую дорогу, которая, прорѣзывая всю цѣпь Кавказа, идетъ сначала по ровной мѣстности до Екатериноградa, потомъ небольшою разсѣлиною проходитъ въ Владикавказскую долину и отсюда разными ущельями пробирается вдоль Терека; разлучившись съ Терекомъ, дорога поворачиваетъ на востокъ, слѣдуя теченію Арагвы, и, снова поворотивъ на югъ, по холмамъ пробивается въ пространную Корталинскую долину,—отсюда опять по холмамъ достигаетъ береговъ Куры, по которымъ и идетъ до самого Тифлиса.

Въ настоящее время вся Военно-Грузинская дорога почти совершенно безопасна отъ нападеній непокоренныхъ еще нами горскихъ народовъ. Только на нѣкоторыхъ станціяхъ между Георгіевскомъ и Владикавказомъ мѣстное начальство не дозволяетъ продолжать пути отъ сумерекъ до тѣхъ поръ, пока не разсѣются утренніе туманы.

Проѣхавъ Екатеринодаръ, неостанавливающій на себѣ особеннаго вниманія путешественника, мы достигли небольшого, но живо-

пснаго ущелья, образуемаго Терекомъ въ сѣверной отрасли Кавказскаго хребта. Въ ущельи этомъ спряталась довольно замѣчательная развалина: башня древняго минарета, сложенная изъ тонкаго кирпича и вполнѣ сохранившаяся въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ. О ней упоминаютъ многіе путешественники и географы Кавказа. Одинъ изъ нихъ говоритъ, что входъ на башню уже разрушенъ; но это несправедливо: мы поднимались до самой вершины башни, по лѣстницѣ, еще вполнѣ сохранившейся.

Выѣхавъ изъ ущелья, мы увидѣли предъ собою обширное, ровное пространство, съ крѣпостью вдали, окруженное со всѣхъ сторонъ горами.

Это —

ВЛАДИКАВКАЗСКАЯ ДОЛИНА.

Окаймлена высокими горами,
Орошена кипящими ручьями,
Осѣнена небесъ навѣсомъ голубымъ,
Усѣяна роскошными цвѣтами,
Долина горная раскинулась предъ нами
Какъ пестрая парча съ узоромъ золотымъ —

И смолкнулъ Терекъ здѣсь и горный вѣтръ утихъ;
Лишь смотритъ грозно вдаль рядъ пушекъ громовыхъ,
Да жалобно скрыпятъ арбы.... и осетины
Пронзительно кричатъ на медленныхъ воловъ;
И кабардинскій конь, топча траву луговъ,
Летитъ со всадникомъ на горныя долины.

Порой проѣдетъ здѣсь оборванный грузинъ
Съ красавицей женой, покрытою чадрою;
Съ товаромъ дорогимъ, съ богатою казною
Промчится тройкою тифлисскій армянинъ...
И путь ихъ сторожитъ донской казакъ съ пикета
Отъ раннихъ сумерекъ до полнаго разсвѣта.

Бываетъ ночь; соломенный маякъ
Вдругъ вспыхнетъ, — и поднимется тревога!
Ужь на конѣ недремлющій казакъ,
И гикомъ огласилася дорога!

И съ утра по долинѣ той
Идутъ полки сомкнутыми рядами,
И солнца лучъ играетъ съ ихъ штыками,
И раздается голосъ пѣсни удалой;

И смотритъ мрачно Казбекъ снѣговой
И полкъ чинаръ выводитъ къ намъ на встрѣчу....
И началъ штыкъ съ столѣтнимъ лѣсомъ сѣчу...

А изъ лѣсу винтовокъ рядъ глядитъ
И черный глазъ фанатика блеститъ
Изъ подъ нависшаго мохнатаго папаха:
Онъ видитъ въ небѣ гурію Аллаха!...'

Мы въ Владикавказѣ. Передъ окнами казенной гостинницы, въ которой мы остановились, высятся дооблачныя горы. Чудная картина! Синіе туманы, скрывая подножія горъ, медленно блуждаютъ по ихъ темнымъ вершинамъ, открывая порою то мрачное ущелье, то раздробленныя скалы. А выше, въ гордомъ величіи, стоятъ снѣжные великаны, и по суровому челу ихъ, прорѣзанному темными полосами, словно морщинами, бродятъ тучи, какъ грозныя думы....

Хорошо здѣсь!

— Поди, поди сюда! говоримъ мы смотрителю гостинницы, старому инвалиду, таща его къ окну: — поди, полюбуйся Казбекомъ.

— Эхъ, господа, равнодушно отвѣчаетъ старый воинъ: — вамъ въ диковинку этотъ Казбекъ, а намъ такъ крѣпко надоѣлъ онъ!

Мы видѣли только преддверіе Кавказа. Теперь поѣдемъ въ горы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ропотъ Терека. — Восточная женщина. — Владикавказъ. — Балтинское ущелье. — Ларсы и замокъ князя Дударака. — Дарьялъ. — Царица Дарія — Клеопатра Грузіи. — Стихотворенія Лермонтова и Пушкина, какъ вѣрныя картины кавказской природы. — Поэтическая натура Тацита не находитъ сочувствія въ дикомъ народѣ. — Отзывъ Гумбольдта о поэтическихъ описаніяхъ природы. — Сѣверъ Кавказа. — Бѣшенка. — Станція Казбекъ. — Сакли грузинъ. — Чудная дѣвочка. — Женщины у водоема. — Замѣтки француза-туриста о происхожденіи осетинъ. — Восхожденіе г. Колевати на Казбекъ. — Кейсуреты. — Монастыри на Казбекѣ. — Турьи Пажити. — Ледники. — Высоты Казбека. — Сравнительныя высоты горъ земного шара. — Обвалъ.

Осмотрѣвъ укрѣпленіе Владикавказа, я вошелъ въ городской садъ—подышать воздухомъ, наполненнымъ блаугоханіемъ южныхъ цвѣтовъ, посидѣть въ тѣни развѣсистыхъ орѣшниковъ, послушать ропотъ быстраго Терека. Весело и широко катится онъ здѣсь, счастливый своею побѣдою надъ мрачными скалами, которыя тамъ, выше, тщетно преграждали ему путь. «Борись съ препятствіями —

плещутъ волны Терека — иди впередъ: безъ борьбы нѣтъ побѣды, нѣтъ наслажденія.»

И человѣкъ слушается опытнаго бойца и самъ пускается въ битву съ нимъ: обкладываетъ гранитомъ и мраморомъ его невѣрные, крутые берега, укрѣпляетъ на нихъ мосты, разводитъ сады и бульвары. Уже яблони, груши, алва, тутовыя, фиговыя, абрикосовыя и персиковыя деревья питаютъ сахаристые плоды свои холодною волною Терека; уже итальянскій тополь, жолтая верба и другія цивилизованныя деревья смѣняютъ дикую чинару.

«Вездѣ борьба», ропщетъ Терекъ. И прошедшее въ своихъ развалинахъ и настоящее въ своихъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ представляютъ двойную борьбу человѣка: борьбу съ природой и съ предразсудками—съ темною или эгоистическою стороною человѣческаго же духа. Медленно и дорого пріобрѣтаетъ человѣкъ побѣду надъ природой; но побѣда эта вѣрнѣе и легче побѣды надъ самимъ собою.

Порой снѣжная лавина, горный потокъ размоетъ и разнесетъ дорогу, порохомъ пробитую въ скалахъ; но человѣкъ опять вооружается всею силою искусства, безпрерывно совершенствующагося, и снова и прочнѣе укрѣпляетъ дорогу.

И мысль прокладываетъ путь впередъ, расчищаетъ жизнь отъ мусора ложныхъ убѣжденій, отъ грязи и болотъ невѣжества, прорываетъ скалы фанатизма, стремится вывести человѣчество на свѣтлую долину просвѣщенія; но.... но нескоро еще человѣчество достигнетъ ея,—да и достигнетъ ли?...

Дикіе, рѣзкіе звуки грузинской музыки заглушили ропотъ Терека. Сегодня воскресенье, и на бульварѣ собралась толпа азіатовъ — пѣть и плясать подъ пискъ зурны, не знаю почему воспѣтой стихотворцами, и подъ грохотъ турецкаго барабана.

Блуждая по городу, я забрался въ грязный кварталъ жидовъ и осетинъ и тамъ въ первый разъ увидѣлъ типическую женщину востока: тонкая, стройная, эластическая талія, легкая походка, длинный овалъ лица, черные глаза, блестящіе изъ подъ бѣлой чадры огнемъ дикаго любопытства и страха — вотъ главныя черты встрѣченной мною женщины, — черты, неимѣющія ничего общаго съ широкимъ станомъ, неправильнымъ носомъ, круглымъ лицомъ и вообще круглымъ складомъ всего тѣла славянской красавицы.

Владикавказъ есть главное мѣстопребываніе нѣкоторыхъ полковыхъ штабовъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса. Военный городъ этотъ быстро растетъ и улучшается; здѣсь есть уже нѣкоторыя удобства европейской жизни.

Мы проѣхали еще верстъ десять по долинѣ и скрылись въ Балтинскомъ ущельѣ. Отсюда является рядъ картинъ дикихъ, разнообразныхъ, поразительныхъ картинъ, превосходящихъ самыя прихотливыя грёзы поэта и художника, невыразимыхъ ни словомъ, ни кистью. Воображеніе путника часто опережаетъ экипажъ его и на основаніи слышаннаго и читаннаго рисуетъ даль лучше, чѣмъ она есть дѣйствительно. Здѣсь не то! Здѣсь самая капризная фантазія блѣднѣетъ предъ дѣйствительностью. Здѣсь сознаешь все величіе и разнообразіе природы, въ молчаливомъ восторгѣ созерцаешь ихъ и чувствуешь свое ничтожество. Здѣсь горы гнетутъ, подавляютъ васъ своими грандіозными размѣрами, своими странными очерками. Вотъ разступились онѣ, чтобы дать дорогу буйному Тереку, и стали надъ нимъ мрачныя, грозныя, нависшія, пряча въ облакахъ свои снѣжныя вершины, — а тамъ снова сдвинулись, снова грозятъ вамъ своими страшными лавинами. Надъ вами узкая полоса неба, съ боковъ—сѣрые граниты, разноцвѣтныя скалы различныхъ горныхъ породъ, мрачныя ущелья, облѣпленныя растительностью всѣхъ климатовъ; внизу — рвутся и кипятъ волны Терека! Тамъ, съ высоты нѣсколькихъ сотъ саженъ, отвѣсно падаетъ горный потокъ; здѣсь, какъ бы въ насмѣшку человѣческому искусству, рука природы воздвигла величественный готическій замокъ, со рвомъ, съ подъемными мостами, съ башнями и бойницами.

Проѣхавъ около двадцати верстъ этой чудной дороги, мы достигли станціи *Ларсъ*, скрытой въ нѣдрѣ горъ. Опять картина, достойная геніальной кисти! Прямо на скалѣ мрачный замокъ князя Дударака, сложенный изъ дикаго, нетесанаго камня; подъ скалой пробивается дорога, а справа шумно низвергается Терекъ, по крутому ложу, усѣянному огромными камнями.

Князь Дударакъ—древній владѣтель Ларсскаго прохода. Онъ первый изъ туземныхъ владѣльцевъ земель содѣйствовалъ безопасному и обезпеченному устройству этой дороги, уступивъ свои земли русскимъ, по убѣжденію бывшаго главнокомандующаго въ Грузіи, князя Циціанова, который проѣзжалъ здѣсь въ 1802 году.

Не успѣвъ отдохнуть отъ перваго сильнаго впечатлѣнія, возбужденнаго видами гигантской дороги, мы снова были поражены еще болѣе грандіозными картинами: передъ нами раздвинулось Дарьяльское ущелье, величественное, поразительное, не разъ воспѣтое и описанное и древними и новыми поэтами и учеными. Это Porta Caucasica Страбона, Babi-Allan, или Dari-Allan, восточныхъ писателей, Даръ-іолы татаръ (узкая дорога), Хевисъ-Кери (двери ущелья) гру-

зинъ (*). Древній замокъ Дарьяльскій, стоящій на вершинѣ крутого утеса и нынѣ полу-разрушенный, запиралъ съ сѣвера входъ въ предѣлы Иверіи (нынѣ Грузіи), и есть преданіе, что замокъ этотъ построенъ царемъ Мріаномъ за полтораста лѣтъ до Р. Х. и обновленъ царемъ Давидомъ въ XII столѣтіи. Народная грузинская поэзія разсказываетъ чудеса о замкѣ Дарьяльскомъ: здѣсь жила и нировала царица Дарія—Клеопатра Грузіи.

— Чей это домъ, ямщикъ?

— А грузинской княгини Дарьи Прекрасной, которая сбрасывала отсюда въ Терекъ своихъ гостей.

Лермонтовъ, вѣроятно, основываясь на другомъ преданіи, называетъ ее *Тамарою:*

«Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя, на черной скалѣ.

Въ той башнѣ, высокой и тѣсной,
Царица Тамара жила,
Прекрасна какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ — коварна и зла.

И тамъ, сквозь туманъ полуночи,
Блисталъ огонекъ золотой,
Кидался онъ путнику въ очи,
Манилъ онъ на отдыхъ ночной,

И слышался голосъ Тамары:
Онъ весь былъ желанье и страсть,
Въ немъ были всесильныя чары,
Была непонятная власть.

На голосъ невидимой пери
Шелъ воинъ, купецъ и пастухъ;
Предъ нимъ отворялися двери,
Встрѣчалъ его мрачный евнухъ.

На мягкой пуховой постели,
Въ парчу и жемчугъ убрана,
Ждала она гостя. Шипѣли
Предъ нею два кубка вина.

Но только что утра сіянье
Кидало свой лучъ по горамъ,

(*) «Дарьялъ, на древнемъ персидскомъ языкѣ означаетъ *ворота*. По свидѣтельству Плинія, Кавказскія ворота, ошибочно называемыя Каспійскими, находились здѣсь. Ущелье замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными желѣзомъ. Подъ ними — пишетъ Плиній — течетъ рѣка Диридоресъ.»

Пушкинъ. «Путешествіе въ Арзерумъ.»

Мгновенно и мракъ и молчанье
Опять воцарялися тамъ.

Лишь Терекъ въ тѣснинѣ Дарьяла,
Гремя, нарушалъ тишину:
Волна на волну набѣгала,
Волна погоняла волну.

И съ плачемъ безгласное тѣло
Спѣшили онѣ унести....
Въ окнѣ тогда что-то бѣлѣло,
Звучало оттуда: «прости!»

И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
Какъ будто восторги свиданья
И ласки любви обѣщалъ.»

Описаніе Дарьяльскаго ущелья не одинъ разъ встрѣчается въ превосходнѣйшихъ стихотвореніяхъ Лермонтова и Пушкина. Кто не знаетъ, напримѣръ, слѣдующаго мѣста:

.... «И глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя, —
Вился излучистый Дарьялъ,
И Терекъ, прыгая какъ львица
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ.....
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны.
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!
И дикъ и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ....

Кто не читалъ *Галуба* Пушкина? Кто не сочувствовалъ Тазиту, этому мечтательному юношѣ-горцу, чуждому грубыхъ, разбойничьихъ страстей своихъ единоплеменниковъ? Тазитъ — второй сынъ Галуба, воспитанный мудрымъ наставникомъ въ уединеніи лѣсовъ, вдали отъ кровавыхъ наѣздничьихъ потѣхъ, вдали отъ суровыхъ, мстительныхъ правовъ своихъ родныхъ, рано наученный бесѣдовать съ природою, понимать голосъ ея. И могло ли понравиться Галубу такое воспитаніе? Нѣтъ! Галубъ недоволенъ сыномъ своимъ...

«Нѣтъ, мыслитъ онъ, не замѣнитъ
Онъ никогда роднаго брата!
Не научился мой Тазитъ,
Какъ шашкой добываютъ злата!...
. . . . . .
Онъ только знаетъ безъ трудовъ
Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды...
. . . . . .
Гдѣ жъ, мыслитъ онъ, въ немъ плодъ наукъ,
Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый умъ и сила рукъ?
Въ немъ только лѣнь и нецокорство.
Иль сына взоръ мой не проникъ,
Иль обманулъ меня старикъ....
. . . . . .
— Гдѣ былъ ты, сынъ?...
— Въ ущельи скалъ,
Гдѣ прорванъ каменистый берегъ
И путь открытъ на Даріалъ.
—Что́ дѣлалъ тамъ?
— Я слушалъ Терекъ...»

Слушать Терекъ! занятіе недостойное мужа, предосудительное препровожденіе времени, по мнѣнію Галуба.

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
На третій, блѣденъ какъ мертвецъ,
Приходитъ онъ домой. Отецъ,
Его увидя, вопрошаетъ:
— Гдѣ былъ ты?
— Около станицъ
Кубани, близъ лѣсныхъ границъ....
— Кого ты видѣлъ?
— Супостата.
— Кого? кого?
— Убійцу брата.
— Убійцу сына моего?...
Тазитъ! гдѣ голова его?
Дай, нагляжусь!
— Убійца былъ
Одинъ, израненъ, безоруженъ....
— Ты долга крови не забылъ....
Врага ты навзничь опрокинулъ....
Не правда ли? Ты шашку вынулъ,
Ты въ горло сталь ему воткнулъ
И трижды тихо повернулъ?...

Упился ты его стенаньемъ,
Его змѣинымъ издыханьемъ?...
Гдѣжь голова? подай!... нѣтъ силъ....
Но сынъ молчитъ, потупя очи.
И сталъ Галубъ чернѣе ночи
И сыну грозно возопилъ:
«Поди ты прочь — ты мнѣ не сынъ,
Ты не чеченецъ — ты старуха,
Ты трусъ, ты рабъ, ты армянинъ—
Будь проклятъ мной — поди — чтобъ слуха
Никто о робкомъ не имѣлъ,
Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,
Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи
Окровавленной кошкой сѣлъ
И къ безднѣ гналъ тебя нещадно;
Чтобъ ты, какъ раненый олень,
Бѣжалъ, тоскуя безотрадно;
Чтобъ дѣти русскихъ деревень
Тебя веревкою поймали
И какъ волченка затерзали —
Чтобъ ты.... бѣги, бѣги скорѣй!
Не оскверняй моихъ очей!...»

Чувствительность и состраданіе къ врагу — не добродѣтель въ глазахъ азіата, а слабость, порокъ. Задушевная симпатія къ природѣ никогда не горѣла въ сердцѣ дикаго народа. Юноша-поэтъ, нечаянно родившійся въ странѣ наѣздничества, весьма естественно не могъ найти себѣ сочувствія въ окружающихъ его людяхъ, умѣющихъ цѣнить только физическую силу, физическія доблести, —и онъ погибъ, какъ явленіе, противорѣчащее нравамъ народа, среди котораго родился.

Можетъ быть, читатель найдетъ, что я слишкомъ удалился отъ разсказа о своемъ путешествіи, можетъ быть, ему покажется лишнимъ здѣсь повтореніе стиховъ давно извѣстныхъ всѣмъ; но они необходимы для рельефности моихъ слабыхъ очерковъ, и потому да позволено мнѣ будетъ снова обратиться къ Лермонтову.

Поэтъ Мцыри и Тамары, нѣсколько субъективный въ изображеніи своихъ героевъ, поразительно вѣренъ поэтической истинѣ въ описаніяхъ кавказской природы. Это—поэтическая географія Кавказа. Ни малѣйшаго преувеличенія, ни одной метафоры, ни одного эпитета, которые не вытекали бы изъ самого характера изображаемой имъ мѣстности! И только тотъ вполнѣ можетъ оцѣнить всю прелесть лермонтовскихъ картинъ, который самъ видѣлъ грандіозную природу Кавказа, вдохновлявшую нашего поэта. Говоритъ ли

Лермонтовъ, напримѣръ, о Терекѣ, онъ сравниваетъ эту горную рѣку со львицей:

И Терекъ, прыгая какъ львица
Съ косматой гривой по хребтѣ....

И сравненіе это не только не натянуто, но, напротивъ, такъ естественно, что другого и *придумать* нельзя. И далѣе:

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ *мутный* валъ....

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межь утесистыхъ громадъ;
Буръ плачъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ!

Или, наконецъ:

Я родился у Казбека (говоритъ Терекъ Каспію),
Вскормленъ грудью облаковъ,
Съ чуждой властью человѣка
Вѣчно спорить былъ готовъ.
Я сынамъ твоимъ въ забаву
Разорилъ родной Дарьялъ.... и т. д.

Все это — олицетворенная поэтическая истина! Мы могли бы сдѣлать много подобныхъ выписокъ; но довольно. Гумбольдтъ, говоря о средствахъ къ распространенію знаній о природѣ, глубокимъ и обширнымъ взглядомъ обнимаетъ всѣ лучшія поэтическія описанія природы, отысканныя имъ въ литературѣ древнихъ и новыхъ европейскихъ и азіятскихъ народовъ. Великій ученый съ любовью останавливается на нѣкоторыхъ поэтахъ и самъ одушевляется до поэтическаго краснорѣчія. Не зналъ, вѣрно, онъ о нашемъ поэтѣ Кавказа, ато не отказался бы помѣстить его имя на ряду съ именами авторовъ «Аталы», «Рене», «Павла и Виргиніи» и пр. (*)

(*) «Павелъ и Виргинія» — книга, подобную которой едва ли встрѣтишь въ другой литературѣ — говоритъ Гумбольдтъ — это простая картина острова, лежащаго въ тропическомъ морѣ; здѣсь, то подъ кровомъ благосклоннаго неба, то въ грозной борьбѣ стихій, изъ среды растеній, покрывающихъ почву лѣсовъ, какъ съ роскошнаго цвѣточнаго ковра, отдѣляются два граціозные образа. Въ «Павлѣ и Виргиніи», точно такъ же, какъ и въ «Индѣйской Хижинѣ» и даже въ «Этюдахъ о природѣ», къ несчастію, обезображенныхъ невѣрными теоріями и важными ошибками противъ физики, видъ моря, скопившихся облаковъ, высокихъ пальмъ, склонявшихъ свои вершины, лепетъ вѣтра въ бамбуковыхъ кустарникахъ, — все это изображено съ неподражаемой истиной. «Павелъ и Виргинія» сопровождали меня въ мѣстахъ, вдохновившихъ Бернардена-Сенъ-Пьера. Вмѣстѣ съ другомъ моимъ М. Бонпланомъ (Bonplant) я, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, перечитывалъ «Павла и Виргинію.» Да простятъ мнѣ эти воспоминанія о совершенно личныхъ

Проѣхавъ мостовое укрѣпленіе въ Дарьялѣ, построенное въ 1846 году, въ прекрасномъ мавританскомъ стилѣ, и нынѣ занятое одною ротою гарнизона (*), мы стали подниматься все выше и выше по *Хевскому ущелью*. Здѣсь мы на высотѣ 4,300 футовъ надъ моремъ, а на слѣдующей станціи, черезъ десять верстъ, будемъ на высотѣ 6, 362 фут.,— слѣдовательно, дорога поднимается отъ 40 до 45 саженъ на протяженіи каждой версты.

Медленно подвигаемся мы впередъ, между шиферныхъ, базальтовыхъ и порфирныхъ стѣнъ, подпирающихъ небо. Дорога вьется по берегамъ Терека, который имѣетъ здѣсь самое крутое паденіе,— отъ 60 до 110 футовъ на версту. Здѣсь человѣкъ въ постоянной борьбѣ съ природой. По закраинѣ каменнаго ложа свирѣпой рѣки онъ вырвалъ себѣ порохомъ путь и съ усиліемъ всего искусства отстаиваетъ его у всѣхъ стихій. Щѣлыя скалы легли въ основаніе дороги; но и это непрочно: то страшная лавина, то стремительный потокъ, упадая съ утеса и увлекая за собою огромные камни, размываютъ и разламываютъ на большомъ пространствѣ этотъ путь, по видимому, неразрушимый.

Всего страшнѣе потокъ, называемый по грузински *Куро*, по русски — *Бѣшеная балка*, или просто *Бѣшенка*. Стремительный потокъ этотъ вырывается изъ трехъ, сосѣднихъ между собою, пропастей и, пересѣкая дорогу, вливается въ Терекъ. Во время дождей и таянья снѣговъ пропасти Куро совершенно наполняются водою, а обломки сланцовыхъ породъ, оторванные снѣговыми и дождевыми потоками, запираютъ всякій выходъ этой водѣ, которая постоянно прибываетъ и наконецъ разрываетъ эту естественную плотину, унося въ Терекъ все, что̀ ни встрѣтитъ на пути своемъ.

И обвалы бываютъ частыя. Но за всѣмъ тѣмъ здѣсь удобнѣйшая и наиболѣе устроенная часть Военно-Грузинской дороги.

Мало по малу замираетъ растительность; воздухъ становится рѣже, суровѣе: здѣсь сѣверъ. Бѣдные туземцы, смѣсь грузинъ

впечатлѣніяхъ. Когда южное солнце горѣло своимъ яснымъ блескомъ или когда, во время непогоды, по берегамъ Арагоко гремѣлъ громъ и молнія озаряла лѣса, я и другъ мой, мы оба были изумлены удивительною вѣрностью, съ которой на нѣсколькихъ страницахъ изображена могущественная природа этихъ мѣстъ, во всемъ ея характеристическомъ своеобразіи. Та же самая забота о подробностяхъ, невредящая впечатлѣнію цѣлаго, повсюду оживленнаго свободнымъ воображеніемъ поэта, характеризуетъ автора «Рецэ», «Аталы» и «Путешествій въ Грецію и Палестину.» Въ этихъ твореніяхъ собраны и воспроизведены удивительными красками всѣ контрасты пейзажей, взятыхъ подъ самыми противоположными широтами.» См. Cosmos А. Гумбольдта, часть II, гл. 1.

(*) Здѣсь съ проѣзжающихъ правительство собираетъ пошлину за Военно-Грузинскую дорогу.

съ осетинами, вѣковыми трудами цѣлыхъ поколѣній обработываютъ клочки земли на склонахъ горъ, для посѣва нѣсколькихъ горстей ячменю, и часто домъ, пашня, семейство, цѣлыя селенія погребаются подъ неожиданнымъ обваломъ.

Наконецъ мы благополучно достигли станціи Казбекъ, подвергаясь опасности только при встрѣчахъ съ караванами туземцевъ, которые терзали слухъ нашъ своими диссонансами, своими горловыми напѣвами одного звука *а-а-а!* и широкія арбы которыхъ загромождали всю дорогу, такъ что мы должны были объѣзжать ихъ, рискуя полетѣть въ Терекъ. Но, благодаря искусству рязанскаго ямщика и устойчивости лошадей, которыя не спускались, а ползли подъ гору, мы благополучно миновали всѣ препятствія.

Прекрасный почтовый домъ Казбека стоитъ на высокой, узкой равнинѣ, и бѣлыя стѣны его рѣзко отдѣляются отъ темнаго фона всего ландшафта. Возлѣ станціи небольшая церковь во имя св. Стефана (Степанъ-Цминда), (*) сложенная изъ дикаго камня и по стѣнамъ изукрашенная выпуклыми изображеніями различныхъ животныхъ. Недалеко отъ церкви—замокъ князя Казибека, выстроенный изъ дикихъ же камней, съ башнями, балконами и плоскою крышей. Позади замка прислонились къ скалѣ мрачныя сакли грузинъ и осетинъ, почти незамѣтныя издали, а вблизи похожія на груды камней, сложенныхъ кубическими саженями. Тамъ и сямъ торчатъ тоже почернѣвшія, полу-разрушенныя башни. По склону крутой горы спускается тропинка къ Тереку, который, «присмирѣвъ» на время, позволилъ здѣсь перебросить чрезъ себя легкій мостъ для пѣшеходовъ. За мостомъ тропинка снова вьется вверхъ по горамъ, до аула Гержеты (Гергети), потомъ заглядываетъ въ двѣ-три развалины и наконецъ достигаетъ монастыря св. Троицы (Цминдо-Самеба); еще выше—другой монастырь (**) (св. Нины—Цминдо-Нино); а за этимъ послѣднимъ жилищемъ человѣка, заслонивъ солнце,

(*) Цминда, или Цминдо — по грузински, означаетъ собственно монастырь.

(**) См. Извѣстные стихи Пушкина: «Монастырь на Казбекѣ.» Или у Лермонтова:

Одинъ изъ праотцевъ Гудала,
Грабитель путниковъ и селъ,
Когда болѣзнь его сковала
И часъ раскаянья пришелъ,
Грѣховъ минувшихъ въ искупленье,
Построить церковь обѣщалъ
На вышинѣ гранитныхъ скалъ,
Гдѣ только вьюги слышно пѣнье,
Куда лишь коршунъ залеталъ, —
И скоро межь снѣговъ Казбека
Поднялся одинокій храмъ.

поднимается снѣговая вершина Казбека. Кругомъ всего ландшафта обступили снѣжныя горы. Чудно!

Вскорѣ по пріѣздѣ на станцію мы отправились осматривать сакли. Внутренность ихъ еще мрачнѣе, еще непріятнѣе внѣшности. Представьте себѣ закоптѣлую отъ дыма, душную землянку или каменку, безъ мебели, безъ оконъ, съ однимъ только небольшимъ отверстіемъ, которое служитъ и дверью и едва пропускаетъ внутрь свѣтъ Божій, — свѣтъ южнаго солнца. И въ этомъ логовищѣ звѣрей живутъ люди, живутъ женщины, — и какія женщины! Самъ Мурильо, самъ Корреджіо не отказались бы взять ихъ въ натурщицы для своихъ безсмертныхъ твореній. Но лучше всѣхъ, обаятельнѣе всѣхъ была дѣвочка лѣтъ тринадцати, съ матовымъ цвѣтомъ кожи, съ тонкими чертами лица, съ глазами, горѣвшими тихимъ, яснымъ свѣтомъ. Чудную головку ея можно сравнить съ головкою Грёза, вставленною въ безобразную мрачную рамку. Милое дитя природы! какъ много въ твоихъ взглядахъ безсознательнаго чувства, неопредѣленной меланхоліи!... Какою свѣтлою радостью одушевились твои подвижныя черты при взглядѣ на подарокъ, къ которому ты со страхомъ и любопытствомъ протягиваешь свои тонкія, гибкія руки! Зачѣмъ прекрасныя формы твои покрыты грязнымъ рубищемъ, спрятаны во мракѣ отвратительной сакли? Что̀ будетъ съ тобою современемъ и чѣмъ бы могла ты быть, еслибъ коснулось тебя образованіе?...

Ужь вечеръ. На всякій случай положивъ въ карманъ своего сюртука пистолетъ, я вышелъ изъ селенія и опустился къ Тереку. На берегу его стояло нѣсколько женщинъ, пришедшихъ сюда за водою, съ кувшинами на головахъ. Одѣты онѣ были, по обыкновенію, грязно, но всѣ въ чевякахъ (башмакахъ), даже щегольскихъ въ сравненіи съ прочей одеждой. Вообще нужно замѣтить, что на Кавказѣ не встрѣтишь босоногихъ, ни мужчинъ, ни женщинъ. Между прекраснымъ поломъ, собравшимся у водоема, происходилъ живой разговоръ, сопровождаемый рѣзкими жестами. Группа была довольно живописна. Одна грузинка стояла *какъ тополь*, поддерживая обѣими руками кувшинъ на головѣ, другая небрежно опустила его на землю, третья наклонилась, чтобъ зачерпнуть воды, да такъ и осталась, будто окаменѣла. Ее слишкомъ занимаетъ разговоръ подругъ, и она какъ будто боится прервать его своимъ движеніемъ. Водоемъ, какъ извѣстно, для восточной женщины то же, что̀ для нашихъ публичное собраніе: здѣсь сообщаются всѣ новости, всѣ сплетни.

Стемнѣло. Перебравшись черезъ мостъ на ту сторону Терека,

я бродилъ по берегамъ его часа два-три и около полуночи возвратился на станцію.

На станціи собралось цѣлое общество. Спутница моя и мой спутникъ бесѣдовали съ элегантнымъ французомъ-туристомъ, проживавшимъ на Казбекѣ для охоты за турами, и съ здѣшнимъ помѣщикомъ княземъ Казибекомъ, офицеромъ русской службы.

Общество, обезпокоенное моимъ позднимъ отсутствіемъ, встрѣтило меня вопросомъ: не случилось ли чего со мною?

— Здѣсь иногда бываютъ довольно непріятныя встрѣчи, сказалъ князь: — и не совсѣмъ-то безопасно выходить изъ дому такъ поздно и безъ оружія.

Мнѣ не хотѣлось разочаровывать общество, и я сказалъ, что будто бы точно напали на меня черкесы, но что я не потерялъ присутствія духа и геройски отъ нихъ отдѣлался. Всѣ подивились моему мужеству и продолжали разговоръ, прерванный моимъ приходомъ.

— Такъ вы не убѣждены, что осетины чисто-нѣмецкаго происхожденія? спросилъ французъ моего спутника.

— Да, не убѣжденъ, отвѣчалъ тотъ.—Я знаю, что современная филологія открыла въ языкѣ осетинъ много славянскихъ и нѣмецкихъ словъ: это подтверждаетъ и Гумбольдтъ; знаю, что народъ этотъ, при всей своей дикости, сохранилъ слѣды лучшаго происхожденія, чѣмъ прочіе горскіе народы; это свидѣтельствуютъ: сравнительная чистота и удобство ихъ жилищъ, шкафы, кровати, кресла съ рѣзьбою, напитки, изысканная пища, о чемъ другія кавказскія племена, болѣе развитыя, неимѣютъ понятія. Но что же все это доказываетъ? что осетины остатокъ какого-то, нѣкогда образованнаго народа Азіи, загнаннаго въ трущобы Кавказа бурями, потрясавшими міръ древній. И такъ какъ Кавказъ былъ всеобщимъ трактомъ переселенія народовъ Азіи въ Европу, то мнѣ кажется весьма естественнымъ предположеніе, что нѣмцы и славяне внесли свой элементъ въ жизнь и языкъ осетинъ. Вѣроятно, осетины — тѣ самые яссы, которые платили дань русскому князю Ярославу. По крайней мѣрѣ такъ же трудно доказать ихъ нѣмецкое, какъ и славянское происхожденіе.

— Eh, non, Monsieur, vous êtes loin de la vérité! это—нѣмцы, настоящіе нѣмцы! Вы вполнѣ согласитесь со мной, когда я вамъ сообщу филологическія открытія, сдѣланныя мною въ языкѣ осетинъ. Да вотъ, напримѣръ, слово Казбекъ: не исковерканное ли это — *Кацбахъ?* Я уже не говорю о томъ, что гора *Гутъ* имѣетъ чисто нѣмецкое названіе. Весьма естественно, что первые переселенцы Германіи, увидѣвъ эту живописную гору, выразили свое удоволь-

ствіе словомъ *gut;* его подслушали другіе народы Кавказа, и гора сохранила это названіе. C'est clair!

Спутникъ мой улыбнулся и не возразилъ. Но князь замѣтилъ:

— Слово Казбекъ, или, правильнѣе, Кази-бекъ, не осетинское, а вообще монгольское и состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ словъ, подобно Кази-муллѣ, Кази-Кумыку и проч.

— Извините за любопытство, сказалъ я, обращаясь къ французу: — вы, вѣроятно, принадлежите къ числу ученыхъ?

— Не совсѣмъ.... Впрочемъ, я членъ Общества Испытателей Природы, членъ Общества Изслѣдователей Древности, членъ....

— И вы здѣсь съ ученой цѣлью?

— Нѣтъ, больше какъ аматёръ, охотникъ. Впрочемъ, я имѣю порученіе собрать нѣкоторые замѣчательные и рѣдкіе индивидуумы изъ царствъ растительнаго и животнаго.... Видѣли вы моихъ туровъ? Неправда ли, чудные звѣри? Я ихъ подарю Парижской Академіи.

И французъ принялся развертывать шкуры дѣйствительно замѣчательныхъ и рѣдкихъ животныхъ.

— Вы, сказалъ я французу: — слишкомъ скромны, называя себя только любителемъ: вы—глубокій ученый, и изслѣдованія ваши о Кавказѣ, въ отношеніи геогнозіи, зоологіи и проч. и проч., а всего болѣе этнографическія открытія, сдѣланныя вами путемъ остроумныхъ филологическихъ гипотезъ, принесутъ большую пользу наукѣ. Побольше бы Россіи такихъ глубокихъ изслѣдователей-иностранцевъ! Ато, правду сказать, бо́льшая часть изъ нихъ, въ особенности изъ вашихъ соотечественниковъ, разсказываютъ о Россіи удивительную чепуху. Они полагаютъ, что, проѣхавъ отъ Петербурга до Москвы, напримѣръ, они уже изучили наше отечество вдоль и поперекъ. Они думаютъ, что довольно узнать одно слово, чтобы на немъ основать цѣлую филологическую систему.

Французъ какъ будто понялъ, въ чей огородъ летѣли камни. Онъ оставилъ разговоръ о наукѣ и обратился къ нашей спутницѣ, любезно и живо переходя съ предмета на предметъ: онъ говорилъ о живописи, музыкѣ, «о Шиллерѣ, о славѣ, о любви», потомъ завелъ рѣчь о томъ, какъ пріятно встрѣтить на пути людей, съ которыми можно поговорить обо всемъ, какія съ нимъ были романтическія приключенія во время его экскурсій по свѣту, и т. д.

— Вы много путешествовали?

— Oh, madame, je connais l'Europe, comme les poches de mon paletot! Былъ и въ Бельгіи.... какой чудный край эта Бельгія! мосты, желѣзныя дороги, каналы, пароходы! какія дачи! Есть много развалинъ. Вотъ, напримѣръ, замокъ графа Мерода, по дорогѣ въ На-

мюръ. Года два тому назадъ, тамъ открыли допотопное животное и окаменѣлый трупъ человѣка величиною въ семь футовъ. Знаете ли вы, какъ въ Бельгіи поднимается поѣздъ желѣзной дороги на гору?

— Нѣтъ, не знаю.

— Представьте себѣ: на горѣ выстроена машина... Вамъ, конечно, извѣстно, что паровозъ не можетъ подняться на гору: eh bien! тогда онъ останавливается у ея подножія; съ горы спускаютъ мелкую цѣпь, одинъ конецъ которой навертывается на колесо стоящей на горѣ машины, а другой закладывается за переднія колеса паровоза. Тогда приводятъ въ дѣйствіе машину, стоящую на горѣ; на ея колесо навертывается цѣпь, и поѣздъ поднимается. Чтобъ спуститься съ горы и предупредить раскатъ, цѣпь перекладываютъ за заднія колеса послѣдняго вагона; опускаютъ тормазы (les freins), и паровозъ спускается. Есть и тоннели. По дорогѣ въ Парижъ до двадцати тоннелей, таинственный мракъ, прекрасныя окрестности. Хороши и у васъ виды по Московской желѣзной дорогѣ: очень живописны.

— Вы находите? спросила съ удивленіемъ дама.

— Oh, oui, madame! Отъ самого Петербурга идетъ очень игривая мѣстность.

— Игривая? По моему, бо́льшею частію ровное болото и степь.

— A propos, madame. Скажите, сдѣлайте одолженіе, какъ называется эта большая рѣка въ Россіи, важная въ коммерческомъ отношеніи?

— Волга.

— Ah, oui, Volga!... Merçi, madame!... Volga, oui, c'est ça... Русская исторія....

Уставъ слушать неистощимаго француза, я обратился къ князю:

— Что́, эти туры дѣйствительно убиты французомъ?

— О, да, онъ хорошій охотникъ, отвѣчалъ князь: — вѣрно бьетъ и легокъ на ногу; а это послѣднее достоинство весьма важно при охотѣ за турами, потому что надобно подниматься на горы почти до снѣговъ.

— Скажите, пожалуста, можно взобраться на самую вершину Казбека?

Князь улыбнулся и, помолчавъ немного, отвѣчалъ:

— Здѣшніе жители считаютъ это невозможнымъ. Былъ у насъ, въ 1844 году, докторъ Голнати (Коленати), который хвасталъ, что дошелъ до вершины, а правда ли, не знаю.

— Такъ вы думаете, что онъ хвасталъ?

— Другіе говорятъ, а я не знаю, уклончиво отвѣчалъ князь.

Я и прежде слышалъ, что суевѣрные жители этихъ мѣстъ не вѣрили г. Коленати и его спутникамъ, что они были на Казбекѣ. Но едва ли эта недовѣрчивость имѣетъ основаніе: Коленати принадлежитъ къ числу тѣхъ уважаемыхъ ученыхъ путешественниковъ, которые едва ли станутъ приписывать себѣ мнимые подвиги. Впрочемъ, пусть говоритъ самъ путешественникъ (*).

«Въ 1843 году — пишетъ г. Коленати — вершина Казбека представилась мнѣ совершенно въ другомъ видѣ. Восточный отрогъ ея заканчивался остріемъ и нѣсколько склонялся къ юго-востоку. Теперь же (въ августѣ 1844 года) отрогъ этотъ былъ необыкновенно округленъ и казался ниже, по крайней мѣрѣ одинаковой высоты съ западнымъ отрогомъ. Это значило, что количество снѣга въ настоящее время поубавилось, и, слѣдовательно, можно было заранѣе надѣяться на успѣшное окончаніе моего предпріятія — взобраться на вершину Казбека.

«Наканунѣ назначеннаго дня для восхожденія на Казбекъ облака заволокли ледяное чело горы и начались грозы съ сильными дождями.

«— Два мѣсяца здѣсь не было дождя, говорили мнѣ жители Казбека и Гержеты: — а теперь, когда ты хочешь подняться на Корванъ-Цвери (Ледяная Гора), и дождь идетъ, и громъ гремитъ: это *Цанистай* говоритъ тебѣ, что твое намѣреніе великій грѣхъ!»

Здѣсь мы сократимъ разсказъ г. Коленати и вмѣстѣ дополнимъ его свѣдѣніями, полученными нами изъ другихъ источниковъ.

Въ это время непогоды (8 августа) начала бушевать *Бѣшеная балка* (см. выше). У входа въ балку собралось такое множество камней и напоръ воды былъ такъ силенъ, что Терекъ на нѣсколько минутъ остановился въ своемъ теченіи, тамъ, гдѣ наибольшая высота его паденія, именно двадцать футовъ на четверть версты. Почтовую телѣгу со всею упряжью перебросило какъ щепку на противоположный берегъ рѣки. Человѣколюбивый докторъ бросился помогать людямъ. Но этотъ подвигъ стоилъ ему сильной лихорадки, которая и продержала его два дня въ постели.

11-го августа погода прояснѣла, лихорадка доктора прошла, и онъ отправился на гору. Товарищами и проводниками его былъ какой-то Циклуръ и три грузина, «сильные, храбрые и, главное, хорошо знающіе мѣстность». Первый путь свой путешественники направили къ аулу Гержсты чрезъ Терекъ.

Жители аула называютъ себя кейсуретами. Они не ѣдятъ свинины, и Гиго, тамошній урожденецъ, одинъ изъ проводниковъ,

(*) Отчетъ о путешествіи г. Коленати на Казбекъ былъ напечатанъ въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ 1844 года.

просилъ г. Коленати не брать съ собою свинины, чтобы не осквернить священнаго Терека. Парротъ и Энгельгардтъ, въ своемъ путешествіи, утверждаютъ, что жители Гержеты — грузины. Г. Коленати, согласно съ ихъ собственнымъ показаніемъ, считаетъ ихъ за смѣшанное поколѣніе грузинъ и осетинъ. Намъ кажется, что они ближе къ послѣднимъ. Они не признаютъ ни христіанской, ни магометанской религіи.

Изъ Гержеты путники поднялись на гору (Квенешъ-мты), которая возвышается на 235 туазовъ (по другимъ, на 7,673 фута) надъ станціею Казбекъ. Здѣсь находится церковь, или монастырь Святой Троицы (Цминдо-Самеба, называемый иногда и Гергети, по имени аула), построенный, въ 1787 г., грузинскою царицею Тамарою. Божественная служба совершается здѣсь только одинъ разъ въ годъ— въ день Святой Троицы. Въ церкви сохраняются древніе турецкіе бунчуки; кельи и ограда въ развалинахъ. Охраненіе церкви поручено нѣсколькимъ семействамъ, которыя, съ давнихъ временъ, получаютъ за то по два пуда хлѣба, съ каждаго двора всѣхъ жителей Хевскаго ущелья. Здѣсь путешественники провели ночь и слѣдующій день, по причинѣ грозы и сильнаго дождя.

13-го августа утромъ отправились они выше по горному хребту, въ такъ называемый Виелесмъ—мѣсто, почитаемое грузинами святынею. Оно въ четырехъ верстахъ отъ Цминда-Самеба и означено каменною пирамидою. Здѣсь путешественники сдѣлали барометрическое наблюденіе и поднялись наверхъ, по узкой тропинкѣ къ *Нино-Цминда* (монастырь св. Нины), небольшому развалившемуся зданію, выстроенному изъ трахитоваго порфира.

На этой вышинѣ исчезли уже всѣ явнобрачныя растенія; только мхи покрывали обнаженныя горныя породы. Сильная снѣговая мятель съ дождемъ и холодъ принудили путешественниковъ искать, по возможности, покойнаго ночлега. Съ этой цѣлью они спустились въ пропасть, которая была 18 туазовъ (около 17 саженъ) глубиною. Здѣсь, послѣ долгихъ исканій, успѣли они открыть, посреди снѣга, небольшую площадку, покрытую приземистыми горными растеніями, и расположились на ней. Высота мѣстности была 568 туазовъ надъ станціею Казбекъ.

14-го августа, пользуясь ясной погодой, г. Коленати, въ пять часовъ утра, отправился въ путь. Онъ перешелъ черезъ источникъ рѣчки Джари, повернулъ къ главному леднику того же имени и съ трудомъ, съ помощью горныхъ башмаковъ, подбитыхъ гвоздями, переступалъ по его гладкой, ледяной, безснѣжной поверхности. Почти на концѣ ледника остановила путешественниковъ трещина, шириною въ три аршина и глубиною въ восемнадцать саженъ, на днѣ

которой шумитъ главный рукавъ Джари. Послѣ небольшого обхода, напали они на мѣсто, гдѣ трещина была не шире аршина, и гдѣ, слѣдовательно, можно было безопасно перейти чрезъ нее; за ней лежала остальная, небольшая часть ледника, удобопроходимая. Такимъ образомъ путники добрались до пропасти, изъ которой течетъ источникъ, впадающій въ Джари. Теперь, чтобъ подняться еще выше, надлежало лѣзть по грудѣ камней, которые безпрестанно обваливались подъ ногами. Здѣсь исчезаетъ уже рѣшительно всякая растительность, и только на сѣверномъ концѣ этой каменной груды, гдѣ выставляется большой обломокъ скалы, путешественники нашли три полосы земли, шириною въ нѣсколько шаговъ. Это такъ называемыя Турьи Пажити (Дгшихви-мта, по грузински), мѣсто охоты нашего француза. Здѣсь виднѣлись еще нѣкоторыя явно и тайнобрачныя кавказскія растенія. На этихъ оазисахъ, оживляющихъ ледяную пустыню, охотники устроили себѣ постоянный шалашъ для ночлега и прикрыли его отъ дикаго звѣря стѣною изъ обломковъ скалъ, съ бойницами. Проводники разсказывали г. Коленати, что, въ 1811 году, докторъ Парротъ ночевалъ въ этомъ мѣстѣ, которое, кажется, и было предѣломъ его восхожденія.

Отсюда г. Коленати отправилъ одного изъ своихъ проводниковъ съ собранными растеніями и другими вещами, а самъ съ остальными товарищами отправился выше, оставивъ при себѣ только самое необходимое: топоръ, молотокъ, фляжку съ ромомъ и немного сыра и хлѣба.

Здѣсь начинается самая трудная часть путешествія г. Коленати, потому что уже выше дорога была совершенно неизвѣстна даже проводникамъ. На скалистомъ гребнѣ, что тянется на востокъ отъ Казбека, стоитъ крестъ, поставленный здѣсь однимъ монахомъ, который поднялся до этой высоты. Крестъ высѣченъ изъ трахита. Г. Коленати видѣлъ его только издали, но не подходилъ къ нему близко, потому что горныя породы, составляющія этотъ скалистый гребень, значительно разрушились отъ дѣйствія снѣга и воздуха.

Вотъ какъ описываетъ эту мѣстность Парротъ:

«... Крестъ вышиною $2^1/_2$ фута, возлѣ него стоитъ полу-круглая стѣна, сложенная изъ сланца, въ 4 фута вышиною и 19 футовъ длиною; рядомъ съ самымъ крестомъ стоитъ порфировая колонна изъ цѣльнаго куска. На этомъ же скалистомъ гребнѣ, только ближе къ вершинѣ, высѣчена чудесная пещера, называемая здѣсь монастыремъ (Цминда-Нино), гдѣ, по преданію туземцевъ, хранятся огромныя сокровища.»

Коленати выбралъ дорогу вправо. Здѣсь вдругъ открылась предъ нимъ пропасть длиною въ двѣ версты, шириною въ $^3/_4$ версты.

«Судя по высотѣ краевъ и ширинѣ пропасти, она должна имѣть — говоритъ г. Коленати — значительную глубину.»

Восточный конецъ ея наполняютъ ледники Цминда-Нино, которые постепенно переходятъ въ снѣговую массу; изъ юго-восточнаго конца пропасти выходитъ главный ледникъ Джари, а верхнюю, западную, часть ея занимаетъ снѣговая масса, разбросанная здѣсь въ чудныхъ фантастическихъ формахъ. Наши путники хотѣли миновать ледникъ Цминда-Нино № 1-й и подниматься по скалистой сторонѣ, ограничивающей эту гигантскую пропасть съ запада. Но этотъ путь сопряженъ былъ съ большими трудностями, а огромные валуны, разбросанные на поверхности ледника, отвѣчали за крѣпость льда. Это убѣдило путешественниковъ взять влѣво и продолжать путь черезъ самый ледникъ, прикрытый только что выпавшимъ снѣгомъ. Пропасть пересѣкали въ различныхъ направленіяхъ огромныя трещины, въ два и въ два съ половиною аршина и болѣе ширины, и почти безконечной глубины. Путники, для бо́льшей безопасности, связались другъ съ другомъ веревками и такимъ образомъ счастливо достигли противоположнаго края пропасти.

Теперь надлежало вырубать во льду ступени на протяженіи $^3/_4$ версты, потому что гора поднималась чрезвычайно круто (подъ угломъ 45°). Проводники два раза отказывались итти далѣе, и г. Коленати, чтобъ заставить ихъ слѣдовать за собою, самъ принужденъ былъ рубить ледъ топоромъ. Почти ползкомъ прошли они это пространство и въ 3 часа по полудни добрались до площадки, которую образовала небольшая скала, выдающаяся на восточной сторонѣ снѣговой шапки Казбека.

Здѣсь былъ предѣлъ восхожденія г. Коленати. Отсюда гора поднимается почти отвѣсно (подъ угломъ 57°). По барометрическому наблюденію, высота этого пункта надъ станціей Казбекъ была 1,360 туазовъ.

«Такимъ образомъ — говоритъ г. Коленати — мы стояли на высотѣ 2,275 туазовъ надъ поверхностью моря. Судя по глазомѣру, намъ оставалось еще до самой вершины восточнаго отрога Казбека не болѣе 35 туазовъ (около 27 саженъ). Во время барометрическаго наблюденія термометръ показывалъ 2° тепла и стояла совершенная тишь. Погода была ясная, но мы не видали ни Эльбруса, ни Арарата.»

Выцарапавъ на оловянной фляжкѣ латинскую надпись въ память своего восхожденія на Казбекъ, Коленати воткнулъ ее въ трещину скалы, прикрывъ камнями отъ бурь и мятелей, и пустился въ обратный путь. Теперь предстояли ему еще бо́льшія опасности: снѣгъ,

разогрѣтый солнечными лучами, началъ къ вечеру замерзать и ужасно скользилъ подъ ногами. Силы путниковъ также совершенно ослабѣли. Въ 9 часовъ вечера они достигли, однакожь, благополучно *Туровой Пажити*, гдѣ провели ночь. У нихъ не было ни полѣна дровъ, такъ что они должны были, чтобы согрѣться, жаться другъ къ другу. Цнклуръ заболѣлъ лихорадкою и продрожалъ всю ночь, а къ утру открылась у него снѣговая слѣпота и воспаленіе въ глазахъ. Туземцы видѣли въ этихъ недугахъ наказаніе Цанистая.

Г. Коленати оставилъ съ Цнклуромъ другого проводника, а самъ отправился въ Нино-Цминдо (Виѳлеемъ), куда собралось въ этотъ день множество богомольцевъ, которыхъ привлекло сюда, кромѣ религіозной цѣли, также и желаніе видѣть результатъ *дерзости* доктора.

«На станціи Казбекъ — говоритъ г. Коленати — гдѣ считали меня погибшимъ, появленіе мое всѣхъ удивило: никто не вѣрилъ, чтобы я избѣгъ наказанія Цани, пока проводники мои клятвою не подтвердили милостиваго обхожденія съ нами Горнаго Духа.»

Но, какъ мы уже слышали, и до сихъ поръ есть еще неубѣжденные въ дѣйствительности восхожденія доктора на Казбекъ.

До г. Коленати восходили на Казбекъ гг. Парроты; но они не достигли вершины, и измѣренія различныхъ пунктовъ этой горы, ими сдѣланныя, оказались невѣрными. Настоящую же высоту всей горы они опредѣлили приблизительно и, слѣдовательно, тоже неточно. Вотъ различныя высоты Казбека, по наблюденіямъ различныхъ лицъ:

Вершина Казбека надъ поверхностью моря.

2,400 туазовъ, по Энгельгардту и Парроту, наблюдавшимъ въ 1811 году.

2,455 туазовъ, по опредѣленію академика Мейера, сдѣланному въ 1829 году.

2,308 туазовъ, по наблюденію доктора Коленати, въ 1844 году.

2,896 туазовъ (*), по вычисленію Главнаго Штаба полковника Ходзько въ 18.. году.

Принявъ послѣднее наблюденіе за точнѣйшее, мы видимъ, что Казбекъ, по высотѣ своей, занимаетъ пятое мѣсто между высотами главнѣйшихъ горъ земного шара, а именно:

(*) 16,553 фута.

Горы.	Высота въ метрахъ.	Наблюдатели.
Этна	3,315	кап. Смитъ.
Юнгфрау	4,181	Тральсъ (Tralles).
Монбланъ	4,808	Рожеръ (Roger).
Казбекъ	5,081	полковникъ Ходзько.
Араратъ (*)	5,204	Абихъ.
Эльбрусъ	5,686	полковникъ Ходзько.
Чимборазо	6,529	А. Гумбольдтъ (**).
Давалагири	8,556	

Замѣтимъ кстати,что гг. Парроты объявили, будто бы на всемъ хребтѣ Кавказскихъ горъ нѣтъ ледниковъ , тогда какъ г. Коленати нашелъ ихъ восемь на одномъ Казбекѣ.

Существуетъ убѣжденіе, что Казбекъ періодически, черезъ каждыя семь лѣтъ, сбрасываетъ огромный ледяной и каменный обвалъ; но уже съ 1833 года обваловъ съ Казбека не было. Они падали въ 1776, 1785, 1808, 1817, 1820 и 1833 годахъ. Лавины эти низвергаются у рѣчки Чакъ-донъ и производятъ страшное опустошеніе. Терекъ , задавленный массою обвала , длиною въ три версты и до 60 саженъ вышиною , образуетъ обширное озеро и только чрезъ нѣсколько дней успѣваетъ прорвать себѣ жолобъ , а ледяная арка сохраняется надъ нимъ годъ , а иногда и два. Здѣсь кстати припомнить превосходные стихи Пушкина :

ОБВАЛЪ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщетъ боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могучій валъ
Остановилъ.

Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О, Терекъ, ты прервалъ свой ревъ,

(*) Послѣ паденія — ниже.

(**) Сравнительныя высоты эти , за исключеніемъ высотъ Казбека, Арарата и Эльбруса, взяты изъ 2-го примѣчанія 1-ой части «Космоса». Высоты же Кавказскихъ горъ взяты изъ «Кавказскаго Календаря» 1852 года.

Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга....
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.

И долго прорванный обвалъ
Неталой грудою лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкій шелъ:
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ.

В. МЕЛЬНИЦКІЙ.

ДОМЪ ВЪ ЧЕТЫРЕ ЭТАЖА.

(Физіологическій очеркъ.)

Я убѣжденъ, что квартира француза скорѣе можетъ быть названа его замкомъ, чѣмъ домъ англичанина. Во Франціи нѣтъ у васъ докучливыхъ служанокъ, которыя берутся не за свое дѣло, нѣтъ молотковъ у дверей (по крайней мѣрѣ они не въ употребленіи).

Домъ, въ которомъ я живу, выстроенъ въ четыре этажа и представляетъ своего рода отдѣльныя цитадели, точно у средневѣковыхъ князьковъ. Обитатели его подвергаются, правда, посѣщеніямъ хозяевъ и жалобамъ сосѣдей, въ случаѣ, если слишкомъ часто или ревностно упражняются на турецкомъ барабанѣ или волторнѣ; но, исключая эти маленькія неудобства, они также полновластны въ своихъ покояхъ, какъ какой нибудь баронъ стараго времени за зубцами стѣнъ своего замка. Лѣстница, единственная (и, надо прибавить, не особенно чистая) въ цѣломъ домѣ, составляетъ какъ бы нейтральную территорію; это — сборное мѣсто для котовъ и кошекъ всѣхъ этажей, для болтливыхъ кухарокъ, которыя толкуютъ тутъ о разныхъ предметахъ въ свободное послѣобѣденное время. Но самые замки все-таки остаются неприкосновенными.

Между обитателями нашихъ четырехъ этажей существуетъ довольно нѣжная, чисто-сосѣдская дружба; но наши замки не терпятъ чуждаго вліянія, и каждый изъ насъ дѣлаетъ изъ своего до-

VI.

ПЕРЕѢЗДЫ ПО РОССІИ ВЪ 1852 ГОДУ.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.(*)

ЧЕРЕЗЪ ГОРЫ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Утро въ горахъ. — Разлука съ Терекомъ и встрѣча съ Арагвой. — Станція Коби и вѣчная зима. — Минеральные ключи. — Пріютъ для застигнутыхъ бурею въ горахъ. — Крестовая гора: *перевалъ* черезъ Кавказскій хребетъ. — Русское и грузинское преданія. — Чертова долина. — Домъ Гудала. — Гудъ-гора. — Мтіулетскія горы. — Кайшаурская долина и станція. — Квишетская долина. — Станціи Пассанауръ и Ананауръ. — Чертовы духаны. — Осетины и Осетія. — Военно-Грузинская дорога.

«.... Звѣзды узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ и одна за другою гасли, по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно круглыя отлогости горъ, покрытыя снѣгами. Направо и налѣво чернѣли мрачныя пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь какъ змѣи, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто чувствуя и пугаясь приближенія дня.» (**)

Въ такое утро выѣхали мы со станціи Казбека.... Подъ нами плавало море тумана, изъ подъ котораго какъ острова порой выглядывали нѣкоторыя горы, а по бокамъ стояли маститые старцы Кавказа, полные таинственной дремоты.... Вотъ съ вершины ихъ спустилось въ долину облако и блуждаетъ тамъ одинокое.... Туманы рвутся достигнуть его, слиться съ нимъ, но, безсильные, падаютъ на землю. Въ воздухѣ тихо; на душѣ легко: она какъ будто

(*) См. «Современникъ» 1853, Смѣсь, №№ VI, VII и VIII.

(**) Лермонтовъ — «Герой Нашего Времени.»

отдѣлилась отъ земли и, блуждая вмѣстѣ съ туманами, хочетъ подняться въ невѣдомый міръ.

Хевское ущелье, по которому мы ѣдемъ, расширяется болѣе и болѣе и, соединясь, съ востока, съ ущельемъ Ухатъ, а съ запада съ Ноокаусскимъ и Трусовскимъ ущельями, образуетъ довольно широкую горную долину. По ней стремится Терекъ, здѣсь еще молодой, не окрѣпшій въ борьбѣ. Недалеко отсюда онъ беретъ свое начало, изъ четырехъ истоковъ снѣговой горы *Рессъ*, примыкающей къ Казбеку. Здѣсь путешественники разлучаются съ горнымъ, мутнымъ водопадомъ Терека и черезъ нѣсколько времени встрѣчаютъ голубыя, чистыя волны красавицы Арагвы, ласковымъ шумомъ привѣтствующія путника.

Тамъ, на станціи Казбека, былъ сѣверъ; здѣсь—уже вѣчная зима. Тамъ по уступамъ горъ засѣяны овесъ и ячмень; здѣсь и трава не растетъ. Огромныя пространства по склонамъ горъ и въ долинѣ покрыты снѣгомъ, и мы, въ іюлѣ, мѣстами ѣдемъ по ледяному помосту. Въ теченіе же трехъ зимнихъ мѣсяцовъ снѣгъ лежитъ здѣсь почти постоянно въ полтора аршина глубины. Жители станціи *Коби* и близъ нея лежащаго аула Алмазъ, съ церковью Цминда-Кархи, терпятъ нужду въ самомъ необходимомъ для жизни: въ дровахъ и хлѣбѣ. Часто первые бываютъ здѣсь дороже второго, даже продаются фунтами, по цѣнѣ невѣроятной: три коп. сереб. за фунтъ! За привозъ этихъ драгоцѣнныхъ дровъ какихъ нибудь верстъ за тридцать, за сорокъ, со станціи Ларсъ, гдѣ саженъ дровъ стоитъ около рубля сереб., берутъ зимою пять рублей сереб. съ сажени.

За Коби начинается легкій подъемъ къ подошвѣ *Крестовой горы*, на перевалъ черезъ Кавказскій хребетъ. При подъемѣ, у самой дороги, бьютъ два ключа углекислой воды, вливающіеся въ рѣчку Боровцаге (малый Терекъ). Здѣсь вообще вся окрестность изобилуетъ множествомъ минеральныхъ источниковъ, преимущественно кисло-холодныхъ. Дѣйствіе ключей Боровцаге на животный организмъ сильнѣе водъ Нарзана; но, по неудобству своего положенія—среди суровой природы, въ пустынномъ краѣ, ключи эти не могутъ привлечь къ себѣ больныхъ въ такомъ количествѣ, въ какомъ стекаются они къ богатырскому ключу, бьющему въ прохладной тѣни лѣсовъ, на берегу веселыхъ рѣчекъ Ольховки и Березовки.

Далѣе дорога круто идетъ въ гору, среди мертвой пустыни. Здѣсь, въ царствѣ свирѣпыхъ вьюгъ и мятелей, правительство построило надежный пріютъ для странниковъ, застигаемыхъ бурею... Когда забушуетъ мятель, въ пріютѣ этомъ раздается путеводный

звонъ колокола, подающій вѣсть о близкомъ спасеніи. Здѣсь постоянно живутъ два осетинскія семейства, на казенномъ содержаніи. Мѣсто это называется *Байдара;* оно возвышается надъ моремъ на 7,782 фута и послѣ укрѣпленія Кодорскаго есть самое высочайшее на Кавказѣ, гдѣ обитаетъ человѣкъ.

Отъ Байдары—двухъ-верстный подъемъ на *Крестовую гору*, на вершинѣ которой, возвышающейся надъ моремъ на 8,498 футовъ, поставленъ крестъ, давшій имя самой горѣ. Крестъ этотъ чугунный, хорошей работы, поставленъ на гранитномъ пьедесталѣ, съ слѣдующей надписью, по грузински и по русски:

Во славу Бога.

Въ управленіе Грузіею генерала отъ инфантеріи Ермолова, управляющій горскими народами маіоръ Давыдъ Конановъ.

1824.

Этотъ крестъ водруженъ при разработкѣ Военно-Грузинской дороги, на мѣстѣ стараго, небольшого креста, стоявшаго здѣсь до 1818 года. Подобные кресты встрѣчаются на всѣхъ большихъ перевалахъ Осетіи. Но водруженіе этого грузинское преданіе приписываетъ царицѣ Тамарѣ, а русское — Петру Великому. «Объ этомъ крестѣ — говоритъ Лермонтовъ — существуетъ странное, но всеобщее преданіе, будто его поставилъ Императоръ Петръ I, проѣзжая черезъ Кавказъ; но, во первыхъ, Петръ былъ только въ Дагестанѣ, и, во вторыхъ, на крестѣ было написано, крупными буквами, что онъ поставленъ по приказанію г. Ермолова, а именно въ 1824 г. Но преданіе, несмотря на надпись, такъ укоренилось, что, право, не знаешь чему вѣрить, тѣмъ болѣе, что мы не привыкли вѣрить надписямъ.»

Что́ касается до грузинскаго преданія, то здѣсь кстати замѣтить, что имя царицы Тамары пользуется огромною популярностью въ Грузіи: построеніе почти всѣхъ древнихъ церквей, замковъ и проч. зданій въ Закавказьѣ приписывается этой могущественной властительницѣ бывшаго Грузинскаго царства. Мы опередимъ свой путь и скажемъ, что по всей Грузіи имена бо́льшей части развалинъ соединены съ именемъ Тамары. Народная грузинская поэзія, воспѣвая эту царицу, говоритъ, что она, сопровождаемая великолѣпною свитою и цехами различныхъ мастеровыхъ, разъѣзжала по всему царству своему, избирала живописныя или уединенныя мѣста для своего пребыванія, для пировъ и молитвъ, и на тѣхъ мѣстахъ воздвигались замки, монастыри, башни. Потомъ ѣхали далѣе, и такимъ образомъ не осталось почти ни одной замѣчательной мѣстности, которая не носила бы на себѣ слѣдовъ пребыванія дѣятельной царицы.

Съ Крестовой горы открывается очаровательный видъ: отсюда спускъ въ *Чертову долину*.

«Вотъ романтическое названіе! Вы уже видите гнѣздо злаго духа между непроницаемыми утесами; не тутъ-то было. Названіе Чертовой долины происходитъ отъ слова *черта*, а не чортъ, ибо здѣсь когда-то была граница Грузіи (?).»

Отчего бы ни происходило это названіе, но Чертова долина дѣйствительно романтична. Налѣво была Гудъ-гора, направо — «пропасть такая, что цѣлая деревушка осетинъ, живущихъ на днѣ ея, казалась гнѣздомъ ласточки....»

«Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ, высоко-высоко, золотая бахрама снѣговъ, а внизу Арагва, обнявшись съ другой, безъименной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ какъ змѣя своею чешуею....»

Нѣтъ! и Лермонтовъ слабо передалъ эту картину.

Мы ѣдемъ по грудѣ безчисленныхъ камней, которые словно застывшимъ потокомъ лежатъ по склону Гудъ-горы. Арагва, въ буквальномъ смыслѣ, «серебряною нитью» тянется въ пропасти, откуда не долетаютъ до насъ ни шумъ волнъ, ни грохотъ водопада. Надъ Арагвой въ пропасти же чернѣетъ скала, по бокамъ обросшая лѣсомъ, увѣнчанная замкомъ изъ темно-сѣраго камня: это *домъ Гудала*....

«Высокій домъ, широкій дворъ
Сѣдой Гудалъ себѣ построилъ....
. . . . . .
Въ скалѣ нарублены ступени:
Онѣ отъ башни угловой
Ведутъ къ рѣкѣ; по нимъ мелькая,
Покрыта бѣлою чадрой,
Княжна Тамара молодая
Къ Арагвѣ ходитъ за водой.
.... безмолвно на долины
Глядѣлъ съ утеса мрачный домъ....

Онъ опустѣлъ и развалился. Уже нѣтъ Гудала и милой дочери его! Уже не пляшетъ она по кровлѣ замка, устланной коврами, и не ходитъ за водой къ Арагвѣ....

И «грустенъ замокъ, отслуживши
Когда-то въ очередь свою,
Какъ бѣдный старецъ, переживши

Друзей и милую семью....
Все дико. Нѣтъ нигдѣ слѣдовъ
Минувшихъ лѣтъ.....»

У ногъ печальной развалины Гудальскаго замка, на берегу Арагвы, разстилается осетинская деревня Гудъ, вѣроятно, давшая свое названіе и горѣ, по склону которой мы пробираемся съ опасностью полетѣть въ пропасть. Вспоминая незатѣйливую филологію француза, нашего казбекскаго знакомца, мы сами пускаемся въ диспуты о происхожденіи имени горы и деревни и рѣшаемъ споръ ученымъ открытіемъ, которое да позволено будетъ до времени скрыть отъ любознательныхъ читателей.

Между тѣмъ опасный подъемъ нашъ на Гудъ-гору совершился благополучно. Теперь предстоитъ спускъ еще опаснѣйшій. Ямщикъ ведетъ лошадей подъ уздцы; заторможенныя колеса прыгаютъ по каменнымъ ступенямъ дороги, раскатываются вправо и влѣво. Воображаю, какъ тутъ весело ѣхать зимой или осенью!

Недавно проѣзжалъ, говорятъ, здѣсь какой-то храбрый господинъ, съ женою, въ каретѣ. Напрасно жена упрашивала его выйти изъ экипажа: онъ остался. Колеса раскатились, постромки, въ которыхъ впряжены были волы, оборвались, и храбрецъ полетѣлъ въ пропасть, откуда подняли его уже воиномъ неба!

При спускѣ съ Гудъ-горы открывается уже менѣе мрачная перспектива. Мтіулетскія горы, озаренныя южнымъ сонцемъ, мѣстами поросли мелкимъ лѣсомъ, засѣяны хлѣбомъ. Природа оживаетъ здѣсь, но все еще бѣдна. Мѣстные жители привозятъ дрова за десять верстъ, по трудной дорогѣ. Вообще въ срединѣ Кавказскаго хребта отопленіе стоитъ дорого, и недавно открытый близъ Казбека торфъ принесетъ туземцамъ большую пользу. Почва здѣшняя едва производитъ ячмень. Хлѣбъ жители покупаютъ въ Владикавказѣ, а просо и кукурузу — въ Грузіи. Главнѣйшій и почти единственный источникъ домашняго богатства — скотоводство, весьма необширное; оно даетъ шерсть для сукна, поступающаго частію въ продажу и вообще извѣстнаго подъ именемъ *черкесскаго*, и молоко на сыръ и масло, сбываемые въ значительномъ количествѣ.

Здѣсь живутъ осетины и грузины. На зиму недостаетъ имъ средствъ къ пропитанію, и потому изъ каждаго семейства нѣсколько человѣкъ сходятъ на долины, для заработковъ. На это время оставляютъ дома только лошадей и необходимое число рабочаго скота (воловъ и буйволовъ), а овецъ и прочій скотъ угоняютъ въ ближайшія степи....

Вотъ предъ нами развернулась *Кайшаурская долина*. «Посмотрите на востокъ: что́ за край!»

«Подъ нами лежала Кайшаурская долина, пересѣкаемая Арагвой и другой рѣчкой, какъ двумя серебряными нитями; голубоватый туманъ скользилъ по ней, убѣгая въ сосѣднія тѣснины отъ теплыхъ лучей утра; направо и налѣво гребни горъ, одинъ выше другаго, пересѣкались, тянулись, покрытые снѣгами, кустарникомъ; вдали тѣ же горы, но хоть бы двѣ скалы, похожія одна на другую. И всѣ эти снѣга горѣли румянымъ блескомъ, такъ весело, такъ ярко, что кажется тутъ бы и остался жить навѣки....»

А тамъ:

.... на склонѣ каменной горы
Еще стоятъ до сей поры
Зубцы развалины старинной....

Это — древняя церковь *Цицхолисъ-Дзори*, огражденная каменною стѣною, съ высокою башней. Не здѣсь ли была заключена дочь Гудала?

Кайшаурская станція лежитъ на высотѣ 6,164 футовъ надъ поверхностію моря, и отсюда до Паханаура дорога начинаетъ круто спускаться въ прелестную Квишетскую долину, кругомъ сжатую горами, на выступахъ которыхъ тѣснятся башни и церкви, а снизу, съ сѣвера и востока, выбѣгаютъ на долину Арагва и Хоуисъ-Цхали. Посреди долины красивое село — мѣстопребываніе начальника горскихъ народовъ (нынѣ князя Казибека — брата владѣтеля Казбекскаго аула). Здѣсь встрѣтили мы остановку, по недостатку лошадей, которыя заняты были подъ экипажи горныхъ юношей, ѣдущихъ на сѣверъ, въ Петербургъ, учиться и потомъ вносить новую жизнь, европейскіе нравы и просвѣщеніе въ свое семейство, въ свои древніе замки, обвитые, вмѣстѣ съ плющемъ, суевѣріемъ и предразсудками. Добрый путь вамъ, дѣти! Милости просимъ къ намъ въ гости. Мы угостимъ васъ не чуреками, но азбукой.

Пробывъ у князя нѣсколько часовъ, среди этой живой и вмѣстѣ робкой, еще полу-дикой молодежи, мы отправились далѣе. Часъ отъ часу окрестности дороги становятся живописнѣе, игривѣе. Уже снѣговыя вершины горъ смѣнились лѣсистыми папахами. По склону скалъ — цвѣтистая трава, полосы проса, пшена, кукурузы. Смотря на эти клочки пашенъ, разбросанныхъ на высокой крутизнѣ, удивляешься труду человѣка, который взбирается туда съ сохой и парою быковъ. Чувствуешь невольный страхъ, видя, какъ грузинка или осетинка, съ нѣсколькими снопами на спинѣ, спускается по крутой тропинкѣ къ берегамъ Арагвы.

Тамъ и сямъ мелькаютъ сакли уже не столь мрачныя, какъ въ среднѣ горъ, осѣненныя орѣховыми рощами, украшенныя балконами, башнями.... Здѣсь югъ.

Въѣхавъ въ многолюдную станцію *Пасанаурѣ*, мы спустились уже въ долину, лежащую на 3,958 футовъ надъ моремъ. Здѣсь остатокъ русской крѣпости, теперь упраздненной. Отсюда идетъ новая дорога черезъ горы: перешагнувъ черезъ Арагву, она пробирается Гудомарскимъ ущельемъ, обходитъ Кайшауръ и Коби и кончается на Казбекской станціи, такъ что путешественникъ уже можетъ лишить себя удовольствія видѣть Чертову долину и съ комфортомъ, въ колескѣ, проѣхать чрезъ Кавказскій хребетъ. Удивительный подвигъ—эта дорога! Въ Гудомарскомъ ущельѣ находятся три военно-рабочія роты вѣдомства Путей Сообщенія и полугоспиталь.

На десятой верстѣ отъ Пасанаура—круглая башня *Черчали*, на правой сторонѣ дороги; а на лѣвой—такая же башня *Вашелобъ*—дѣлали непроходимымъ это ущелье, гдѣ лѣсистыя горы почти отвѣсно спускаются къ берегамъ Арагвы. Теперь башни эти полу-разрушены.

Станція *Анануръ* (на двадцать-первой верстѣ отъ Пасанаура и на высотѣ 2,812 футовъ надъ поверхностію моря) носитъ на себѣ уже печать не кавказской, а грузинской жизни. Это—бывшій уѣздный городъ (съ 1801—1811), а нынѣ мѣстечко. Въ немъ уже не сакли, а двухъ-этажные дома, съ плоскою крышею, съ балконами на тонкихъ столбикахъ, мѣстами выкрашенные голубою или зелёною краскою снаружи. Возлѣ станціи, на горѣ, развалины древняго укрѣпленнаго монастыря, съ двумя церквами. Отсюда пойдетъ рядъ развалинъ, съ непонятными надписями, съ догадками археологовъ.... Но не бойтесь, читатель: я не буду утомлять васъ повтореніемъ не разъ описаннаго и отсылаю вашу любознательность къ сочиненіямъ, исключительно посвященнымъ древнему быту Грузіи, — напримѣръ къ изслѣдованіямъ нашего академика Броссе, — а самъ постараюсь только рисовать вамъ очерки современной жизни Грузіи.

Дорога становится людиѣе; вотъ конные и цѣшіе путники тѣснятся у какихъ-то плоскихъ зданій, съ навѣсомъ впереди; въ нихъ слышатся шумъ и пѣсни.

— Что́ это за дома, ямщикъ?

— А Чертовы духаны.

— То есть?

— То есть лавки, корчмы по нашему, питейныя заведенія, то есть....

— А отчего Чертовы?

— А опять потому же, что есть Чертова долина.

Посмотримъ, что такое духаны.

Вотъ ихъ внѣшность: четырехъ-угольный деревянный или каменный сарай покрытъ плоскою земляною крышей; передняя сторона его почти не имѣетъ стѣны, и потолокъ спереди поддерживается столбиками. На ночь сторона эта прикрывается досками. Войдемъ въ духанъ, хотя изъ него сильно несетъ запахомъ водки, сала, бурдюка и проч. У стѣны, противоположной входу, придѣланъ каминъ; на немъ стоятъ котлы, грязные, закоптѣлые, со всею роскошью грузинской кухни; различныя яства также красуются на стойкѣ и распространяютъ зловоніе. Здѣсь и чуреки (тузменный, пресный хлѣбъ), и виноградъ, и арбузы, и дыни, и *чурчхели* (сласти), и другіе продукты. Къ потолку навѣшаны балыки, сальныя свѣчи и проч. Рядъ полокъ по стѣнамъ уставленъ различной формы и величины штофами, съ разноцвѣтными водками. Мебели никакой. За стойкой стоитъ духанщикъ. Рукава его засучены по локоть; платье перепачкано саломъ, потому что каждую минуту онъ погружаетъ свои пальцы въ кушанья, чтобъ подать ихъ посѣтителямъ, и потомъ вытираетъ руки объ полы. Онъ суровъ и молчаливъ, но—замѣчаетъ мой ямщикъ—только за стойкой своего духана, за которой торчитъ по цѣлымъ часамъ неподвижно: только протянетъ руку за тѣмъ или другимъ предметомъ, требуемымъ господами посѣтителями, да почешетъ тѣло, безпрерывно аттакуемое безчисленными непріятелями, странствующими въ его платьѣ, шапкѣ и волосахъ.

Духаны будутъ встрѣчаться намъ по всему Закавказью, въ городахъ и селахъ, и потому, чтобъ не возвращаться къ столь милому предмету, скажемъ о нихъ еще нѣсколько словъ.

Почти всегда духаны набиты посѣтителями. Духанщики выгодно сбываютъ свои продукты посѣтителямъ, которые, упившись, пускаются пѣть и плясать. Духаны пользуются дурною репутаціей въ глазахъ порядочныхъ людей. Въ городахъ высшіе классы общества ничего не берутъ изъ духана; зато прочіе не могутъ обойтись безъ него. Нерѣдко цѣлая семья посылаетъ своего работника (бичо) въ духанъ за завтракомъ, обѣдомъ и приличнымъ количествомъ чихиря или кахетинскаго. Въ городскомъ духанѣ располагается пріѣзжая деревенщина, которая послѣ легкой нарушки часто прощается со всѣмъ своимъ заработкомъ. По воскресеньямъ и праздникамъ въ духанѣ пиръ. Сюда стекаются ремесленники и работники: раздается писк зурны, грохотъ барабана и тари. Пиръ мало по малу принимаетъ буйный характеръ.

Мы на границѣ Грузіи — въ печальной долинѣ Карталиніи. Но оглянемся назадъ и посмотримъ на бытъ и нравы осетинъ, по горамъ которыхъ мы только что проѣхали. (*)

Осетинская область занимаетъ средину Кавказскаго хребта, вдоль Военно-Грузинской дороги, между Кабардою и лезгинскими народами. Всѣхъ осетинъ считается до осьмидесяти тысячь обоего пола. Народы осетинскаго племени, какъ-то: тагаурцы, алагирцы, дигорцы, куртатинцы и частію хевсуры и др., живутъ или отдѣльно отъ другихъ горскихъ племенъ, сосѣднихъ съ ними, какъ, напримѣръ, кистинъ, кабардинцевъ, лезгинъ и проч., или смѣшанно съ ними. Языкъ осетинъ—особенный отъ языка прочихъ горскихъ народовъ.

Но, несмотря на то, что всѣ осетины связаны между собою сродствомъ общаго языка, они, обитая въ различныхъ ущельяхъ, значительно отличаются между собою нравами, домашнимъ бытомъ, религіею и проч. Разсѣянность жилищь, расположенныхъ отдѣльными башнями, бо́льшею частію въ нѣдрѣ пустынныхъ горъ, трудность сообщенія и наконецъ особенный языкъ осетинъ, — все это способствовало отчужденію этого народа отъ другихъ племенъ и сохраненію въ немъ вѣковыхъ предразсудковъ и языческихъ вѣрованій.

Съ другой стороны, безпрерывное движеніе различныхъ народовъ черезъ Кавказскія горы, движеніе народовъ христіанскаго и мусульманскаго исповѣданія, безпрерывно вытѣснявшихъ другъ друга и оставлявшихъ въ нравахъ и религіи осетинъ печать своего вліянія, произвели странную смѣсь религіозныхъ обрядовъ, обычаевъ, законовъ въ народѣ, не вполнѣ подчинившемся чуждымъ вліяніямъ и не переставшимъ коснѣть въ мракѣ язычества.

«И въ настоящее время — говоритъ академикъ Шегренъ — эта странная смѣсь религіозныхъ понятій поддерживается различнымъ вліяніемъ сосѣднихъ разнорелигіозныхъ народовъ: грузинъ-христіанъ, кабардинцевъ-магометанъ, частію лезгинскимъ (**) и своимъ собственнымъ язычествомъ. Побѣжденные осетины держались политики слабыхъ: принимали только внѣшнія формы отъ побѣдителей и упорно держались своего. Теперь, при нашей вѣротерпимости и усиліяхъ сколько можно болѣе кроткими средствами образовать

(*) Матеріалами для этого очерка Осетіи служили намъ: газета «Кавказъ», представляющая многіе, хотя отрывочные и несвязные, но драгоцѣнные матеріалы для изученія Кавказа; «Закавказскій Вѣстникъ», «Voyge au Caucase par Dubois de Montpéreux» и проч. книги, вмѣстѣ съ собственными замѣтками и разсказами очевидцевъ.

(**) Костины, ингуши и др. лезгинскія племена—явные язычники.

этихъ дикарей, они худо понимаютъ настоящую цѣль правительства и сдѣлались въ отношеніи религіи ни то, ни сё. Мулла свободно кричитъ при колокольномъ звонѣ; кистинскій кумиръ *Гальердъ* покойно занимаетъ оставленную церковь царицы Тамары.»

Другой писатель говоритъ:

«Укрываясь въ ущельяхъ горъ отъ цивилизаціи, осетины остались преимущественно при своихъ жалкихъ, языческихъ понятіяхъ о религіи, при своихъ патріархальныхъ обычаяхъ, *носящихъ на себѣ слѣды элементовъ древняго міра.*»

Происхожденіе осетинъ составляетъ задачу, еще неразрѣшенную учеными. Есть много причинъ полагать, что въ давно-прошедшее время осетины или находились подъ вліяніемъ народа болѣе развитаго, или сами составляютъ остатокъ племени болѣе цивилизованнаго. Нѣкоторые писатели, изучавшіе бытъ одного осетинскаго племени и найдя близкое сходство въ одеждѣ и вооруженіи этого племени съ рыцарями крестовыхъ походовъ, спрашиваютъ: не потомки ли это древнихъ крестоносцевъ? Иначе, говорятъ они, откуда взялись эти кресты на платьѣ, эти надписи на желѣзныхъ щитахъ и прямыхъ палашахъ: *Gemca*, *Souvenir*, *Vivat stephan Batory*, *vivat Husar*, *Po lingen* и проч., съ изображеніями орловъ, коронъ, всадниковъ въ ментикахъ? откуда взялись эти шишаки, панцыри, *налокотники*, пики, манера драться одинъ на одинъ, прикрываясь щитами (подобіе дуэлей — суда Божія у рыцарей), чего нѣтъ у другихъ кавказскихъ народовъ?

Одежда женщинъ нѣкоторыхъ осетинскихъ племенъ также отлична отъ женской одежды прочихъ горскихъ народовъ: такъ, иныя осетинки носятъ браслеты, серьги, платья съ уборками въ нѣсколько рядовъ, широкія внизу, съ обручами въ родѣ фижмъ, широкіе шерстяные пояса, съ двумя большими кистями, на головѣ—повязку, въ родѣ тюрбана, длинные чулки вмѣсто шароваръ, обыкновеннаго костюма азіатокъ.

Но возвратимся къ религіи осетинъ:

Дюбуа (*) говоритъ, что аланы, или осетины, были христіанами, но въ 931 году по Р. Х. обратились къ исламизму. Грузинская царица Тамара снова ввела христіанство въ этомъ народѣ и построила церкви, развалины которыхъ и теперь часто встрѣчаются въ горахъ и ущельяхъ Осетіи. Затѣмъ, въ XI и XII вѣкахъ, русскіе властители Тмутаракани обратили кабардинцевъ къ христіанству. Черкесскіе госулари, прибывшіе съ своими клевретами изъ Крыма, для покоренія Кабарды, въ началѣ XV вѣка, были магометане. Начиная

(*) См. Voyage au Caucase, par Dubois de Montpéreux 6. vol. Paris. 1837.

съ половины XV столѣтія, Россія и магометанскіе татары, оспоривая другъ у друга Кабарду, внесли въ нее открытую борьбу между христіанствомъ и исламизмомъ. Къ этой же эпохѣ и этому самому обстоятельству, со всею вѣроятностію, надо приписать и отпаденіе осетинъ отъ вѣры христіанской, на томъ основаніи, что Осетія, въ особенности же Дигорія, смежна съ Черкессіею, и что, естественно, происшествія, случившіяся въ послѣдней, имѣли вліяніе на первую. Слѣдствіемъ такой борьбы было равнодушіе обоихъ племенъ къ той и другой вѣрѣ и совершенное возвращеніе къ смѣшаннымъ и неопредѣленнымъ суевѣріямъ.

Нынѣ въ Осетіи одни только дворяне или князья (*возданы*, *бадилате*) исповѣдуютъ исламизмъ сунитской секты, да и то безъ всякаго сознанія и часто насмѣхаясь надъ его церемоніями и нарушая главную заповѣдь, запрещающую употреблять вино и свинину. Впрочемъ, въ другихъ отношеніяхъ, какъ замѣчаетъ г. Шегренъ, они строже исповѣдуютъ свою религію, въ особенности, когда ея догматы не противорѣчатъ ихъ обычаямъ и страстямъ: такъ, въ отношеніи многоженства, всѣ осетинскіе дворяне, имѣющіе къ тому средства, строго держатся корана. Притомъ, по замѣчанію же г. Шегрена, упорство въ исламизмѣ происходитъ отъ худого толкованія словъ христіанинъ и крестьянинъ; осетинскіе старшины полагаютъ, что, принявъ христіанскую вѣру, они лишатся своего достоинства.

Простой народъ по большой части христіанскаго исповѣданія; но и здѣсь религія остановилась не на высокой степени набожности. Мужчины слабо ея придерживаются, а женщины еще слабѣе: онѣ, слѣдуя обычаю не выходитъ изъ дому и не показываться мужчинамъ, не бываютъ въ церкви, въ которую ходятъ только мужчины, да и тѣ часто оставляютъ божественную службу до ея окончанія по нѣсколько разъ, чтобъ покурить трубку, полежать и проч.

Всѣ осетины, живущіе въ горахъ, по сосѣдству съ явными язычниками: кистинами, ингушами и другими лезгинскими племенами, хотя, по видимому, христіане, но тайно признаютъ много самыхъ грубыхъ обрядовъ многоженства и язычества. Такъ, нѣкоторые считаются христіанами, а между тѣмъ, подъ разными предлогами и названіями, имѣютъ нѣсколько женъ, брѣютъ на головѣ волосы, дѣлаютъ омовенія, при свадьбахъ и похоронахъ вмѣстѣ съ христіанскими обрядами исполняютъ и языческіе, приносятъ жертвы кумиру, не ходятъ въ церковь, не знаютъ, что̀ такое Іисусъ, и въ то же время почитаютъ Михаила Архангела, Пророка Илію, Георгія Побѣдоносца и проч. Мусульманинъ-осетинъ, исповѣдуя секту

Суни, почти не знаетъ главныхъ обрядовъ ея, а еще менѣе ихъ исполняетъ; сами муллы ихъ — невѣжды въ своей религіи.

Всѣ осетинскія племена Владикавказскаго округа вѣрятъ въ Бога, въ будущую жизнь въ раю и аду, въ святыхъ, которые у самыхъ язычниковъ носятъ христіанскія названія, и считаютъ нѣкоторыя мѣста священными. Они вѣрятъ, что добрые будутъ по смерти наслаждаться многоженствомъ, гуляньемъ въ садахъ и хорошею пищею, что убитый непріятелемъ поступитъ прямо въ рай, и проч. Многіе смертные грѣхи, какъ, напримѣръ, кровомщеніе, считаются добродѣтелью; но убить простого человѣка, не врага — грѣхъ; украсть и быть обличеннымъ въ воровствѣ — тоже грѣхъ; но украсть ловко — не только не грѣшно, но даже похвально. Члены одного семейства, по понятію всѣхъ горцевъ, и на томъ свѣтѣ будутъ жить вмѣстѣ; поэтому ихъ и стараются хоронить на одномъ кладбищѣ, чтобъ не разрозниться на томъ свѣтѣ. Нерѣдко жена послѣ мужа возвращается къ своимъ родителямъ; но, когда она умретъ, родные съ мужниной стороны требуютъ ея тѣла, чтобъ похоронить его около мужа: считается, что если разъ заплаченъ калымъ, то жена вѣчно остается рабою мужа.

Осетины вѣрятъ въ ангеловъ, помощниковъ Божіихъ на землѣ, въ добрыхъ и злыхъ духовъ и въ сатану. По ихъ понятіямъ, въ каждомъ мѣстѣ находится злой духъ, который старается напроказить людямъ. Такъ, въ водахъ живутъ богини водъ (*дони-чизгъ* — водяныя дѣвушки, наяды, русалки), и когда кто утонетъ, то это ихъ проказы. Изъ святыхъ Михаилъ Архангелъ почитается даже чистыми идолопоклонниками. Пророкъ Илія — покровитель земледѣлія и скотоводства; ему воздаютъ особыя почести, празднуютъ его день и приносятъ жертвы. Св. Георгій Побѣдоносецъ считается покровителемъ путниковъ: ему молятся, отправляясь на войну, въ набѣгъ и дорогу, и приносятъ жертвы; св. Марія почитается покровительницею супружества и многочадія: ей молятся и приносятъ жертвы предъ и послѣ разрѣшенія отъ бремени, и проч. Кромѣ того у всѣхъ есть свои языческіе угодники (*) и священныя мѣста; эти пенаты — свои у каждаго племени, аула, семейства; немногіе изъ нихъ имѣютъ честь быть извѣстными на большомъ разстояніи.

Осетины празднуютъ новый годъ (которому предшествуютъ гаданія), Троицу и Духовъ день (*Кардахъ-хасанъ*, т. е. сборъ травъ), Богоявленіе (*Донъ-скафанъ*, т. е. взятіе воды), день пророка Иліи (*Вацила*, управляющій громомъ и молніею) и другихъ святыхъ. Праздникъ святому состоитъ изъ молитвъ и жертвъ, для чего вы-

(*) *Амардж* — богиня осны и всякаго рода болѣзней; *Восперджи* — покровитель охотниковъ и вообще всего народа, и проч.

бираютъ одну изъ ближайшихъ къ аулу горъ, которая и получаетъ имя этого святого; гора выбирается для того, что молитвы съ нея скорѣе дойдутъ куда слѣдуетъ. На горѣ устроивается изъ камня жертвенникъ, иногда капище. Къ празднику каждое семейство варитъ пиво, водку изъ проса, фасоль, печетъ чурекъ, жаритъ баранину и проч. и все это несетъ на гору. Кромѣ того, дѣлаются другія приношенія, по обѣщанію, данному ранѣе; приношенія эти состоятъ въ деньгахъ, мѣдныхъ или серебряныхъ сосудахъ, нарочно для этого вылитыхъ, и прочихъ вещахъ, которыя остаются навсегда при жертвенникѣ, а если въ горѣ есть пещера, то въ ней, и считаются неприкосновенными. Въ эти мѣста никто и никогда не долженъ вступать кромѣ дней праздничныхъ. Нарушившій таинственность священнаго мѣста или ослѣпнетъ, или станетъ косноязыченъ, или умретъ: такъ говорятъ народу жрецы, видя въ этомъ свою пользу.

Жрецъ-старецъ открываетъ праздникъ молитвой, содержаніе которой слѣдующее: обращеніе къ святому, которому празднуютъ, потомъ просьба о его защитѣ и покровительствѣ; потомъ просьба къ св. Иліи о покровительствѣ стадъ, къ св. Георгію — объ успѣхѣ путешествія или набѣга. Въ заключеніе молитвы обращаются къ Богу и просятъ Его о ниспосланіи всѣхъ благъ на землю и всѣхъ золъ на враговъ просящихъ. По окончаніи молитвы, съ разрѣшенія жреца, начинаютъ ѣсть и пить принесенное, плясать, веселиться и непремѣнно стрѣлять. Пиръ продолжается до глубокой ночи, иногда сутки и болѣе. Таковъ общій характеръ осетинскихъ праздниковъ.

По бо́льшей части сходбища эти кончаются драками, иногда до того жестокими, что нѣсколько человѣкъ умираютъ подъ кинжалами или остаются на всю жизнь изувѣченными; отсюда начинается страшное кровомщеніе, войны обществъ съ обществами....

Наканунѣ Новаго года раскладываютъ огни, поддерживаютъ ихъ всю ночь и утро, стрѣляютъ и потомъ ходятъ другъ къ другу съ *визитами*. На другой день мальчики странствуютъ по домамъ и поютъ пѣсни, въ которыхъ, поздравляя съ новымъ годомъ, желаютъ хозяину, чтобъ онъ застрѣлилъ на охотѣ оленя или чтобъ жена его родила сына (дочь—несчастіе), и пр., потомъ просятъ награды, и если ничего не получатъ, то затягиваютъ бранную пѣсню.

Осетины-язычники собираются въ горы и тамъ приносятъ жертвы *Гальерду*. Духъ этотъ не имѣетъ олицетворенія, но ему посвящены церкви и часовни, оставшіяся отъ христіанства, выстроены новыя капища, въ которыхъ приносятъ въ новый годъ жертвы: быковъ, барановъ, но преимущественно вновь отлитыя пули, и за-

жигаютъ свѣчи. Вѣщуны (кадаги), вмѣстѣ съ другими служителями капищь (старшими жрецами, пивоварами, старцами – ущелій и проч.), наканунѣ праздника отправляются къ капищу и тамъ, лежа на брюхѣ, остаются цѣлую ночь, прислушиваясь къ землѣ и приготовляясь къ прорицанію. Потомъ они объявляютъ волю невидимаго духа и предвидятъ состояніе усопшихъ. Кадаги, подъ вліяніемъ разгнѣваннаго божества, бѣснуется, кричитъ и плачетъ; его воззванія бываютъ въ слѣдующемъ родѣ:

«Сокрушу васъ, уничтожу, если не исполните моей воли!»

Народъ въ благоговѣйномъ трепетѣ окружаетъ кадага и проситъ его научить, чѣмъ умилостивить разгнѣванное божество. Здѣсь, разумѣется, онъ назначаетъ жертвоприношенія: коровъ, деньги, восковыя свѣчи, бо́льшую часть которыхъ эти пророки берутъ себѣ. Кадаги бываютъ и пожилыя женщины. Онѣ гораздо вреднѣе своимъ ожесточеннымъ, фанатическимъ бѣснованіемъ, вырываніемъ волосъ, царапаньемъ лица и грудп. Онѣ производятъ въ толпѣ волненіе; одна деревня начинаетъ обвинять другую въ проступкѣ, такъ сильно разгнѣвавшемъ божество, и дѣло опять доходитъ до оружія....

Троица празднуется во всѣхъ осетинскихъ аулахъ; въ этотъ день отдѣляютъ куски отъ приготовленныхъ для жертвы яствъ и кладутъ ихъ на дерево, посвященное празднику.

Праздникъ св. Иліи соблюдается всѣми горцами и бываетъ черезъ двѣ недѣли послѣ Троицы. За три дня до праздника, главный жрецъ приготовляется къ совершенію таинствъ и гаданью. Чтобъ очиститься предъ святымъ, онъ три дня обмывается молокомъ, потомъ, надѣвъ новое платье и взявъ съ собою пива, нарочно для этого сваренпаго, идетъ съ нимъ съ вечера на гору. Прійдя къ жертвеннику, жрецъ наливаетъ пиво въ священный сосудъ и, поставя его на самой вершинѣ горы, ложится возлѣ него спать. Въ эту ночь, Вацила (т. е. св. Илія) спускается будто бы съ неба и опрокидываетъ чашу. Поутру жрецъ смотритъ, въ которую сторону пролито пиво, и на этомъ основываетъ свои предсказанія: если, напримѣръ, пиво пролито къ горамъ, то урожай хорошъ будетъ у осетинъ; если къ Кабардѣ или Чечнѣ, то урожай будетъ въ тѣхъ земляхъ. Гадатель за хорошее гаданье получаетъ подарки мясомъ, хлѣбомъ и проч. Главный же жрецъ спрашиваетъ святого о средствахъ исцѣленія больныхъ, и не сердится ли Тбавъ-Вацила за что нибудь на больного. Получивъ таинственный отвѣтъ, что дѣйствительно сердится (такъ всегда отвѣчаетъ Вацила на гаданье), гадатель обращается къ больному: чѣмъ онъ провинился предъ святымъ? Тотъ признается, что не исполнилъ обѣта, не варилъ пива, и т. п. Жрецъ спраши-

ваетъ Илію, не угодны ли будутъ ему новыя жертвы, и тотчасъ получаетъ согласіе. Тѣмъ гаданье и кончается: жрецъ получаетъ подарки, Вацила—новыя жертвы; а больной если не выздоровѣетъ и умретъ, то самъ виноватъ: значитъ вновь прогнѣвилъ святого.

Но въ особенности замѣчательны праздники въ честь св. Георгія, къ которому осетинскіе простолюдины питаютъ особенное благоговѣніе. Въ Карталинской Осетіи даже образовалась было секта георгіанцевъ, членами которой были преимущественно женщины. Благодаря дѣятельности мѣстнаго начальства, нынѣ секта георгіанцевъ не существуетъ. Вотъ какъ описываетъ г. Б — дзе празднества георгіанцевъ, по показанію мѣстной власти:

«Горійскому земскому исправнику Гречкову велѣно было немедленно удостовѣриться на мѣстѣ, въ чемъ дѣло, и, если справедливы слухи, искоренить зло. Исправникъ беретъ съ собой переводчика, есаула да двухъ казаковъ и пускается въ путь.... и на ночь останавливается у князей Палавандовыхъ, мѣстныхъ помѣщиковъ. Князья совѣтуютъ начать изслѣдованія съ селенія Дзагинъ. Это — большая деревня съ древнею церковью св. Георгія. Завтра суббота, а по субботамъ и воскресеньямъ, какъ извѣстно, къ Дзагинскому храму стекается много народа на богомолье, и въ эти-то дни особенно хлопочутъ кадаги. Гречковъ отправляется утромъ въ Дзагины взявъ съ собою еще десять казаковъ. Но здѣсь не видно никакого движенія. Осетины, взявъ образъ св. Георгія, [illegible]ающійся чудотворнымъ, отправились въ Корниси, гдѣ въ лѣсу [illegible]итъ храмъ въ честь великомученика. Въ Дзагинахъ былъ праздникъ [illegible]канунѣ. Здѣсь исправникъ находитъ признаки недавней попойки и гулянья. Трава вокругъ церкви сильно помята; черно-зеленый грунтъ во многихъ мѣстахъ вдавленъ человѣческими ногами: видно, боролись или дрались.

«Вотъ выжженные отъ огней круги, гдѣ варились кушанья, множество разбросанныхъ головней и обглоданныхъ костей. Вонъ еще невысохшія лужи отъ пролитой крови и бульона. Птицы, собаки и свиньи доѣдаютъ то, что̀ осталось послѣ людей.

«Въ самой деревнѣ сначала все было спокойно и пусто; но вскорѣ изъ одной землянки вырывается крикъ и отвсюду являются осетины и бросаются въ ту сторону.

«Гречковъ туда же.... Нѣсколько неопрятныхъ существъ валяются на полу вонючей, душной сакли. Предметъ общаго вниманія — одна женщина. Она почти голая, волосы распущены, лицо исковеркано и въ крови, и реветъ что̀ есть мочи:

«— Горе, горе вамъ! да, впрочемъ, и *подѣломъ*! Вы сами виноваты: Господь васъ наказываетъ за ваши грѣхи. Перестаньте безчинствовать, если хотите, чтобъ вамъ было хорошо. Это — слова св. Георгія.»

«Вслѣдъ за тѣмъ она начинаетъ метаться, испуская изо рта пѣну. Толпа потянулась въ другое мѣсто. Тамъ та же сцена. Судороги схватили молодого человѣка, и онъ гробовымъ голосомъ кричитъ:

«— Св. Георгій, помоги!...

«Онъ бьется и проситъ помощи у великомученика. Родственники осетина бросаются на колѣни и, со слезами на глазахъ, вымаливаютъ у Бога благость къ несчастному. У многихъ волосы становятся дыбомъ; слышны біеніе въ грудь и плачъ. Одни воображаютъ, что злой духъ опуталъ человѣка; другіе, что это дѣло св. Георгія. Посылаютъ за священникомъ. Онъ является съ евангеліемъ и читаетъ его. Больной становится на колѣни и слушаетъ божественныя слова съ благоговѣніемъ, прикладывается ко кресту и потомъ спокойно уходитъ. Гречковъ ѣдетъ далѣе, въ Корниси. Еще издали слышитъ онъ глухой говоръ. Около храма, въ обширной луговинѣ, поросшей дремучимъ лѣсомъ, разложено нѣсколько костровъ подъ котлами, въ которыхъ кипятятъ воду; возлѣ лежатъ огромныя деревянныя вертела для шашлыковъ (куски жареной баранины). Изъ числа пяти-шести жертвенныхъ воловъ и десяти барановъ, одни привязаны къ деревьямъ, другіе уже зарѣзаны. Народу здѣсь до семи-сотъ человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, всѣ въ грязныхъ лоскутьяхъ и многіе босикомъ; многія женщины въ совершенно-бѣлыхъ платьяхъ — знакъ религіознаго обѣта. Всюду безпорядокъ и шумъ. Тамъ пляшутъ и поютъ пѣсни, въ которыхъ слышишь имя св. Георгія. Здѣсь борятся. Особенное вниманіе обращаютъ на себя кадаги, состоящіе преимущественно изъ женщинъ. Онѣ, подобно первой, мечутся полу-нагія со всклокоченными волосами, да страшно царапаютъ себѣ лицо. Нѣкоторыя въ изступленіи взлѣзаютъ на деревья, на кровлю церкви, какъ лунатики, и безъ всякаго вреда оттуда спрыгиваютъ на землю.

«— Вотъ, вотъ, говоритъ одна вѣщунья: — вотъ на бѣломъ конѣ сидитъ св. Георгій, съ пылающимъ отъ гнѣва лицомъ, и держитъ живого дракона, связаннаго веревкой. Какъ страшенъ этотъ драконъ, св. Вацила! И какъ онъ сильно порывается на насъ! Св. Георгій! будь къ намъ милостивъ.... Мы всѣ нечестивы, богоненавистники, нарушители закона и постовъ.

«— Правда, великая правда! кричитъ вѣщунъ, котораго начало корчить:—вы большіе грѣшники, нарушители дѣвства и цѣломудрія, вы — кровосмѣсители, вы — воры и обманщики!

«— Отъ васъ требуетъ св. Георгій, реветъ третій: — хорошо откормленныхъ быковъ... Слушай, *Созрико*.... ты завтра принесешь десять барановъ и одного вола.... Нето.... знаю, что ты затѣваешь въ душѣ.... Ты не смѣешь не выдать свою дочь за *Соco*. Нето св. Георгій пуститъ на тебя дракона. Вообще, онъ погубитъ васъ всѣхъ, христіане....

Народъ переходитъ отъ кадаги къ кадагѣ, со страхомъ и восклицаніями: «все, все сдѣлаемъ, св. Георгій, — только не губи насъ!»

Гречковъ говоритъ, что во всемъ этомъ нѣтъ никакихъ признаковъ обмана или притворства со стороны кадаговъ. Скорѣе это нравственная эпидемія, слѣдствіе распаленнаго воображенія, религіозоманія.

Спустя немного времени, осетины успокоиваются и является обѣдъ — изъ чурековъ, сыра, говядины, водки и пива. Кадаги перестали уже бѣсноваться. Только окровавленныя лица и блуждающіе глаза показываютъ ихъ недавнее бѣшенство. Передъ началомъ обѣда, старшина поднимается на ноги, и за нимъ всѣ. Съ кубкомъ въ рукѣ, онъ держитъ къ присутствующимъ рѣчь:

— Слушайте, почтенные старцы, и умолкните, неразумные щенки: я буду говорить вамъ дѣло. Пейте и ѣшьте во славу св. Георгія. Великій мужъ! помирись съ нами и будемъ попрежнему друзьями. Мы, право, будемъ выполнять все, что приказываешь чрезъ кадаговъ: соблюдать посты, праздновать всегда три дня въ недѣлю, не станемъ заниматься воровствомъ и убійствомъ.

Мало по малу пиръ дѣлается свободнѣе, шумнѣе; религіозный страхъ пропадаетъ; мужчины и женщины пляшутъ вмѣстѣ; тотъ храпитъ, а этотъ затѣваетъ драку и хватается за кинжалъ. Схватки принимаютъ серьёзный характеръ; но бойцевъ останавливаютъ кадаги, новыми угрозами и проклятіями.

Иногда — говоритъ г. Б—дзе — кадаги не довольствуются словесными обѣщаніями народа исполнять волю св. Георгія.

— Нѣтъ, вы обманщики! восклицаютъ они. — Вамъ не вѣритъ св. Георгій. Вы должны дать ему письменное обязательство.

И народъ даетъ письменное обязательство, чтобъ убѣдить чудотворца, что его не обманываютъ. Вотъ буквальный переводъ одной изъ этихъ бумагъ:

«1840, апрѣля 28. Мы, недавно обращенные въ христіанскую вѣру, осетины, жители такихъ-то селеній, по внушенію нашихъ кадаги, даемъ сію подписку вамъ, св. Георгію Дзагинскому, св. Георгію Гомаретскому, св. Георгію Кварашетскому, и проч. Мы всѣ, мужчины и женщины, большіе и малые, обязываемся впредь воздерживаться отъ всѣхъ пороковъ, съ тѣмъ, чтобы вы, св. Геор-

гій Дзагинскій, св. Георгій Кварашетскій и проч., простили намъ грѣхи, которые мы до сихъ поръ дѣлали. Если вы, св. Георгій Дзагинскій, св. Георгій Кварашетскій и проч., выполните это условіе, то мы клянемся, что ни сами не будемъ заниматься убійствомъ, ни другимъ это позволять. Мы откажемся отъ грѣховныхъ связей съ мачихами, сестрами, невѣстками и двоюродными сестрами и кумами; не будемъ дѣлать набѣговъ на Карталинію и Осетію, портить сѣнокосы, поджигать строенія, равно воровать живности и всякіе плоды и овощи; въ посты не станемъ ѣсть ничего мясного, а въ великій постъ будемъ непремѣнно говѣть и пріобщаться Св. Тайнъ; будемъ праздновать праздники и воскресеніе, да кромѣ того три дня въ недѣлю: понедѣльникъ, среду и пятницу, и въ эти дни ничего не будемъ работать....» и проч.

Это обязательство напоминаетъ любопытный эпизодъ изъ жизни одного франкскаго владѣтеля, переданный Огюстеномъ Тьери, въ его извѣстныхъ «Разсказахъ о временахъ Меровинговъ». Владѣтель этотъ простоялъ однажды на колѣняхъ цѣлую ночь передъ мощами мѣстнаго святого, прося его о чемъ-то и обѣщая, въ случаѣ исполненія молитвы, поднесть ему богатое приношеніе. Чтобы убѣдить угодника въ томъ, что его не обманываютъ, владѣтель составилъ торжественную подписку и положилъ ее въ раку.

Это главные праздники осетинъ; но бываютъ и мѣстные, второстепенные: такъ, въ аулахъ Владикавказскаго округа праздникъ *Гудъ-Дзуаръ* (образъ Гуда), совершаемый на горѣ того же имени (*); въ аулѣ Даргвасъ — праздникъ *Хцау-Дзуаръ* и *Фри-Дзуаръ* (образъ Божій; образъ барана). Кумиръ послѣдняго, мѣдный, до сихъ поръ хранится въ аулѣ.

Наконецъ у горцевъ есть мѣста, почитаемыя священными: туда ходятъ на поклоненіе, и, при большомъ стеченіи народа, тамъ устроиваются праздники. Въ одномъ изъ такихъ мѣстъ (въ Сенебанскомъ ущельѣ, въ пещерѣ *Фарнегадахъ* — благодатный) собираются женщины, во время засухи, для молитвъ и совершенія жертвъ, испрашивающихъ дождя. Въ этомъ ущельѣ, между прочими дарами, въ разное время принесенными, хранятся въ сундукѣ неизвѣстно чьи кости. Во время засухи женщины ихъ мочатъ въ рѣчкѣ и потомъ кладутъ на свое мѣсто: онѣ увѣрены, что послѣ этого обряда всегда выпадетъ дождь.

Нѣкоторые лѣса и рощи посвящены святымъ. Замѣчательно, что эти заповѣдныя рощи всего чаще встрѣчаются въ мѣстахъ безлѣсныхъ, гдѣ трудно добыть дровъ. Лѣса эти неприкосновенны;

(*) *Гудъ* — горный духъ, въ честь котораго названа и посвященная ему мѣстность.

ихъ можно рубить только для варки пива тому святому, которому они посвящены. Кто срубитъ дерево или сберетъ плоды съ него, тотъ ослѣпнетъ. Суевѣріе такъ сильно, что если бы кто положилъ въ лѣсъ самыя привлекательныя для горца вещи (а горецъ, какъ извѣстно, не очень чистъ на руку), то этихъ вещей никто не рѣшится взять, опасаясь наказанія неба. Если кому случится убить въ этомъ лѣсу звѣря, то тотъ долженъ тотчасъ собрать туда всѣхъ жителей своего аула и тамъ же, на мѣстѣ, звѣря того съѣсть всѣмъ обществомъ, если онъ съѣдобный, иногда бросить его, но ни въ какомъ случаѣ, подъ опасеніемъ слѣпоты и смерти, не выносить ничего изъ лѣсу.

Въ старину подобные лѣса давали убѣжище и защиту (droit d'asile); но теперь русскіе законы извлекаютъ и оттуда виновниковъ, несмотря на мнимую святость убѣжища.

Обряды родинъ, свадебъ, похоронъ и поминокъ также перепутаны съ обрядами языческими и мусульманскими. Когда мать почувствуетъ приближеніе родовъ, ближайшіе родственники выводятъ ее въ особую комнату, или саклю. У нѣкоторыхъ племенъ ее выгоняютъ даже изъ аула, въ приготовленный заранѣе внѣ аула шалашъ; она должна находиться тамъ одна и родить безъ всякихъ пособій. Если женщина сильно страдаетъ при разрѣшеніи и слышны стонъ и плачъ, то мужчины тихонько приближаются къ шалашу, съ заряженными ружьями, и дѣлаютъ нѣсколько залповъ, чтобъ отогнать злого духа и испугать родильницу, для облегченія ея страданій.... славныя понятія объ акушерствѣ! На другой день приносятъ ей хлѣба и подаютъ издали, считая за несчастіе прикоснуться къ родившей. Такъ она должна прожить около мѣсяца и потомъ уже возвращается въ аулъ; шалашъ торжественно сжигается. Правда, не у всѣхъ соблюдается этотъ варварскій обычай; но во всякомъ случаѣ осетинка не получаетъ никакой помощи во время разрѣшенія. Если родилась дочь, то собравшіеся съ поздравленіемъ гости уходятъ во свояси безъ всего, лишь грустно поглядывая на приготовленныя угощенія, потому что отецъ огорченъ и не хочетъ праздновать рожденіе дочери. Дочь у горца — ничто.

«Неблагодарные горцы! восклицаетъ г. Шегренъ. — А не она ли даетъ отцу калымъ? не она ли трудится и работаетъ мужу всю жизнь, какъ волъ?»

Но когда родится сынъ, особенно первенецъ, угощеніямъ нѣтъ конца. Начинаются поздравленія, подарки, а у богатыхъ — скачки съ призами.

Горцы не знаютъ своихъ лѣтъ и дня своего рожденія или именинъ; у нихъ только три личныхъ праздника: при рожденіи, женитьбѣ и похоронахъ. При рожденіи осетинъ получаетъ свое языческое имя, независимо отъ христіанскаго или магометанскаго, — послѣднія — только для проформы. Имя даетъ младенцу тотъ изъ родныхъ или почетныхъ гостей-стариковъ, кто первый прійдетъ къ его люлькѣ. Старикъ этотъ имѣетъ право сочинить какое угодно названіе новорожденному (*). Теперь, впрочемъ, не выдумываютъ новыхъ именъ, но есть старыя, счастливыя. Особенное счастье соединено съ названіями: черная собака, буйволъ, зубръ и проч., — словомъ, чѣмъ гаже прозваніе, тѣмъ оно благополучнѣе! Женщинамъ даются подобныя же нѣжныя прозвища. Горецъ рѣдко отликнется на свое христіанское имя. А назовите его *собачкой*, *волчонкомъ*, *лисичкой* и проч., и онъ съ удовольствіемъ отвѣтитъ вамъ.

На третій день послѣ крещенія (которое совершается съ большимъ трудомъ: надо, чтобъ самъ священникъ узналъ о новорожденномъ) снова собираются гости къ счастливому отцу и приносятъ сыну его вновь отлитыя пули.

«Несмотря ни на какія старанія правительства — говоритъ г. академикъ Шегренъ — искоренить многоженство у осетинъ христіанскаго исповѣданія, обычай этотъ до сихъ поръ сохраняется. Всякій, кто только въ состояніи прокормить двухъ-трехъ женъ, непремѣнно ихъ имѣетъ.»

Основаніемъ браку служитъ: 1) *калымъ*, по осетински — *крадъ*, т. е. *выкупъ* за невѣсту; 2) *равенство* состояній. Женихъ выбираетъ себѣ невѣсту еще въ колыбели, и калымъ платится или исподволь, или весь разомъ, передъ свадьбой. Въ день окончательнаго платежа бываетъ пиръ. Прежде у осетинъ за дочь князя платили 100 коровъ или 300 р. сер., нынѣ — 30 коровъ; за дочь простого человѣка 15—18 коровъ. Платятъ также и деньгами, вещами, оружіемъ и проч. Женихъ можетъ видѣть невѣсту только украдкою. Его жестоко оскорбитъ тотъ, кто спроситъ о свадьбѣ, о невѣстѣ; мужъ также сочтетъ за обиду вопросъ въ родѣ слѣдующаго: какъ здоровье вашей любезной супруги?

Равенство браковъ очень строго соблюдается. Если патрицій (и у горцевъ есть патриціи своего рода) женится на плебейкѣ, то жена его и дѣти считаются незаконными—*кавда-сардами*. Чтобъ лучше объяснить это слово, надо замѣтить, что, въ строгомъ смыслѣ, каждый осетинъ имѣетъ только одну жену. Прочія, купленныя де-

(*) У *ингушъ* названія даются не стариками, а совѣтомъ мальчишекъ.

шевле 70—120 руб. сер., считаютъ работницами, а прижитыя отъ нихъ дѣти — *собственностью* отца, кавда-сардами. Отецъ можетъ ихъ дарить, продавать, закладывать: это прекрасное средство *собственнымъ иждивеніемъ* увеличивать число своихъ работниковъ въ большой модѣ между осетинами. У нихъ каждая женщина, поступившая въ домъ и удостоившаяся чести раздѣлять ложе съ хозяиномъ, поступаетъ въ число работницъ, а дѣти ея—въ кавда-сарды. Уплачивая калымъ за такую женщину, оговариваютъ, что если она окажется неспособною или дурного поведенія, то хозяинъ можетъ отослать ее къ отцу, а дѣтей оставить при себѣ, въ услуженіи.

У богатыхъ женятся очень рано; но между бѣдными много взрослыхъ холостяковъ, которымъ нечѣмъ заплатить калыма. Украсть невѣсту допускается, даже похвально; но похищеніе должно быть сдѣлано ловко и съ согласія невѣсты. Тогда калымъ или вовсе не платится, или только частію. Но если Парисъ неловокъ, то можетъ поплатиться боками и даже жизнію.

Свадьба празднуется съ большимъ торжествомъ. Наканунѣ ея, женихъ, со свитою изъ нѣсколькихъ десятковъ *дружекъ*, ѣдетъ къ дому невѣсты и показываетъ видъ, что хочетъ увести ее. Получа невѣсту отъ родныхъ за разные подарки, дружки сажаютъ ее въ арбу или верхомъ за посаженымъ отцомъ и везутъ не въ домъ жениха, а къ сосѣдямъ, гдѣ и совершается первая ночь. *Приличіе требуетъ*, чтобъ молодые нѣсколько дней жили не у себя, а у сосѣдей, и видѣлись тайкомъ, такъ, чтобы, по возможности, никто изъ старыхъ людей не зналъ о ихъ свиданіяхъ. Стыдъ и срамъ тому горцу, котораго застанутъ въ нѣжной бесѣдѣ съ женою!

Но эта суровость воинственныхъ нравовъ, недопускающихъ *излiянія чувствъ* передъ *дамою сердца*, у нѣкоторыхъ племенъ перемѣшана съ рыцарскими обычаями: «считая за стыдъ быть съ женою при другихъ, хевсуръ, въ сношеніяхъ съ ней, до глубокой старости сохраняетъ родъ стыдливости: избѣгаетъ разговора при постороннихъ, фамильярнаго обращенія, не употребляетъ никакихъ нѣжныхъ выраженій и на супружескія свиданія отправляется въ глухую полночь, съ осторожностью прокрадываясь какъ бы на запрещенное, опасное rendez-vous, и то прежде испрашиваетъ позволенія... Молчаніе—знакъ согласія, и онъ тихо подходитъ къ женѣ, оставивъ всю свою одежду въ другой комнатѣ. Но если жена скажетъ: оставь, я спать хочу, что̀ означаетъ отказъ, мужъ отправляется назадъ.»

У старшинъ, или князей, дочери зашиваются въ корсеты лѣтъ съ осьми. Мужъ долженъ въ первую ночь разрѣзать корсетъ кинжаломъ, а будетъ еще любезнѣе, если разошьетъ его руками, не

порвавъ ни одной нитки. Горная женщина представляетъ двѣ противоположности: вообще въ первые годы молодости она тонка, стройна; южная грудь рвется вонъ изъ корсета, но онъ ее обуздываетъ и не даетъ ей полнаго развитія: это—Діана съ строгими формами. А скинувъ корсетъ и навсегда надѣвъ широкую одежду, та же женщина, отъ работы и трудовъ всякаго рода, въ 20 и 25 лѣтъ уже состарѣлась, обрюзгла, лицо ея покрылось морщинами, грудь отвисла до пояса, опустился животъ; но это считается красотою: подобная женщина для горца привлекательнѣе дѣвушки — немного странный вкусъ!

Въ дни свадебнаго празднества къ *молодой* собираются дѣвушки и жоны, къ *молодому* — парни, которые подъ конецъ праздника, какъ бы нечаянно, перемѣшиваются съ нѣжнымъ поломъ. Тутъ выбираются невѣсты и случаются любовныя интриги; но пойманные Ловласы часто наказываются смертью, мужемъ или отцомъ увлеченной красавицы, которой тоже предстоитъ печальная участь. Впрочемъ, любовь женщины подвергаетъ бо́льшему мщенію счастливца. За интригу же съ дѣвушкой платятъ деньгами или вещами.

Разводы бываютъ часты: наскучила жена мужу—онъ отсылаетъ ее къ роднымъ, не спрашивая на то ничьего согласія, иногда съ частью имущества, иногда совершенно безъ ничего. У нѣкоторыхъ племенъ мужъ долженъ давать оставленной имъ женѣ платье, шальвары, двѣ пары чевакъ (башмаковъ) и проч. Дѣти остаются при отцѣ или матери, по условію.

По смерти у осетинъ, кромѣ похоронныхъ пировъ-поминокъ, въ честь покойниковъ установлены праздники: еженедѣльные и ежегодные, со скачками и похвальными рѣчами усопшимъ. Эти поминки страшно раззоряютъ горцевъ. Какого бы ни были исповѣданія осетины, всѣ они хоронятъ умершихъ не въ гробахъ, а просто обернутыхъ въ полотно или въ бурку. Покойника опускаютъ въ яму, обкладываютъ его досками или каменьями, чтобы хищный звѣрь не разрылъ могилы, обжигаютъ ее порохомъ и потомъ засыпаютъ землею, бросая лопатки на могилѣ, изъ опасенія, что, принесенныя въ домъ, онѣ повлекутъ за собою несчастіе. (*)

Когда покойникъ лежитъ въ саклѣ, къ нему приходятъ прощаться мужчины и старыя или замужнія женщины. Мужчины, ставъ у двери, по четыре человѣка въ рядъ, берутъ въ правыя руки нагайки, а лѣвыми закрываютъ глаза, — потомъ затягиваютъ:

(*) *У дагорцевъ*, особаго осетинскаго племени, родственники умершаго три дня сряду караулятъ свѣжую могилу, чтобы *шайтанъ* не похитилъ въ это время трупа покойника.

адай-дай!, медленно приближаются къ покойнику и, въ тактъ съ припѣвомъ, бьютъ себя нагайками по обнаженнымъ, бритымъ головамъ. Дойдя до покойника и дотронувшись до него обѣими руками, они перестаютъ пѣть и бить себя, а нагайки передаютъ новымъ сострадальцамъ, начинающимъ ту же гимнастику отъ порога.

Это прощанье мужчинъ. За ними прощаются женщины: онѣ повторяютъ то же самое, только, вмѣсто нагайки, бьютъ себя обѣими руками въ лобъ. По окончаніи этого обряда, покойнаго взваливаютъ на арбу и везутъ на кладбище. За арбою слѣдуютъ женщины, медленно напѣвая: «адай-ай», и бьютъ себя руками въ грудь, голову и царапаютъ лицо. Мужчины слѣдуютъ поодаль и повторяютъ гимнастическія упражненія съ нагайкой. Плачъ на могилѣ предоставляется женщинамъ; мужчины же спѣшатъ напиться въ честь покойнаго.

У горныхъ осетинъ покойнаго одѣваютъ въ новое платье и полное вооруженіе. Помните ли картину похоронъ горца, нарисованную Пушкинымъ:

Всѣ ждутъ. Изъ сакли наконецъ
Выходитъ между женъ отецъ.
Два узденя за нимъ выносятъ
На буркѣ хладный трупъ; толпу
По сторонамъ раздасться просятъ;
Слагаютъ тѣло на арбу
И съ нимъ кладутъ нарядъ воинскій:
Неразряженную пищаль,
Колчанъ и лукъ, кинжалъ грузинскій
И шашки крестовую сталь,
Чтобы крѣпка была могила,
Гдѣ храбрый ляжетъ почивать;
Чтобъ могъ на зовъ онъ Азраила
Исправнымъ воиномъ возстать!

Кромѣ оружія покойнику даютъ три *чурека* (хлѣба) и штофъ пива, для того, чтобъ онъ не проголодался дорогой на небо и могъ подарить кого слѣдуетъ. Къ могилѣ подводятъ коня въ полномъ убранствѣ и конецъ узды даютъ въ руки покойнику. Если у него нѣтъ своей лошади, то его ссужаютъ на этотъ случай искреннія *кунаки* (друзья). Полагая, что на томъ свѣтѣ покойникъ будетъ жить своимъ хозяйствомъ, а слѣдовательно и ѣздить на лошади, которую подводятъ къ его могилѣ, горцы не употребляютъ въ этомъ обрядѣ два раза одну и ту же лошадь, чтобъ на томъ свѣтѣ не явилось на нее двухъ претендентовъ. Послѣ этого выходитъ на средину старикъ-*бардъ*, осетинъ, и говоритъ похвальное слово

покойному. Въ подобной рѣчи, приведенной г. Шегреномъ, выражается смѣсь жалкихъ понятій горцевъ о религіи. По окончаніи рѣчи ораторъ обводитъ коня трижды вокругъ могилы, объявляя покойному, что ему дается все платье, оружіе и лошадь, чтобъ онъ ни въ чемъ не нуждался. Ораторъ останавливается у его ногъ. Получивъ отъ присутствующихъ на овчинѣ — ячмень, и въ чашкѣ — пиво, ораторъ кормитъ ячменемъ лошадь, пьетъ пиво, чашку разбиваетъ объ голову лошади и черепки бросаетъ въ могилу. Наконецъ обрѣзываютъ коню ухо и также бросаютъ его въ могилу. Все это служитъ примѣтой, по которой покойникъ можетъ отъискать свою собственность.

Плачъ и *причитаніе* долго не прекращаются. Плакальщики распѣваютъ гробовымъ голосомъ разныя заученыя слова, въ родѣ слѣдующихъ:

«Гдѣ ты, такъ отважно разившій этимъ оружіемъ враговъ? Зачѣмъ оставилъ ты эту чудную винтовку, никогда недававшую промаха по врагамъ?»

Гости выражаютъ семейству покойнаго сожалѣніе почти въ слѣдующихъ словахъ:

Гость. Лучше бы было умереть мнѣ прежде, нежели видѣть тебя въ такомъ несчастіи.

Отецъ умершаго. Твоему врагу и злодѣю!

Гость. Великое несчастіе тебѣ лишиться его, а мнѣ суждено еще попирать землю!

Отецъ умершаго. Что хорошаго окружаетъ насъ? остались живые въ несчастіи и стыдѣ: въ смерти успокоились бы.

Гость. Но ваше несчастіе не такъ велико, какъ кажется съ перваго разу: жены изъ васъ — госпожи, мужья — господа; у васъ осталось много добра, вы первенцы племени.

Отецъ умершаго. Мы недостойны такихъ почестей!

Гость. Этого счастія не дай Богъ тому, кто не желаетъ его вамъ.

Отецъ умершаго. Да не пошлетъ Богъ никакого зла на вашу голову!... и проч.

Въ старину, по словамъ г. Шегрена, вокругъ могилы обводилась съ конемъ и жена, которой тоже обрѣзывали правое ухо, и бросали его покойнику, чтобъ онъ на томъ мѣстѣ могъ такъ же отъискать жену, какъ и лошадь. Нынѣ, съ водвореніемъ русскихъ на Кавказѣ, обычай этотъ замѣнился добровольнымъ отрѣзаніемъ косы у вдовы неутѣшной; но и это не у всѣхъ исполняется. Теперь даже не отрѣзываютъ уха у чужой лошади, а подстригаютъ только шерсть: требованія покойниковъ сдѣлались умѣреннѣе.

Но въ дѣлѣ кровомщенія обычай этотъ во всей силѣ. Убивъ врага своего друга, горецъ отрѣзываетъ у него ухо и кладетъ его на могилу отмщеннаго, въ знакъ того, что убитый врагъ будетъ на томъ свѣтѣ вѣчнымъ рабомъ его.

При поминкахъ, какъ и другихъ праздникахъ, не обходится безъ ссоръ и убійствъ. Скачка въ честь умершаго дѣлается предъ одной изъ трехъ главныхъ поминокъ въ году. Первый призъ — лошадь покойнаго, второй—ружье, и т. д., до послѣднихъ вещей умершаго. Изъ стариковъ выбираются *судьи*, которые распредѣляютъ время для игръ и присуждаютъ призы. За скачкой слѣдуютъ пальба въ цѣль, подъемъ вещи съ земли на всемъ скаку, ловля другъ друга за арканъ или за узду, сшибаютъ другъ друга съ сѣдла, и проч., и всѣ отличившіеся въ этихъ играхъ получаютъ призы. Такія поминки очень раззорительны и потому бываютъ только у богачей; а у прочихъ хотя и случаются скачки, но безъ призовъ.

Въ поминки, дѣлаемыя на третьей недѣлѣ Великаго поста, осетины варятъ пиво и различныя яства: и то и другое кладутъ въ мѣшокъ, который на ночь вѣшаютъ у дверей сакли, предполагая, что родные имъ покойники, оставивъ провизію, данную на дорогу, при похоронахъ, придутъ за нею въ эту ночь; а вѣшаютъ мѣшокъ для того, чтобы покойнику было легче отъискать его. Если мѣшокъ остается цѣлъ — значитъ мертвецы еще сыты. Еще дѣлаютъ во дни поминокъ деревянную статую, облекаютъ ее въ платье и оружіе и сажаютъ въ саклю, куда сходятся на всю ночь родные и знакомые умершаго. Передъ фигурою ставятъ свѣчи, плачутъ, поютъ *адай-дай* и слушаютъ сказку *нарта* (осетинскаго *барда*), которую онъ сопровождаетъ акомпанеманомъ на двухъ-струнной скрыпкѣ; въ антрактахъ пьютъ и ѣдятъ. Такъ проходитъ вся эта ночь поминокъ, называемая *баденъ-те* (ночь бдѣнія).

Всѣ горцы оказываютъ большое уваженіе умершимъ и мѣсту ихъ успокоенія — кладбищу. Надъ могилою осетинъ христіанскаго исповѣданія рѣдко ставятся кресты, а большею частію деревянный столбъ или каменная плита; у магометанъ ставятъ столбики съ шаромъ наверху, наподобіе чалмы. Иногда на могилы насыпаютъ курганы, ставятъ пирамиды, обносятъ каждую могилу заборомъ, и проч. У непокоренныхъ племенъ, болѣе воинственныхъ, ставятъ на могилѣ длинный шестъ съ флюгеромъ — символъ геройской смерти. Семейства хоронятъ вмѣстѣ, чтобъ на томъ свѣтѣ не растеряться. Умершихъ на чужой сторонѣ или въ плѣну стараются выкупить или вымѣнять на живыхъ, для того, чтобы похоронить въ одной могилѣ съ родными. Этимъ объясняется, почему всѣ горцы ста-

раются увозить съ мѣста битвы тѣла своихъ товарищей и отчаянно дерутся за обладаніе трупомъ убитаго соплеменника.

Сѣверная покатость средины Кавказскихъ горъ, которую занимаютъ осетины, пересѣчена многими ущельями; эти ущелья, болѣе или менѣе замѣчательныя по свойству природы и мѣстностей, носятъ разныя названія, которыми обозначаются и жители каждаго изъ нихъ. Въ ущельяхъ этихъ «еще стоятъ до сей поры» каменныя крѣпостцы и башни, въ которыхъ жители укрывались отъ нападенія сосѣднихъ кистинъ и другихъ племенъ Кавказа. Тамъ и здѣсь виднѣются перкви, сооруженіе которыхъ приписываютъ, разумѣется, царицѣ Тамарѣ. Бо́льшая часть этихъ церквей посвящена св. Георгію. Мѣстами мрачныя, мѣстами живописныя жилища осетинъ то взгромождены на высокихъ скалахъ изъ груды камней, то сложены изъ дерева подъ тѣнью ясеней, грушъ, лѣсныхъ сливъ, вяза и плакучихъ ивъ. Почти въ каждомъ селеніи есть башня для защиты отъ нападенія враговъ.

На плоскости долинъ Осетіи климатъ умѣренно здоровый; но въ горахъ, гдѣ природа бѣдна, онъ суровъ и неблагопріятенъ для растительности. Тамъ вѣчное царство зимы, и земля повсюду носитъ отпечатокъ опустошенія и безплодія, вездѣ мрачна и угрюма. Лѣто продолжается не болѣе трехъ мѣсяцевъ; но и тогда солнце едва взойдетъ, какъ уже погружено въ багровый туманъ — предвѣстникъ холода. Мятели и непогоды свирѣпствуютъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ. Осень ужасна, и самая весна принимаетъ видъ мрачной осени: куда ни обратишь взоры, вездѣ встрѣчаешь однѣ льдины, покрывающія вершины черныхъ скалистыхъ горъ и всю окрестность, занесенную сугробами глубокаго снѣга.

Промышленность осетинъ ничтожна. Женщины, которыя у осетинъ почти замѣняютъ рабочій скотъ — до того жалка ихъ участь — занимаются приготовленіемъ всего необходимаго для жизни: ткутъ сукно на чуху, шьютъ башмаки, дѣлаютъ бурки, чехлы на ружья, ножны для шашекъ и проч.; онѣ же исправляютъ всѣ домашнія и полевыя работы, тогда какъ мужья или потѣшаются джигитовкою, или курятъ трубку, строгаютъ кинжаломъ палочку и въ этомъ созерцательномъ занятіи проводятъ цѣлые дни.

Главнѣйшая пища у горцевъ: хлѣбъ изъ прѣснаго просяного тѣста, супъ изъ кукурузы или фасоли, и больше ничего. Только въ дни праздниковъ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ пьютъ бузу, араку или пиво и ѣдятъ баранину, жареную на вертелѣ, сыръ съ масломъ, пирожки и проч.; уздени употребляютъ лошадиное молоко. Ни у знатныхъ, ни у бѣдныхъ нѣтъ назначенныхъ часовъ для ѣды: каждый ѣстъ когда захочется, — отецъ — въ одномъ углу,

мать — въ другомъ, дѣти — гдѣ нипопало. При иностранцѣ или гостѣ наблюдаютъ больше церемоніи: хозяева считаютъ большою неучтивостью ѣсть при гостѣ; пригласивъ его на почетное мѣсто, убранное подушками, и усадивъ на нихъ, прислуживаютъ ему. Осетинъ такъ же неразборчивъ на постель, какъ и на пищу. Раздѣвшись до-нага, онъ ложится на полу, устланномъ соломою, на буркѣ или войлокѣ, зимою — подлѣ огня, а лѣтомъ — подъ открытымъ небомъ.

До присоединенія Грузіи къ Россіи, осетины, живущіе отъ *Капкая* (Владикавказа) до Дарьяла, были властелинами единственнаго пути черезъ горы въ Грузію, по едва проходимымъ тропинкамъ, прерываемымъ свирѣпымъ Терекомъ: они брали съ проѣзжихъ произвольно налагаемыя пошлины, иногда совершенно грабили и убивали несчастныхъ путниковъ.

Въ первый разъ русскія войска прошли этимъ путемъ въ началѣ октября 1769 года, подъ начальствомъ генералъ-майора графа Тотлебена, въ числѣ 400 человѣкъ, при четырехъ орудіяхъ, слѣдуя въ Имеретію, когда Турція объявила войну Россіи. Графъ Тотлебенъ проходилъ эти горы медленно, съ большими затрудненіями, строя на Терекѣ мосты, которые, по удаленіи войска, были разобраны осетинами. Русскій отрядъ находился въ Имеретіи по 1772 годъ, и въ это время осетины грабили слѣдовавшіе къ нему партіи и транспорты.

Второй походъ русскихъ въ Грузію былъ въ 1784 году. Два батальона пѣхоты, съ четырьмя орудіями, подъ начальствомъ полковника Бурнашева, спѣшили подать помощь царю Ираклію противъ Омаръ-хапа аварскаго и Сулейманъ-паши ахалцихскаго.

Третій походъ—въ концѣ сентября 1795 года, двухъ батальоновъ, подъ командою полковника Сирикнева, высланныхъ на помощь Тифлису противъ Аги-Мухаммедъ-хана. Сирикневъ, дойдя до Дриста, послѣ отступленія персіанъ, возвратился въ Георгіевскъ.

Четвертый — въ 1796 году: отъ корпуса графа Зубова, слѣдовавшаго на Дербентъ, отдѣлился отрядъ генерала Римскаго-Корсакова, занялъ гарнизономъ Ганжинскую крѣпость; а прочія войска расположились зимовать въ Кахетіи и Карталиніи. Весною 1797 года корпусъ графа Зубова возвратился снова въ Дербентъ, а Римскій-Корсаковъ того же года осенью возвратился на линію чрезъ Хевское и Дарьинское ущелья.

Наконецъ, въ 1799 году, по просьбѣ царя Георгія XIII, перешелъ Дарьяломъ черезъ горы 17 Егерскій полкъ, при четырехъ

орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-майора Лазарева, и вступилъ въ Тифлисъ 26 ноября.

Хотя массы войскъ, партіи и транспорты проходили безпрепятственно, но прочіе проѣзжіе русскіе, даже курьеры, платили осетинамъ пошлину за пропускъ, по таксѣ, утвержденной инспекторомъ Кавказской линіи; а грабежи и убійства не прекращались.

По назначеніи главнокомандующимъ въ Грузію генералъ-лейтенанта князя Циціанова, пошлина эта имъ уничтожена. По убѣжденію его, тагаурскій старшина, князь Дударакъ, уступилъ правительству селеніе Ларсъ (нынѣ станція при въѣздѣ въ горы изъ Россіи), и такимъ образомъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ обезпеченію дороги.

Въ 1804 году, осетины, живущіе по Арагвѣ и Тереку, взбунтовались, убили анапурскаго капитанъ-исправника, вырѣзали казачій постъ въ Каймаурѣ и прервали сообщеніе съ Россіею. Правитель Грузіи, генералъ-лейтенантъ Волконскій 3-й, въ бытность князя Циціанова подъ Эриванью, поспѣшилъ на выручку Анапура, осажденнаго осетинами, но, не успѣвъ ихъ разсѣять, возвратился въ Тифлисъ и донесъ Государю Императору о бѣдственномъ состояніи Грузіи. По Высочайшему повелѣнію, посланъ былъ, для открытія сообщенія съ Тифлисомъ, отрядъ войскъ, порученный начальникомъ Кавказской линіи въ командованіе генералъ-майору Несвѣтаеву. Авангардъ его, изъ одной роты Казанскаго полка и 300 казаковъ, штыками очистилъ всю дорогу, возобновилъ мосты, освободилъ Анапуръ и открылъ сообщеніе Россіи съ Грузіей. Князь Циціановъ, возвратясь изъ подъ Эривани, окончательно усмирилъ осетинъ. Послѣ его смерти, они пользовались, и то живущіе ниже Дарьяла, одною пошлиною только съ проѣзжихъ купцовъ, что также было уничтожено въ 1830 году, генераломъ княземъ Абхазовымъ, владикавказскимъ окружнымъ начальникомъ. Вотъ что замѣчаетъ Пушкинъ объ осетинахъ и проѣздѣ по Военно-Грузинской дорогѣ въ 1829 году (*):

«Осетины самое бѣдное племя изъ народовъ, обитающихъ на Кавказѣ; женщины ихъ прекрасны и, какъ слышно, очень благосклонны къ путешественникамъ; но отвратительная неопрятность, запачканныя лица, не мытыя иногда по мѣсяцу и болѣе — не внушаютъ желанія.... Съ Екатериноградa начинается Военно-Грузинская дорога; почтовый трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка, съ почтой, которая отправляется два раза въ недѣлю: это называется *оказіей*.... На сборномъ мѣстѣ соединился весь

(*) «Путешествіе въ Арзерумъ».

караванъ, состоящій изъ пятисотъ человѣкъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впереди поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки; за ними заскрыпѣлъ обозъ двухъ-колесныхъ аробъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали нагайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами.... Осетинскіе разбойники, безопасные въ этомъ узкомъ мѣстѣ (въ Ларсахъ), стрѣляютъ черезъ Терекъ въ путешественниковъ.... Турецкіе плѣнники разработываютъ дорогу....»

Но нынѣ этихъ оказій не существуетъ, потому что путь почти вездѣ безопасенъ. Мы говоримъ *почти*, потому, что отъ Георгіевска до Владикавказа еще содержатъ казацкіе пикеты и запрещено ѣздить ночью, изъ предосторожности отъ нападеній не осетинъ, а другихъ горныхъ племенъ, сосѣднихъ съ дорогою. По всей дорогѣ содержатся почтовыя лошади, устроены прекрасные станціонные дома, и путникъ встрѣчаетъ одного только непобѣдимаго врага — снѣжныя лавины, завалы и горные потоки. Впрочемъ, тѣ же самые осетины, которые лѣтъ двадцать тому нападали на путешественниковъ, нынѣ обязаны разчищать и починивать дорогу, за что́ избавлены отъ податей.

В. МЕЛЬНИЦКІЙ.